

D
2014

А. РАКША ОТМЕННОЕ МЯСЦО



В. НЕЧИПОРЕНКО ГОВОРЯЩИЕ УЛИКИ

Валерий НЕЧИПОРЕНКО
ГОВОРЯЩИЕ
УЛИКИ



Андрей РАКША
ОТМЕННОЕ
МЯСЦО

Подписные индексы:

18+



Читайте в этом номере:



"ГАЗЕТЫ,
ЖУРНАЛЫ".
Агентство
"РОСПЕЧАТЬ"

70814 "Подвиг" (на 1 полугодие)

81161 "Кентавр."
Исторический бестселлер"
(на 1 полугодие)

71174 "Детективы"СМ"
(на 1 полугодие)

47703 "Подвиг"
+"Детективы"СМ"
(на 1 полугодие)

81162 "Подвиг"
+"Детективы"СМ"
+"Кентавр"



Каталог
российской
прессы
"ПОЧТА
РОССИИ"

10960 "Кентавр."
Исторический бестселлер"

10961 "Подвиг"

10962 "Детективы"СМ"

44927 "Подвиг"
+"Детективы"СМ"
+"Кентавр"

99653 "Подвиг"
+"Детективы"СМ"



Объединенный
каталог
"ПРЕССА
РОССИИ"

45443

44784

Валерий НЕЧИПОРЕНКО "ГОВОРЯЩИЕ УЛИКИ"

Петр Пережигин может отыскать любую пропавшую вещь и по ее энергетике понять, какие события с ней связаны. К нему часто обращаются с просьбами расследовать преступления и загадочные события. Но те, кто думает, что его дар можно использовать втемную, жестоко ошибаются.

Андрей РАКША "ОТМЕННОЕ МЯСЦО"

Когда и почему человек начинает вести себя как преступник? Может быть, тогда, когда, "залив глаза", становится способен убить беззащитное животное, чтобы потешить себя?..



ISSN 1997-4108



9 771997 410776 14001>

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

Валерий НЕЧИПОРЕНКО

ГОВОРЯЩИЕ УЛИКИ

Омельев понял, что прямо здесь, на мосту, они убьют его так тихо, что никто из беспечных прохожих не обратит на его смерть внимания. Он увидел, как с той стороны под мост входил большой прогулочный катер. Надо решиться. Это его шанс, ниспосланный судьбой. Катер пройдет под мостом быстро. На счет "пять" надо прыгать. Мордовороты даже не успеют сообразить, что произошло. А он, оказавшись на катере, позвонит в полицию и попросит помощи. Ну, на счет "пять"!

Андрей РАКША

ОТМЕННОЕ МЯСЦО



Обессиленный лосенок стоял под нависающей земляной стеной, составив ножки высоким трогательным "иксиком", прижав к загривку, будто заяц, длинные уши, загнанно покачиваясь, не вполне осознавая, что происходит вокруг. Тяжелая дубина, городшной битой прошёлестев в раскаленном воздухе, будто вышибая простейшую фигуру, подсекла его, легко ломая тростинки тонких ног, как поставленные друг на друга столбики городшных "рюх".

DE
TEK
TURB



ПРИМ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ

МОСКВА



СОДЕРЖАНИЕ

Валерий НЕЧИПОРЕНКО

ГОВОРЯЩИЕ УЛИКИ

Роман

стр.4

Андрей РАКША

ОТМЕННОЕ МЯСЦО

Рассказ

стр.252

Об авторах

стр.280

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ "ПОДВИГ"

МОСКВА

1'2014

Валерий НЕЧИПОРЕНКО

Т О В О Р Я Щ И Е

У Л И К И

РОМАН



Часть первая «БАНКОВСКИЙ МОСТИК»

НАСТОЙЧИВАЯ ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА



озднее летнее солнечное утро минута за минутой неумолимо приближалось к тому моменту, когда над городом прозвучит выстрел Петропавловской пушки. Таких деньков, с голубым безоблачным небом и ласковым, едва порхающим ветерком, в Северной столице наберется едва ли два-три десятка за целый год. И каждый из них нужно ценить как нечаянный подарок природы.

Примерно в таком ключе размышлял Петр Пережегин, владелец-основатель и, по сути, единственный штатный сотрудник фирмы, на вывеске которой значилось: «Бюро находок».

Он стоял у запачканного белой краской окна своего кабинета, обстановка которого состояла из внушительного полированного стола, старого неподъемного сейфа, нескольких выдавших виды шкафов, глубокого начальственного кресла, трех пластмассовых стульев для посетителей и рогатой вешалки в переднем углу. Ну и, конечно, компьютера и ксерокса. Стол был свободен от каких-либо бумаг, не считая перекидного календаря, а легкий налет пыли на ручках шкафов свидетельствовал о том, что дверцы давненько не открывали.

В свои неполные 47 лет Пережегин выглядел вполне импозантно: подвижный здоровяк с короткой стрижкой, энергичным подбородком и ясными хитроватыми глазками уверенного

в себе профессионала. Однако, будучи по натуре классической «совой», он нуждался в первой половине дня в некой медитации, дабы войти в привычную рабочую колею.

Упражнениями подобного рода для него являлись наблюдения за мелкими происшествиями, происходившими во внутреннем дворе, вид на который открывался из его окна, либо размышления на самые отвлеченные темы.

Пережегин практически достиг желанной степени нирваны, когда в дверь нервно постучали, и тут же бабахнуло за Невой.

– Да! – ответил он, повернувшись к окну спиной.

В кабинет вошла светловолосая женщина лет за тридцать пять, миловидная и стройная. Правда, не слишком удачно подобранные очки несколько портили ее, как, впрочем, и некая печать озабоченности, проступавшая в выражении ее удлинённого лица.

На посетительнице были аккуратные темно-синие брючки и розовая кофточка с короткими рукавами. В руках она держала большой плоский пакет, закрепленный в нескольких местах куточками скотча. Из скотча были сделаны и ручки к нему.

– Вы Пережегин? – спросила она приятным бархатистым голосом и, не дожидаясь ответа, тут же воскликнула: – Вы должны мне помочь! Умоляю, вся надежда на вас.

– А что случилось? – отозвался он без особого энтузиазма.

– Если в двух словах, то вчера днем моего мужа арестовали прямо в квартире по совершенно нелепому обвинению.

– Тогда вам следует обратиться к адвокату, – посоветовал Пережегин.

– Адвокат у мужа уже есть, причем опытный. Однако я подозреваю, что он дает мужу неправильные советы, призывает его к сотрудничеству со следствием. А ведь муж ни в чем не виноват. Но у него слабый характер, он легко поддается чужому давлению. Вот этого я боюсь. Сейчас я вам все объясню...

– Стоп! – И Пережегин жестом дал понять, чтобы она не продолжала. Не предлагая женщине сесть, он сделал несколько шагов в ее сторону.

– Давайте я вам кое-что объясню, дабы избежать недоразумений. Итак, входя в этот кабинет, вы не могли не заметить, что на его двери висит табличка «Бюро находок». Чуть ниже, буквами помельче написано «Народный эксперт Пережегин Петр Мефодьевич». Что это означает? А вот что. Если вы потеряли на

своем дачном участке или на пляже поселкового озера золотое колечко, мы вам его найдем. Если, собирая грибы, обронили где-то в лесу связку ключей – отыщем в течение двух-трех часов. Мы можем даже найти вашу пропавшую собачку, при условии, что на ней имеется ошейник. Правда, искать мы будет не собачку, а ошейник, такова уж наша методика. Однако вместе с ошейником, по логике, отыщется и собачка, верно? Ну и так далее, понимаете? Мы ищем и успешно находим утерянные вещи, такова наша специфика, – повторил он. – При этом никогда не беремся за поиски вещей, если ими, в силу тех или иных обстоятельств, интересуются правоохранительные органы. И уж, конечно, не вмешиваемся в уголовные дела. Никогда. Вы меня хорошо поняли? – сощурился он, явно намекая визитерше на то, что ей пора удалиться. Говоря «мы», он, конечно, лукавил, никаких помощников у него не было, но это было невинное лукавство, просто чтобы «поддержать престиж фирмы».

Но дама, несмотря на свой домашний вид, явно была крепким орешком.

– Не далее как в феврале, я читала репортаж в одной из городских газет о том, как вы, уважаемый Петр Мефодьевич, помогли полиции вернуть картину, похищенную из музея.

Ого! Это был ход, явно рассчитанный посетительницей заранее. Невольно Пережегин даже загорячился, что случилось с ним крайне редко.

– Но это же совсем другой компот! – воскликнул он. – Полиция сама, понимаете, сама, обратилась ко мне, как к эксперту. – Тут он совладал со своими нервами и продолжал уже спокойнее: – Вот, к примеру, есть народные целители, которые помогают людям избавиться от многих недугов. При этом сами целители, если только они настоящие, природные, никогда не выдают себя за знатоков медицины. Они интуитивно используют свой дар, понимаете? Правда, к целительству сейчас примазалась целая орда мошенников, но это уже отдельный разговор. Что касается меня, то я – народный эксперт, может, единственный в своем роде. Я никогда не учился своему ремеслу, я получил свой дар от природы. Дар этот заключается в том, что я воспринимаю свойства вещей, ощущаю те тонкие, микроскопические, порой неуловимые следы, что оставлены на них их владельцами. Бывает, ощущаю на расстоянии, правда, небольшом. При этом я не пользуюсь никакой аппара-

турой, никакими хитроумными приборами. Всю необходимую оснастку природа-матушка заблаговременно разместила вот в этой коробке, – он постучал полусогнутым пальцем по своему лбу. – Повторяю, такой у меня дар. В буквальном смысле слова. Есть прирожденные мыслители, поэты, математики, мореплаватели, полководцы, зодчие, вообще мастера своего дела, и никого ведь это не удивляет. А я – прирожденный эксперт. Но только по части неодушевленных вещей и предметов, не более того. Впервые эту способность я обнаружил в двенадцатилетнем возрасте, когда нашел сережку, которую наша соседка потеряла на волейбольной площадке. Постепенно я развил в себе этот свой дар, хотя долгое время не знал, как его применить, затем открыл «Бюро находок». Да, в отдельных случаях ко мне обращались за консультацией господ сыщики. Однако никаких официальных договоров мы не заключали, потому что мои выводы, а я еще ни разу не допустил ни единой осечки, лишены, как правило, материальной доказательной базы и не могут быть приняты во внимание судом. Вот так, милая сударыня. Извините, но ничем не могу помочь ни вам, ни вашему мужу.

– Значит, я пришла точно по адресу, – хладнокровно парировала посетительница. – Так вот, вчера вечером из нашего с мужем дома пропала картина. Она висела на стене спальни два года. Это полотно под названием «Банковский мостик» написал уличный художник Омельев. Картина не считается художественной ценностью и не числится ни в каких каталогах. Уголок городского пейзажа, рядовая ремесленническая поделка, выполненная третьестепенным живописцем, как его называли при жизни. Два года назад Омельев погиб странной и страшной смертью. Буквально накануне трагедии он подарил эту картину моему мужу. И вот она исчезла из квартиры загадочным образом. Вы ведь не будете отрицать, что картина, особенно если она не имеет никакой материальной ценности, является *вещью*? Полиция, судя по всему, уверена, что вещь эта не похищена, а спрятана где-то моим мужем, который якобы симитировал ее кражу. Вместо того чтобы искать пропажу, господа полицейские, как я полагаю, пытаются склонить моего мужа к признанию. Следовательно, поиск полотна, которое в данный момент никто не ищет, – по вашей части, и вы именно тот человек, который может мне помочь.

– Хм! А с какой это стати полиция вдруг заинтересовалась картиной никому не известного уличного живописца, вдобавок покойного?

– Для меня это еще одна загадка.

Некоторое время Пережегин смотрел на плоский пакет, который она переложила в левую руку.

– Как я понимаю, вору удовольствовались холстом, а раму оставили хозяевам? – сощурился он.

– Не совсем так, но в пакете действительно находится рама от картины, с несколькими нитками холста, удержанными одним из гвоздиков.

– И эта рама, размеры которой приблизительно составляют 70 на 90 сантиметров, несомненно, ваша вещь... – задумчиво констатировал Пережегин, затем встрепенулся: – Что же мы с вами стоим? Присаживайтесь и подробно, а главное, последовательно, расскажите мне вашу историю. Но сначала не худо бы познакомиться. Как я понимаю, мое полное имя вам известно. А как зовут вас, позвольте полюбопытствовать?

– Виноградова Ирина Сергеевна.

– Что ж, Ирина Сергеевна, перейдем к делу.

НЕОБЪЯСНИМЫЕ СТРАННОСТИ

– Моего мужа зовут Алексей Николаевич, – начала свой рассказ посетительница, расположившись на одном из стульев, тогда как Пережегин устроился в своем кожаном вращающемся кресле. – Он на десять лет старше меня, но между нами царит полное взаимопонимание. Мы не только супруги, но и друзья, надеюсь, вы понимаете истинный смысл этой формулы. В былые времена, еще до нашего знакомства, Алексей был искусствоведам, довольно известным в городе. Но эта профессия, как почти и все прочие, относящиеся к сфере культуры, сегодня не слишком востребована. По признаниям мужа, он бедствовал, пребывал в состоянии стресса и уже смирился с мыслью, что лучшая часть жизни прожита. А затем один из его прежних коллег, человек по натуре более разворотистый, пригласил его в свою туристическую фирму экскурсоводом. Ведь Алексей знает основные европейские языки, как и историю культуры многих стран континента. Он стал выезжать с группами туристов за рубеж. В одной из поездок произошло наше с

ним знакомство, и вот уже седьмой год мы вместе. Последняя его поездка, как раз накануне похищения картины, была в Испанию. Он должен был везти группу в Швецию, но тут заболел другой гид, и мужу пришлось подменить его. – Она вздохнула: – Извините за длинное вступление, но вскоре убедитесь сами, что эта информация не излишняя.

Народный эксперт молча кивнул.

Виноградова выдержала небольшую паузу и продолжила:

– Моя профессия тоже относится к сфере культуры и считается одной из самых низкооплачиваемых. Я – простой библиотekarь. Точнее, теперь уже старший библиотekarь, но по существу это ничего не меняет. А еще я немного рисую, но на любительском уровне, без малейших претензий, для души, и только карандашом. Никогда даже не пробовала смешивать краски. Позднее, под влиянием мужа, который остается верным рыцарем искусства, я стала бывать на различных выставках, вернисажах и в галереях. Поверьте, это тоже не излишняя информация, и вы вскоре поймете, почему.

– Послушайте, – не удержался Пережегин, – не нужно извиняться после каждой фразы. Раз уж я согласился вас выслушать, говорите так, как считаете нужным. Прерывать я вас не собираюсь. Ну, двигаемся дальше.

Она понимающе кивнула явно воодушевленная его репликой и заговорила вновь:

– У мужа в городе есть близкая родственница – родная тетка по матери. Когда-то, в пионерском возрасте Алексея, она много сделала для него, и муж до сих пор испытывает к ней чувство признательности. Между прочим, она занимала важный пост в органах городской культуры, еще в советские времена. Зовут ее Елена Дмитриевна. По словам мужа, она всегда отличалась неподкупностью, честностью, принципиальностью и верой в светлое будущее. Живет она в огромной, перенаселенной коммуналке, хотя и рядом с Невским. Могла бы когда-то, при ее-то должности, выхлопотать себе отдельную квартиру, но посчитала это недостойным поступком. Она и сегодня остается бодрой и боевой, несмотря на возраст. Муж считает своим долгом навещать ее дважды в месяц, иногда чаще. Поначалу он брал меня с собой, но общение с чрезмерно активной тетушкой действовало на меня угнетающе. Уже через пять минут мне начинало казаться, что у меня вот-вот лопнет голова. Поэтому я

под разными предложениями отказывалась от этих визитов, и муж, кажется, понял мои мотивы. Наконец, по умолчанию, все устроилось так, что я сопровождала мужа в гости к тетушке один-два раза в год, стараясь достойно исполнить эту тягостную обязанность. Ну а муж навещал ее в своем прежнем режиме.

Пауза.

– Два слова о коммуналке, ибо истоки случившегося – там. В этом «дворце чудес», который походил скорее на восточный базар, чем на цивилизованное жилье, обитали не менее полусотни жильцов. На кухне вечно скандалили. А чего стоил коридор. Он такой огромный и широкий, что в нем свободно разминулись бы два автомобиля, если бы не бесчисленные старые шкафы, ящики и тумбочки, которые жильцы выставили вдоль стен. Тетушка любила повторять, что когда-то люди жили в этой коммуналке дружно и достойно, но мне что-то не верилось. Ну какой покой может быть в коммуналке.

Одним из ее обитателей был художник Олег Омельев. По словам Елены Дмитриевны, он продавал свои творения туристам на Невском, на Конюшенной и в прочих бойких местах. Дверь его комнаты всегда была распахнута настежь, если, конечно, хозяин находился дома. Поневоле бросалось в глаза, что едва ли не две трети помещения заставлено его «шедеврами» – в основном пейзажами популярных у туристов уголков города.

Мой муж еще до нашей встречи свел знакомство с этим типом. Полагаю, однако, что инициатива в их общении принадлежала Омельеву. Понимаете, мой Алексей – человек коммуникабельный, и его очень легко втянуть в разговор, особенно на темы искусства. Скорее всего, Омельев узнал об основной профессии мужа и посчитал, что знакомство с опытным искусствоведам пойдет ему на пользу.

Так или иначе, с определенного момента визиты мужа к тетушке нередко имели продолжение в комнате Омельева.

Как-то раз я тоже зашла с мужем к художнику, и мне не понравилось обилие пустых водочных бутылок в комнате. Кстати, муж никогда не выпивал с Олегом. Он, Алексей, вообще не пьет водку, только хорошее вино. Не понравилась мне и творческая манера Омельева: кричащие краски, какая-то небрежность в прописывании деталей, традиционный, уже набивший оскомину передний план. Словом, Омельев и как художник был мне

неинтересен. Я прямо сказала об этом мужу, он согласился со мной, но заметил, что у Олега есть искорка таланта, которую нужно пестовать.

А еще Алексей рассказал «по секрету», что у Омельева случались периоды запоя, когда он, человек тихий и незлой, начинал вдруг буянить, впадал в агрессию, а затем устраивал суд над своими картинами, крича так, что его слышала вся огромная коммуналка. Часть картин он приговаривал «к смертной казни» путем сожжения. Затем выносил эти холсты в глухой тупик огромного разветвленного двора и разжигал костер, бросая в огонь одно полотно за другим. Назавтра он рыдал и жаловался, что уничтожил лучшие свои творения, повторить которые уже не сможет. Вот такой был человек, и я не испытывала ни малейшего желания общаться с ним. И знаете, мой Алексей оказался единственным, кто мог хоть в какой-то степени образумить этого чудака. Пару раз мужу удавалось отговорить Омельева от «пожарища», и тот, проспавшись, воздавал спасителю своих картин горячую благодарность.

Она перевела дух и продолжила:

– Итак, я вам обрисовала вкратце обстановку, на фоне которой произошли последующие события. Однажды вечером, два года назад, муж вернулся домой после очередного посещения тетушки и принес большой пакет, в котором находилась картина. Ее подарил, точнее, навязал ему Омельев. Дескать, Омельев готовил большой суд над своими картинами и сам боялся того, что может произойти. Поэтому, мол, он хотел спасти хоть что-то и подарил мужу полотно под названием «Банковский мостик». Ну, тот самый, что рядом с Казанским собором. Грифоны с золотыми крыльями, канаты, уголок экономического университета сбоку и маслянистая поверхность канала Грибоедова. Никакой не шедевр, но написано было все же без свойственной Омельеву небрежности. Что ж, подарок есть подарок, и мы с мужем повесили картину в спальне, рядом с несколькими другими полотнами, собранными Алексеем в прежние времена.

А на следующий день, уже поздним вечером, позвонила Елена Дмитриевна и сообщила, что произошла ужасная трагедия. С наступлением темноты Омельев в очередной раз устроил сожжение своих картин, предварительно приложившись к бутылке. Затем, будучи, очевидно, в невменяемом состоянии, побежал к Аничкову мосту и бросился в воду. И так неудачно,

что ударился головой о нос большого прогулочного катера, который как раз выплывал из-под моста. Словом, когда этого безумца подняли из воды, он был уже мертв. Этот случай показали даже в телепередаче о городских происшествиях. Вот что еще: выяснилось, что Олег сжег на этот раз не какую-то часть своей коллекции, а все картины, все до единой. Если бы не внезапная прихоть живописца, буквально навязавшего мужу «Банковский мостик», то погибла бы и эта картина. Чудом уцелев, она так и висела у нас на стене как память о художнике, который, по мнению мужа, служил искусству в меру своего так и не раскрывшегося таланта. Прошло два года. Мы практически перестали вспоминать об Омельеве. И вот... – Виноградова запнулась.

– И вот... – повторил Пережегин.

– Вчера днем мне на работу позвонил встревоженный муж. Он сообщил, что ему только что звонила тетушка. По ее словам, в коммуналку с утра нагрянули полицейские, большей частью в штатском, и начали расспрашивать жильцов об Омельеве, о том, с кем он общался и кому в последнее время продавал или дарил свои картины. Муж предложил, чтобы мы оба немедленно отпросились с работы и встретились дома для серьезного разговора. Он считал, что имеет смысл обратиться в полицию и сообщить, что у нас есть одна из последних работ Омельева. Он добавил также, что ему лично абсолютно непонятен этот внезапный интерес правоохранительных органов к творчеству забытого уличного художника, но, видимо, для этого есть какая-то весьма веская причина.

Алексей приехал домой первым. Когда я поднялась в квартиру, то нашла его в спальне. С отрешенным видом он стоял у кровати и смотрел на пустое место на стене. Картина исчезла. Придя в себя, я бросилась проверять наши домашние тайнички. Документы, деньги, драгоценности – все было на месте. Исчез только «Банковский мостик», хотя рядом с ним висели более ценные полотна.

– Позвольте, – прервал ее Пережегин. – Не было холста, но рама-то оставалась?

– В том-то и дело, что не было ничего. Ни холста, ни рамы.

– Каким же образом рама оказалась у вас?

– Объясню чуть позже, чтобы не прерывать хронологию событий. Не прошло и четверти часа, как во входную дверь

требовательно постучали. Приехала полиция. Стражи закона тотчас принялись расспрашивать мужа о картине. К уверениям, что «Банковский мостик» похитили именно в этот день, может, только что, они отнеслись скептически. Алексею объявили, что он задерживается по подозрению в причастности к хищению ценного произведения искусства. Его увели. А у меня взяли подписку о невыезде. Едва за последним из сыщиков закрылась дверь, как я позвонила владельцу турфирмы, где работал муж, и объяснила ситуацию. Владелец фирмы заверил меня, что тотчас подключит к делу своего адвоката.

Не зная, чем успокоить себя, я решила спуститься во двор. На площадке первого этажа увидела дворника-гастарбайтера, который держал в руках пустую раму от нашей картины и рассматривал ее. Я налетела на него, как коршун, и потребовала объяснений.

Кое-как, с грехом пополам, мешая русские и узбекские слова, перепуганный дворник сообщил, что нашел эту раму перед дверью в подвал, где он хранил свой инвентарь.

Очевидно, похитители торопились, подумала я, либо же опасались задерживаться в квартире даже на пять минут. Возможно, они были в курсе того, что мы с мужем должны вот-вот вернуться домой, и предпочли вырезать холст из рамы в подвальной нише, где их никто не мог бы заметить. Затем свернули холст в рулон, засунули тот в тубус и спокойно вышли на улицу.

Пережегин какое-то время обдумывал услышанное.

– В этой истории много странностей, и их следует зафиксировать, – сказал он наконец. – Первая странность: художник подарил картину вашему мужу и на следующий день погиб, а перед этим сжег все свое творческое наследие. Очевидно, Омельев чего-то опасался. Но почему уцелел именно «Банковский мостик»? В этом, несомненно, есть некий скрытый смысл. Вторая странность: спустя два года после смерти неведомого широкой публике уличного художника «антикварный» отдел полиции внезапно заинтересовался его творчеством. С чего бы вдруг такое внимание? Третья странность: именно в тот момент, когда сыщики опрашивали жильцов коммуналки как возможных свидетелей, кто-то похитил разыскиваемую картину из вашего дома, притом в большой спешке, словно опасаясь, что его застанут на месте преступления. Складывается впечатление, что

вор, а точнее заказчик этой кражи, имел своего информатора в «антикварном» отделе. Между прочим, тот сильно рисковал, передавая сообщение непосредственно из коммуналки. Значит, «Банковский мостик» – картина не простая, а с каким-то секретом. Кстати, дверь вашей квартиры была взломана?

– В том-то и дело, что нет. Краешком уха я слышала разговор двух полицейских касательно того, что на замке нет никаких царапин, его, мол, определенно открывали «родным» ключом. Как я понимаю, это обстоятельство тоже играет против Алексея.

– К сожалению, это так, – кивнул Пережегин. – И все же с ключом разобраться можно. Пока же, честно говоря, меня больше всего ставит в тупик четвертая странность: кто тот источник, от которого полиция узнала, что Омельев подарил картину именно вашему мужу? Ясно только одно: источник находится внутри коммуналки, это один из жильцов. Итак, мы имеем огромное коммунальное общежитие, где люди ежеминутно, особенно по вечерам, после окончания рабочего дня, снуют туда-сюда, входят и выходят с ведрами, сумками, пакетами и прочим хозяйством. Это мельтешение, как правило, не задерживается ни в чьей памяти. Но кто-то все же приметил, что ваш муж выносит именно картину, хотя та, как я понимаю, была упакована и перевязана, верно? Однако этот «кто-то» не только приметил картину в руках Алексея, но и твердо помнил об этом факте на протяжении двух долгих лет и при появлении полиции сообщил ей об этом. Скажите, этим источником не могла быть тетушка вашего мужа?

– Елена Дмитриевна? Ну что вы! Тетушка никогда не сделала бы ничего такого, что могло бы принести хотя бы косвенный вред Алексею. Кроме того, она, полагаю, вообще не догадывалась, что Алексей получил от Олега подарок. Это действительно странно, но, по словам мужа, дело было так. Он попрощался с тетушкой и уже находился на выходе из коммуналки, когда его догнал Олег и вручил ему картину, завернутую в упаковочную бумагу и перевязанную шпагатом. Скорее всего, никто из жильцов не видел этой сценки. А если и видел, то вряд ли имел основания удерживать ее в памяти.

– Хм, – крякнул Пережегин, – значит, загадка спрятана глубже, чем могло бы показаться. Ладно, не будем бежать впереди паровоза. Итак, имеем четыре странности. Да еще эта рама.

Кстати, Ирина Сергеевна, а почему вы не отнесли раму в полицию?

– Боюсь, что тогда меня арестовали бы как соучастницу, и я лишилась бы возможности помочь мужу. Обратившись к вам, я не теряю надежды. Но подождите, Петр Мефодьевич. Это еще не все странности.

– Ну, так продолжайте, – поощрительно кивнул он.

ДВА ПОРТРЕТА

Виноградова достала из сумочки конверт, а из него извлекла два карандашных рисунка. Придвинула их по столу к Пережегину со словами:

– Полагаю, именно эти люди побывали в нашей квартире и выкрали холст.

«Народный эксперт» всмотрелся в рисунки.

На одном из них был изображен мужчина зрелых лет с грубоватой, даже топорной физиономией. Второй рисунок изображал красивую молодую брюнетку с тонкими чертами лица.

– Потрясающая оперативность, – заметил владелец бюро. – Но каким же образом вам удалось определить наружность грабителей? Между прочим, черты лица этого типа, – он постучал пальцем по мужскому портрету, – напоминают скорее фоторобот, тогда как женщина будто списана с натуры.

Посетительница кивнула:

– Вы абсолютно правы. А дело было так. Вернув себе раму от картины, я подумала о том, что ведь могу сделать еще что-нибудь для спасения мужа. Я вышла во двор и огляделась. В нашем дворе расположена просторная детская площадка, а чуть сбоку от нее – крохотный скверик. По периметру площадки тянутся скамейки, на которых в течение всего светового дня обычно сидят молодые мамы с колясками и старушки. Но, как нарочно, незадолго до этого прошел дождь, и все скамейки были мокрыми, а потому пустыми. И тут я заметила, что в скверике, под защитой кустов сирени, расположилась пестрая компания людей бомжеватого вида. Судя по количеству пустых жестянок из-под пива, валявшихся под их скамейкой, кайфовали они уже давно, значит, могли что-то заметить. Я знала, что с той скамейки наш подъезд проглядывается как на ладони. В обыденной ситуации я побоялась бы подойти к этим людям, но

ведь речь шла о том, чтобы доказать невиновность мужа. Преисполнившись не свойственной мне отваги, я приблизилась к ним и вступила в разговор, каким-то чудом находя нужные слова. И они, эти типичные бомжи, не прогнали меня и не стали отнекиваться, напротив, выразили сочувствие и поведали много интересного.

– Ну-ка, ну-ка, – сощурился Пережегин.

– Они сообщили мне, что не так давно видели на уединенной дорожке, что тянется за детской площадкой вдоль гаражей, чужого человека с тубусом под мышкой.

– Что значит – чужого?

– Вот и я задала им тот же вопрос. Они объяснили: допустим, я подседа к ним, и любой прохожий со стороны скажет, что я чужая в их компании. Вот и этот человек был чужим во дворе. Он вышагивал взад-вперед, будто поджидал кого-то, нервничал, поглядывал на часы, стараясь укрыться от дождя под кронами деревьев. Они даже поспорили, кого он ждет: собутыльника или женщину? Оказалось – женщину. Но когда та появилась, бомжи удивились еще больше, потому что женщина отличалась необыкновенной красотой и явно была чужой этому мужчине. Тем не менее они сошлись и принялись что-то тихо обсуждать между собой. Спустя несколько минут у женщины зазвонил мобильник в ее крокодиловой сумочке. Она достала трубу и выслушала кого-то, не проронив ни слова в ответ. Затем оба направились к подъезду, из которого вышли минут через пять-десять, быстро двинувшись под арку. Мужчина нес все тот же тубус, но теперь уже в руке.

Виноградова подняла на собеседника печальные серые глаза:

– Я говорила вам, что немного рисую. Вот и набросала по рассказам бомжей портреты подозрительной парочки. После нескольких проб они единодушно согласились, что получилось вполне похоже. Дома я перерисовала эти наброски, и сейчас они перед вами. Мужчину я не видела никогда, и мой набросок, вы абсолютно правы, фактически является фотороботом. Другое дело – женщина. Я видела ее, причем пару раз, на выставках. Такое прекрасное, чистое лицо трудно не запомнить. В ее сторону поглядывали, я говорю о выставках, многие другие посетители. Невольно я услышала разговор двух пожилых дам, обсуждавших эту красавицу. Опять же невольно в мою память

врезалось, что ее зовут Дина Цыганова. Ей, видимо, уже за тридцать, хотя выглядит она на 27-28. Одевается стильно, пользуется дорогой косметикой и, вообще, живет, судя по манерам, на широкую ногу. Вот, пожалуй, и все, что я о ней узнала, хотя теперь жалею, что не стала подслушивать дальше. Так или иначе, образ этой красавицы до сих пор стоит у меня перед глазами, поэтому и портрет получился, словно выполненный с натуры.

Пережегин между тем передвигал рисунки по столу, меняя их местами и внимательно вглядываясь в изображения.

– По-видимому, не нужно спрашивать, почему вы не отнесли эти фотороботы, назовем их так, в полицию?

– Помилуйте, там решат, что я выдумала историю с бомжами, лишь бы обелить мужа. Самое обидное, что они ведь и проверять не станут.

– Что ж, если ваши бомжи ничего не напутали, то расклад получается такой. Эта красавица – доверенный агент антикварной мафии. Ее сообщник – опытный квартирный вор, умеющий открывать замки, не оставляя следов. Он бы и сам, этот вор, мог взять картину. Но, очевидно, только Дина могла определить, тот ли это холст на самом деле. Значит, мужчина пришел на дело с тубусом... Это очень важная деталь. Ну-ка, покажите мне раму.

Некоторое время «народный эксперт» осматривал раму со всех сторон, затем начал проводить над ней ладонью, почти не касаясь ею дерева.

– Я оставлю ее у себя, не возражаете?

– Именно вам я ее и принесла.

– Вот и хорошо. Но начать все же следует с выяснения того, кто именно указал полиции на вашего мужа. В этом эпизоде – кончик ниточки, разматывая которую, мы доберемся до истины. Скажите, Ирина Сергеевна, в тот день, когда Омельев подарил вашему мужу картину, в коммуналке не произошло ничего странного?

– Ну как же! – воскликнула она. – У мужа пропали золотые часы. Будучи в гостях у тетушки, он случайно угодил рукой в майонез и пошел отмывать ее в ванную. Там снял по привычке часы и положил их на полку. И конечно, возвращаясь в комнату тетушки, забыл о них. Спихнулся только минут через двадцать. Поспешил в ванную, но часов на полке уже не было.

Поднимать скандал не в его характере. Так и ушел домой без часов.

– Золотые часы? – оживился Пережегин. – Это интересно, очень важный факт. Он долго носил эти часы?

– Они у него были еще до нашей свадьбы.

– Замечательно. Просто замечательно. Вот что, уважаемая Ирина Сергеевна, принесите мне нынче вечером, скажем, часикам к семи, какую-нибудь старую вещь, которой постоянно пользовался ваш муж. Ну, не знаю, его бритву или домашние тапочки.

– А поясной ремень подойдет? – спросила она. – На его дачных брюках есть ремень, которым он подпоясывался, по его рассказам, чуть ли не со студенческих лет.

– Это то, что нужно. Жду вас не позднее семи. Мне нужно задать вам еще несколько вопросов, но на свежую голову.

– Я приду раньше. Заодно расскажу вам о своей беседе с адвокатом, с которым мы должны встретиться после обеда.

БЕССИСТЕМНЫЕ ПРИКИДКИ

Оставшись один, Пережегин придвинул к себе позолоченную раму и некоторое время изучал ее. Естественно, в своей, мало-понятной для постороннего манере. Проглаживал ее ладонью, осматривал стыки, обратную сторону, снова переворачивал...

Отодвинув раму от себя, он взялся за рисунки.

Долго вглядывался в них, как бы стараясь заметить скрытые особенности карандашных линий.

– Нет, – вздохнул, наконец. – Пока – полный ноль.

Поднявшись, он вышагивал какое-то время по кабинету, затем остановился у окна, разглядывая с высоты своего третьего этажа тесный замкнутый дворик.

Там, внизу, в самом углу, у глухой стены громоздился мусорный контейнер, в содержимом которого ковырял палкой еще не старый, обросший бородой бомж в засаленной куртке, давно уже «пасшийся» на этом участке.

– Ладно, – крикнул Пережегин, – без визита к генералу в этом деле, кажется, не обойтись.

Он вернулся к столу, взял рисунки и отошел к угловой тумбочке, на которой пылился ксерокс, и вот уже у него в руках оказались копии рисунков.

Выудив из ящика стола пухлый планшет для визиток, он долго перебирал карточки, которые, похоже, были перемешаны безо всякой системы.

Наконец, нашел нужную. Сверяясь с ней, набрал на мобильнике номер.

– Мой генерал? – уточнил на всякий случай, хотя голос узнал сразу. – Как ваше драгоценное здоровье?

Слушая ответы, он часто кивал и в какой-то момент написто осведомился:

– Значит, мы можем встретиться сегодня? Ну, спасибо огромное, буду через 45 минут.

Закончив разговор, он уселся за компьютер, набрал на нем крупными буквами короткий текст в виде официального объявления и распечатал его на принтере.

Пару экземпляров сунул в портфель, вместе с ксерокопиями рисунков. Раму повесил на гвоздике в шкафу и вышел из кабинета, заперев за собой дверь.

ВИЗИТ К «КОРИФЕЮ СЫСКА»

Ровно через три четверти часа Пережегин звонил в дверь квартиры, расположенной в старинном здании на Петроградской стороне. Когда-то этот дом считался престижным, но, подобно тому, как рушатся карьеры у некоторых высоких чинов, строение это тоже обветшало, хотя и сохраняло еще некоторые следы былой респектабельности.

Дверь открыл высокий, худощавый ветеран, далеко за семьдесят, с суровыми чертами лица.

Еще лет этак... впрочем, точная дата неважна, Евгения Константиновича Морозова называли грозой криминального мира, прочили ему генеральские погоны и место на милицейском олимпе. Но уже в новые времена он не угодил присланному из Первопрестольной вальяжному выдвиженцу и, несмотря на свою легендарную выдержку, поддался эмоциям, подав сгоряча в отставку, которая тотчас была принята.

Уволился Морозов из органов полковником, хотя многие из его окружения, в том числе Пережегин, называли его «мой генерал».

Они, «народный эксперт» и милицейский неподкупный офицер – «корифей сыска», познакомились еще в ту пору, когда

хозяин квартиры носил майорские погоны и вел шумевшие дела, требовавшие, скажем так, нетрадиционного подхода. Профессиональные качества, которые они обнаружили друг в друге, обусловили их взаимную симпатию. Майор время от времени приглашал Пережегина для так называемых консультаций, хотя никогда не афишировал эти контакты.

Пережегин в свою очередь иногда обращался к майору за информацией, особенно после того, как открыл «Бюро находок».

Эта ниточка, протянувшаяся между ними, была довольно эффективной, поскольку встречались они едва ли раз-другой в год.

А уж после того как полковника выпроводили в отставку, и вовсе, казалось бы, исчез повод для встреч. Но Пережегин первое время после отставки полковника звонил ему даже чаще, чем раньше, понимая, что тот нуждается в моральной поддержке.

А затем понадобились и личные встречи. Дело в том, что Морозов, с его профессиональной памятью, продолжал следить по открытым каналам за деятельностью родного ведомства и поддерживал контакты с отдельными, наиболее доверенными членами своей бывшей команды.

Иными словами, несмотря на отставку, полковник имел весьма полное представление о криминогенной обстановке в городе, и в тех редких случаях, когда очередной поиск Пережегина требовал выхода на конкретных персоналий, «народный эксперт» обращался к Морозову по старой памяти, стараясь, впрочем, не надоедать отставному «корифею сыска».

После смерти жены полковник обитал в своей трехкомнатной квартире один; двое его сыновей проживали отдельно и вспоминали об отце лишь по большим праздникам.

Одну из комнат Морозов превратил в полноценную специализированную библиотеку с прилегающим к ней архивом. Здесь же, в стальном сейфе, находилась картотека на преступников, которую хозяин вел на протяжении десятков лет. Он по-прежнему делал тематические вырезки статей из газет и журналов, распечатывал последние сводки из Интернета. Многочисленные папки его архива продолжали распухать, к их рядам добавлялись новые.

По слухам, полковник писал «честную книгу» о борьбе с криминалом в Северной столице, начиная с послевоенных времен, но о работе над ней ни с кем никогда не откровенничал.

– Здравствуйте, мой генерал, – приветствовал хозяина Пережегин. – Рад видеть, что вы пребываете в бодром состоянии духа.

– Здравствуй, Петя. А дежурные комплименты оставь для дам. Вот тебе тапочки, переобувайся и проходи в кабинет. Перейдем сразу к делу. Без предисловий.

– Евгений Константинович, вопрос у меня простой, как всегда, – начал Пережегин, едва они расположились за столом. – Взгляните на эти два рисунка и скажите, не отмечены ли данные субъекты в вашей картотеке.

Сверху лежал карандашный портрет Дины.

Морозов довольно долго разглядывал его, но, кажется, все не потому, что пытался напрячь память.

– Замечательно красивая женщина, – констатировал, наконец. – Если бы она, хотя бы косвенно промелькнула в каком-нибудь деле, пусть даже в качестве свидетельницы, я обязательно запомнил бы столь выдающуюся фактуру. Впрочем, нельзя исключить, что она из новой популяции криминалитета. Так сказать, поколение next. У тебя есть ее пальчики?

– Обижаете, – мотнул головой Пережегин. – Вы же знаете, пальчики, анализы ДНК, потожировые следы и все такое прочее – не мой метод. Если я ищу людей, то лишь затем, чтобы выйти через них на пропавшие вещи.

– Ну, и какая же вещь пропала на этот раз?

– Картина маслом. В буквальном смысле. Так сказать, плотно малоизвестного живописца.

– Ну-ну, – хмыкнул полковник. – Тогда я вряд ли смогу тебе помочь. Не мой профиль. У меня, знаешь ли, тоже своя специфика.

Он отложил верхний рисунок в сторону и, едва взглянув на нижний, щелкнул по нему пальцем.

– Да это же Ключник.

– Ключник?

– Известный когда-то рецидивист Храпов Геннадий Федорович, по кличке Ключник. Начинал как квартирный вор, легко вскрывал замки любой конструкции. Такой, понимаешь, вручила ему матушка-природа талант. По слухам, изобрел универсальный ключ с регулируемыми бородками, но в глаза этого инструмента никто никогда не видел. Затем переквалифицировался в «медвежатника» – взломщика сейфов. Отличался

исключительной удачливостью. Имел всего лишь две отсидки, да и те на заре своей воровской карьеры. Были подозрения, что он участвовал в ряде крупных ограблений, но всякий раз дело прекращалось за недоказанностью улик. А затем, лет семь или восемь назад, он как-то вдруг «завязал». Исправился, понимаешь ли. Хотя жил на широкую ногу, деньжата у него определенно водились.

– Может, и вправду исправился, а жил на накопления прежних лет?

– Эх, милый! Исправился – это я пошутил так неудачно. Ключник из тех личностей, о которых говорят «горбатого могила исправит». По большому счету, ему даже и не деньги нужны, а риск, адреналин в крови, ощущение собственного превосходства в мастерстве. Не может такой генотип ни с того ни с сего превратиться в добропорядочного обывателя. Для него это смерти подобно. Определенно, у него есть какой-то незаконный промысел, весьма хитроумно замаскированный. Я пытался в свое время подобраться к этому субъекту через свою агентуру, да не успел. – Морозов строго посмотрел на гостя: – Позволь, а у тебя какой к нему интерес?

– Еще не знаю, – вздохнул Пережегин. – Но есть основания полагать, что именно он, на пару с красавицей, чей портрет так вас взволновал, сподобился похитить у моей клиентки картину, не представляющую художественной ценности.

– Картину, не представляющую ценности? – удивился хозяин. – Стал бы он, мастер высшего воровского пилотажа, связываться с какой-то ерундой.

– Нет слов, история загадочная, но пока факты указывают именно на Ключника. Полиция в этом направлении не копает, по крайней мере, в настоящее время. Стало быть, у меня развязаны руки, и я смогу помочь клиентке, не нарушая условий моей лицензии.

– Ох, и хитер же ты, братец, – погрозил ему пальцем полковник. – Ладно, чем я могу тебе еще помочь?

– Не подскажите, где берлога этого Ключника?

– Погоди-ка, посмотрю в картотеке, – Морозов встал с кресла и прошагал к сейфу, заслонив его собой.

Только сейчас, по его походке, Пережегин с грустью понял, насколько состарился бывший brave майор и с какими усилиями он поддерживает себя в нужной форме.

Полковник порылся в одном из ящичков, вроде тех, что используют в библиотеках, и выудил оттуда карточку.

Вернулся в свое кресло, держа маленький картонный прямоугольник прямо перед собой, «рубашкой» к Пережегину. Старая ментовская привычка воистину неискоренима.

– Так вот, – заговорил хозяин. – Ключник родился в обычной питерской коммуналке, в которой он, вот парадокс, прописан до сих пор. Но, заверяю тебя, после первого своего дела в ней он не появлялся более ни разу. Позднее, в период своих криминальных «подвигов», он имел целую сеть «берлог», где успешно скрывался от облав. Впрочем, это дела давно минувших дней. А сейчас, и это достоверные сведения, он проживает без регистрации в Лахте, в доме своей тетки. Запиши адрес...

Некоторое время царило молчание.

Затем полковник произнес:

– Вот что еще, Петр... Ключник – это тебе не какой-нибудь пацан, у которого перехватывает дыхание при виде полицейской корочки. Это матерый волчара. Он, между прочим, владеет искусством нанесения болевых приемов. Не успеешь опомниться, как окажешься на полу в бессознательном состоянии, при этом окружающие так и не поймут, что же произошло. Если же он почует смертельную опасность, а интуиция у него звериная, то может пустить в ход оружие. Оружием же в его руках может стать все что угодно, даже обычная скрепка для бумаг. – Морозов строго посмотрел на гостя: – Ты подумай, Петя, надо ли тебе, не имея надежной защиты за спиной, ввязываться в это дело, да еще из-за картины, не имеющей художественной ценности. Ей-богу, ищи лучше колечки, утерянные рассеянными дамами. Спать будешь спокойней.

– Ладно, – кивнул Пережегин. – Спасибо за совет, но ведь и мы не лыком шиты. Притом я уже обещал своей клиентке, что найду пропажу.

– Как знаешь, я тебя предупредил.

Они попрощались.

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Клиентка уже дожидалась Пережегина у закрытой двери его кабинета.

По ярким огонькам в серых глазах Виноградовой, по нетерпению, которое читалось во всем ее облике, нетрудно было

догадаться, что дама принесла не только обещанный ремень, но и свежие новости, причем весьма неоднозначные.

Отперев дверь, «народный эксперт» пропустил женщину вперед:

– Располагайтесь и рассказывайте.

Он сам еще не успел устроиться как следует, в своем вращающемся кресле, а Виноградова уже дала выход переполнявшим ее эмоциям:

– Петр Мефодьевич, я только что беседовала с адвокатом. Некоторые загадки, точнее странности, из тех, что вы перечислили при первой нашей встрече, прояснились. Но одновременно открылись другие обстоятельства, которые ставят Алексея в еще более тяжелое положение. Теперь, уж точно, вся надежда только на вас.

– Давайте-ка по порядку. Какие именно загадки-странности прояснились?

– Адвокату удалось выяснить, что недавно Интерпол задержал группу антикварных мошенников. Они находились под наблюдением несколько лет, и, наконец, их взяли с поличным. Один из задержанных согласился сотрудничать со следствием и начал давать показания. Он рассказал, в частности, о русской ветви международной антикварной мафии. По этой ветви через Россию перевозили с Запада на Восток и в обратном направлении ценности, похищенные из музеев и частных коллекций. В основном произведения живописи. Одним из перевалочных пунктов был наш город. Мошенники имели здесь на содержании своего художника, который по их указке закрашивал украденный шедевр каким-нибудь расхожим туристическим сюжетом, и далее полотно перевозилось до конечного пункта уже в таком виде. Затем верхний, свежий слой краски смывался, и шедевр предстал во всей своей первозданной красе. Якобы существуют специальные технологии на этот счет. Мне, естественно, все подробности неизвестны, но суть, вкратце, такова. Художником, состоявшим на службе у мафии, был не кто иной, как Омельев. Да-да! Я сначала ушам своим не поверила, но, увы, именно эту фамилию назвал Похититель, обозначим его так. По его словам, последним заказом для Омельева была закрашка выкраденной из зарубежного музея картины «Маки», принадлежавшей кисти одного из известнейших французских импрессионистов XIX века. Омельев выполнил заказ, изобразив

поверх полотна «Банковский мостик» с грифонами. Оставалось лишь подождать, пока свежая краска просохнет, после чего замаскированный таким образом холст надлежало забрать курьеру мафии. Но случилось непредвиденное. Омельев впал в страшное нервное расстройство, сжег все свои картины, в том числе, предположительно «Маки», и покончил с собой.

– Любопытная версия, – покачал головой Пережегин. – Она действительно многое расставляет по своим полочкам. Стало быть, мафия поверила, что впавший в депрессию Омельев сжег вместе со своими творениями и закрашенные «Маки»?

– Из показаний похитителя следует, что это не так. Мафия посчитала, что в ситуацию, скорее всего, вмешалась какая-то третья сила. Какой-то другой охотник за шедеврами. Возможно, конкурент. Он вычислил Омельева и пообещал ему очень крупное вознаграждение, если тот сыграет по его сценарию. Омельев согласился, даже не подозревая, что его водят за нос. В результате картина исчезла, а художник якобы покончил с собой, хотя в действительности его убрали как лишнего свидетеля. Такова версия, которая будто бы появилась у аналитиков антикварной мафии, – подчеркнула Виноградова.

– Ну, эти аналитики тоже не боги, – отозвался Пережегин. – Согласен, возможно, третья сила была. Но и Омельев оказался не так прост. Для подстраховки он использовал вашего мужа втемную, передав ему картину в расчете на то, что позднее, когда шум уляжется, он заберет ее под каким-либо благовидным предлогом. Но и Омельев не все просчитал, заплатив за ошибку собственной жизнью. А картина чудесным образом выпала на два года из поля зрения не только мафии, но и неведомой третьей силы, а также Интерпола. – Он поднял глаза на Виноградову: – Полагаю, Интерпол буквально на днях передал сведения, касающиеся Омельева, нашей полиции, и ее сотрудники начали действовать по своим каналам. Но какими путями наши доблестные пинкертонеры вышли на вашего мужа, ума не приложу. Кстати, что вы там говорили о его ухудшившемся положении?

– Да ведь антикварных мошенников арестовали в Испании! – воскликнула Виноградова. – Как раз после того, как муж возил туда экскурсию. Надó же было случиться такому совпадению. А ведь он не должен был ехать в Испанию, это был не его тур, я вам уже говорила.

– Да-да, я помню, – Пережегин надолго задумался. – Нет, – покачал головой после паузы. – Если бы аресты в Испании выводили на вашего мужа, то к вам пришли бы сразу. Нашим сыщикам не было бы тогда никакой нужды высаживать целый десант в коммуналке. Именно там, в коммуналке, они нашли ниточку, которая привела их в вашу квартиру. Но кто им вручил эту ниточку? Кто этот таинственный свидетель, который запомнил, что два года назад ваш муж вышел из квартиры с картиной в руках? Именно это надо установить в первую очередь. А затем разматываем клубок, но в другую сторону, и он обязательно приведет нас к картине, если она, конечно, еще цела. Однако не будем бежать впереди паровоза, – подытожил Пережегин. – Вы принесли ремень?

– Конечно, вот он, – она достала из сумочки туго свернутое кожаное кольцо и протянула его собеседнику.

Тот распрянул потертую ленту во всю длину, осмотрел со всех сторон, ощупал пряжку. Ладонью провел по ней в обоих направлениях.

– Очень хорошо. Кстати, у меня тоже есть новости, – с этими словами он передал Виноградовой ксерокопию выполненного ею мужского портрета: – Я установил личность этого человека. Это вор-рецидивист. Специализация – бесшумное вскрытие чужих замков. Имя – Храпов Геннадий Федорович. Кличка соответствует «профессии» – Ключник. Полагаю, именно он проник в вашу квартиру вместе с очаровательной напарницей. Теперь я собираюсь нанести ему ответный визит. Тоже тайный.

– Вам известен его адрес? – удивилась она.

– Да, подсказал один добрый человек... – Пережегин положил на стол бумажку с записью, сделанной в квартире Морозова. – Вот, взгляните. Это в Лахте, недалеко от вокзала. Знакомые места.

Она заглянула в бумажку, затем снова перевела взгляд на ксерокопию:

– Вы сказали – рецидивист. Наверное, это очень опасный человек? В его чертах чувствуется что-то безжалостное, неумолимое.

– Я не собираюсь вступать с ним в контакт. Говорю же, визит будет тайный. Просто хочу проверить, не там ли прячут шедевр, дорисованный Омелевым.

– Вы поедете в Лахту завтра? – продолжала допытываться она.

– Завтра утром я загляну в известную вам коммуналку. Попробую отыскать тот самый кончик ниточки. Есть еще кое-какие дела. Так что Лахта, скорее всего, отодвинется на послезавтра. А почему вы спрашиваете?

– Хочу напроситься в ваши попутчицы. Чего ради мне целый день маяться от безысходности? К тому же я могу оказаться вам полезной. Я не истеричка, поверьте.

– Ирина Сергеевна, это деликатный визит. Лишние участники тут ни к чему.

– Обещайте, по крайней мере, держать меня в курсе происходящего.

– На этот счет не волнуйтесь. Выходить на связь буду регулярно. Думаю, что и у вас могут появиться интересные новости.

ОСМОТР «ВАВИЛОНА»

Назавтра, около половины девятого утра, Пережегин стоял перед входом в коммуналку – «в трех шагах от Невского», вглядываясь в объявление, прикрепленное к двери:

«Уважаемые жильцы!

С завтрашнего дня сотрудники СПб БНПМП будут осуществлять выборочный замер уровня транспортных шумов в жилых помещениях.

Просьба обеспечить доступ в квартиру, это в ваших интересах.

Администрация СПб БНПМП»

Это было то самое объявление, которое Пережегин вчера распечатал на своем принтере. Он же и прикрепил его к дверям коммуналки на обратном пути от полковника Морозова. Аббревиатура БНПМП расшифровывалась просто: «Бюро находок» Петра Мефодьевича Пережегина».

Сейчас на эксперте была синяя, с ярко-оранжевыми вставками униформа, вроде той, которую носят работники коммунальных служб города. Такого же цвета шапочка сидела на его голове. Лицо Пережегина почти полностью закрывали большие очки с затемненными стеклами и респиратор, приспущенный на подбородок.

В руках шеф «Бюро находок» держал объемистый, серебристого цвета футляр, где, судя по внешнему виду, мог находиться некий измерительный прибор. В действительности футляр был пуст, предназначался же для переноски в нем униформы после завершения намеченной акции. Последняя деталь: сине-оранжевые брюки мэтра были подпоясаны старым ремнем, который вчера принесла Виноградова.

Пережегин уже протянул палец к кнопке электрического звонка, когда дверь распахнулась, и на площадку вышел молодой человек, по всей видимости, спешивший на работу.

Едва не налетев на визитера, он резко остановился.

– А-а, измерители шумов! Давно пора. В моей комнате круглые сутки слышно, как у светофоров завывают моторы. Интересно, по результатам вашей проверки будут приняты хоть какие-нибудь конкретные меры?

Пережегин молча кивнул, и молодой человек помчался своей дорогой. Петр Мефодьевич шагнул в квартиру. Ему казалось, что, по описанию Виноградовой, он имеет представление об этом жилище с сугубо питерской спецификой. Но картина, открывшаяся его взору, оказалась куда более впечатляющей.

Перед ним словно бы обрисовался участок неблагоустроенной улицы, притом вечерней, несмотря на солнечное утро. А дело в том, что коридор не имел торцевого окна, и потому в нем царила вечная темень, слабо разбавленная двумя-тремя тусклыми лампочками, сиротливо горевшими над отдельными дверьми. Очевидно, жильцы экономили электроэнергию на общеквартирных расходах, так что дальняя часть коридора, как и высоченный потолок, утопала в сиреновом полумраке.

Вдоль стен громоздились «дрова» – отжившие свой век шкафы, комоды, буфеты, какие-то продолговатые ящики, используемые жильцами в качестве индивидуальных чуланов-«сарайчиков». Виднелись также подвешенные к стенам на разной высоте велосипеды, детские коляски, стародавние стиральные корыта.

По коридору сновали нервные люди, не успевшие завершить толком свой утренний туалет. Надо полагать, все они прочитали вчера вечером объявление на входной двери, и потому появление человека в униформе и в маске-респираторе никого не удивило. «Народный эксперт» перехватил два-три мимолетных взгляда, но и в них отражалась разве что тень любопытства.

Вот и хорошо. Но сколько же здесь комнат? Пятнадцать, а может, и все двадцать? А сколько жильцов?

Сначала Пережегин прошел вдоль хозяйственного блока – туалета на три-четыре очка и ванной, где пропали часы Виноградова. Затем показался уголок крайне тесной для такого Вавилона кухни. Виднелось окно, выходившее во внутренний двор, одна его створка была открыта.

Из кухни несло чем-то пригорелым, там переругивались одновременно несколько хозяек.

Пережегин принялся совершать обход по периметру коридора, начав с левой стороны. Он останавливался у каждой двери и приближал к ней, не касаясь, однако, дерева, правую ладонь, а левой проводил по старому ремню, полученному от Виноградовой. Если поблизости вдруг оказывался кто-то из жильцов, Пережегин ставил футляр на пол и производил некие манипуляции отходящим от того гибким шлангом с раструбом. Затем двигался дальше.

Возле четвертой по счету двери он остановился, прошептав: «Ага, теплее...»

Именно в этой комнате обитал неудачник Омельев, заваривший всю эту кашу. А заселился сюда, после его смерти, по направлению в порядке очереди, надо полагать, тот самый молодой человек, который встретился Петру Мефодьевичу в дверях. В таком мегаполисе, как Питер, есть люди, и их немало, для которых обладание отдельным помещением даже в многонаселенной коммуналке – большая удача.

Двигаясь почти без задержки, владелец «Бюро находок» добрался до торца. Глаза уже привыкли к полумраку, и Пережегин свободно различал детали окружающей обстановки.

Тут самая дальняя по левой стороне дверь распахнулась, и на участке коридора сразу же стало светло от ярких солнечных лучей, бивших с улицы через окно комнаты. Пережегин мгновенно принялся манипулировать раструбом, проводя им по плинтусу.

Между тем вышедшая из комнаты худощавая, воинственно-го вида старуха остановилась прямо перед ним, скрестив руки на груди и сурово глядя на «измерителя».

Так вот она какая, Елена Дмитриевна, тетка Виноградова. Пережегин вообще не планировал сегодня навещать старую даму, но раз уж она нарисовалась сама...

– Ваш прибор не работает! – громко констатировала дама. – Он не жужжит. Вы из полиции? Опять что-то вынюхиваете?

– Нет, мадам, я не из полиции, – ответил Пережегин, убрав с лица респиратор. – Я из технической службы. А прибор работает бесшумно. Принцип его действия основан на колебаниях сверхнизких частот, недоступных человеческому слуху. Понятно объяснил?

– Ладно, – смягчилась старуха, – тогда сделайте замер в моей комнате. Слышите, какой шум доносится сюда со двора? Автолюбители. А ведь когда-то ставить машины во дворе за-прещалось категорически.

Он кивнул и вошел в жилище.

Комната была большая, не менее тридцати квадратов, разгороженная высокими ширмами на две неравные части. Не считая плоского телевизора и компьютера, вся прочая обстановка хранила на себе следы ушедшей эпохи.

На вычурном трехногом столике стоял телефонный аппарат. Ага, стало быть, тетушка имеет свой персональный городской телефон, с которого, очевидно, и сделала тот самый звонок своему любимому племяннику. Вне сомнений, есть у нее и мобильник. Но люди ее поколения предпочитают пользоваться городским телефоном. Не только из соображений экономии, но главным образом по давней привычке.

Пережегин пару раз провел раструбом по стене у плинтуса.

– Все, замер произведен.

– Но вы ничего не записываете, – подозрительно сощурилась Елена Дмитриевна.

– В этом нет нужды. Прибор автоматически фиксирует все показания. Оператору остается лишь сделать распечатку.

– И все-таки вы чего-то не договариваете, – настырно продолжала хозяйка. – Я вчера весь вечер провела за компьютером, но так и не нашла в Интернете организации под названием БНПП...

– Мы не афишируем свою деятельность, – ответил Пережегин, не зная уже, как отвязаться от въедливой старушечки. – Если есть вопросы, обращайтесь в городскую администрацию, там знают.

– Назовите, по крайней мере, вашу фамилию.

– Сидоров. Техник Сидоров. Ладно, надо продолжать, у меня еще десять квартир в списке.

Он вновь приладил респиратор и вышел в коридор, двинувшись вдоль его правой стены.

Старая дама некоторое время наблюдала за его действиями, затем направилась в сторону кухни, что-то бормоча про себя.

Он продолжал обход, нигде надолго не задерживаясь, поскольку для этого не было причин. Увы, пока ничего интересного...

Оставалось пройти всего четыре комнаты, когда «народный эксперт» вдруг замер как вкопанный. Приблизил еще раз ладонь к двери, медленно провел второй ладонью по ремню.

Комната находилась как раз напротив той, что занимал когда-то Омельев.

«Тепло, – сказал себе Пережегин. Впрочем, кой черт тепло – горячо!»

Он сорвал с себя опостылевший респиратор и сунул его в футляр вместе со шлангом.

Затем коротко постучал в дверь.

– Войдите! – донесся с той стороны вежливый, даже несколько манерный голос.

ПРОФЕССОР ХИМИИ

Комната была примерно на треть меньше той, которую занимала тетка Виноградова. Однако, несмотря на такую же по возрасту мебель, здесь царила иная атмосфера. Бросалась в глаза давным-давно вышедшая из обихода этажерка с резными опорами-столбиками. Толстые тома, теснившиеся на ней, относились в своем большинстве к области химии. На верхней полке красовался бронзовый бюстик Менделеева. Далее громоздился книжный шкаф, старинный, но не антикварный, до отказа набитый справочниками и учебными пособиями. Отдельные экземпляры обосновались сверху на плотных рядах фолиантов, аккуратно выстроившихся по ранжиру. В разных углах комнаты размещались три-четыре подвесные полки с литературой по той же химии.

Несколько раскрытых книг лежали на столе, за которым сидел благообразный пожилой человек годков за семьдесят. Его пытливые карие глаза и седоватая бородка клинышком навели на мысль о вышедшем на покой представителе старой

ленинградской научной школы. Ответив на приветствие визитера, хозяин комнаты любезно осведомился:

– Вы, полагаю, тот самый сотрудник организации, которая замеряет уровень шумов? Чем могу быть полезен?

Пережегин уже успел снять с себя шапочку и куртку.

– Вы позволите? – кивнул он на свободный стул.

– Конечно, конечно...

«Народный эксперт» безо всякой раскачки взял, что называется, быка за рога.

– Собственно говоря, я не тот, за кого себя выдаю, – обескуражил он хозяина. – Я шеф «Бюро находок» и сейчас выполняю заказ своей клиентки по обнаружению некой пропажи. А все это – камуфляж, понадобившийся мне, чтобы найти, руководствуясь моим методом, единственного обитателя этой коммуналки, у которого должны быть ответы на интересующие меня вопросы.

– Что-то я не пойму... – даже растерялся старичок. – Вы хотите сказать, что имеете какие-то вопросы персонально ко мне?

– Именно так. Но сначала давайте познакомимся. Меня зовут Петр Мефодьевич. А вас?

– Вадим Эдуардович, – машинально кивнул старичок, явно теряя благостное расположение духа.

– Вы, полагаю, химик по образованию?

– Не только по образованию, но и по специальности. Всю жизнь занимался этой удивительнейшей из наук. Сейчас на пенсии, но интереса к химии не теряю. Профессор Вадим Эдуардович Усиков, – повторно и как бы уже официально отрекомендовался хозяин комнаты.

– Очень хорошо. А теперь объясните мне, любезный Вадим Эдуардович, такую вещь. Вот вы – человек образованный, культурный, воспитанный. Профессор химии, хотя и на пенсии. Что побудило вас совершить два года назад кражу часов, принадлежавших господину Виноградову, племяннику вашей соседки по коммуналке?

– Да как вы смеете! – Усиков аж приподнялся со стула.

– Только давайте без патетики, ладно? Тем более что улики налицо. Вот же они, эти часы, лежат перед вами на столе. Готов держать пари, что на стекле, над цифрой шесть, есть небольшая царапина. А на обратной стороне корпуса выгравирована

надпись «Алеша, будь точен, как сей хронометр» и дата. Проверим?

Усиков в смятении опустил на свой стул.

– Послушайте, эти часы... Я нашел их во дворе два года назад. Во дворе, понимаете? Нашел. Я не знаю, чьи они.

– Не надо лукавить, уважаемый профессор, – мягко пожурил его Пережегин. – Часы вы именно украли. Вы вошли в ванную, которую только что покинул Виноградов, гостивший в тот вечер у своей тетушки. Вас он не заметил. Зато вы сразу же заметили на полочке перед зеркалом забытые им часы. Он ведь тоже ученый человек, как и вы, и ему свойственна рассеянность. Вы быстренько ухватили эти часики и помчались в свою комнату. Но уже в следующий момент вас начали одолевать страхи. Вдруг, хватившись пропажи, Виноградов вызовет полицию; вдруг сыщики приедут со служебной овчаркой, и часы найдут у вас? Поэтому вы спрятали сей хронометр в коридоре, в свой комод, решив выждать, чем закончится дело. Если часы и найдут в комод, то ведь можно сказать, что их сунули туда мальчишки. Какое-то время владелец часов провел в комнате Омельева, художника, с которым вы иногда выпивали. Дверь у живописца была открыта, как обычно, хотя проем закрывала занавеска, не мешавшая, однако, отчетливо слышать каждое слово, звучавшее в комнате. Судя по всему, Виноградов еще не хватился пропажи. Они беседовали о какой-то картине. Омельев настойчиво предлагал Виноградову взять ее в подарок. Тот сначала отказывался, но когда Омельев заявил, что в этом случае он сожжет полотно, Виноградов согласился принять дар. Художник принялся заворачивать картину в бумагу. Виноградов отправился к своей тетушке и только тогда вспомнил о часах. Он поспешил в ванную, но было уж поздно. Раздосадованный Виноградов вернулся к Омельеву, жалуясь на пропажу. «Напрасно ты их там оставил, – ответил художник. – В нашей берлоге обитает полсотни гавриков, да еще по вечерам у многих бывают гости. Ищи теперь ветра в поле!» «Ладно, сам виноват, – вздохнул, наконец, Виноградов. – Как выражается один мой коллега, что с возу упало, того не вырубишь топором». «Ну, довольно об этом, – подытожил Омельев. – Я почему-то уверен, Алексей Николаевич, что в твоей жизни будет еще много наручных часов такого качества, что нынешний инцидент покажется милым пустяком. Вот, смотри, картину я уже упаковал». «По-

слушай, давай я заберу ее в следующий раз». «Нет-нет, мы же договорились, бери сейчас!» Так все было или нет, Вадим Эдуардович? – Гость буквально гипнотизировал взглядом хозяина, который сидел на своем стуле будто околдованный.

– Не знаю, откуда вы все это разузнали, но примерно так оно и было, – неохотно признался Усиков. – Бес попутал, что тут скажешь? Я ведь добропорядочный человек, законопослушный гражданин. Пенсия у меня, правда, маленькая, но я подрабатываю немного, от голода не пухну. А тогда словно накатило что-то. Думал, никто не узнает. Но вы же как-то узнали. Вы меня арестуете, да? – в его голосе послышалась безысходная тоска.

– У меня нет полномочий, чтобы арестовывать людей, – покачал головой Пережегин. – Я всего лишь ищу пропавшие вещи и, как правило, нахожу их. Часы я нашел, а вас могу сдать в полицию, хоть сейчас. И хотя случай этот давний, но крупные неприятности вам обеспечены, гарантирую. По крайней мере, тетюшка господина Виноградова долго еще будет стыдить вас на всю коммуналку. Впрочем, есть вариант...

– Какой же? – с живостью отозвался Усиков.

– Можно посчитать, что часы вы действительно нашли и собирались вернуть владельцу лично в руки, но так уж вышло, что ваши пути более не пересекались. Вы не украли эту вещицу, вы ее нашли и хранили у себя. Часы я у вас, конечно, изыму прямо сейчас для передачи владельцу, – с этими словами Пережегин опустил находку в карман своего жилета. – Вам же могу объявить устную благодарность за бережное их хранение. Но в ответ на мою уступку вы должны будете откровенно ответить на мои прямые вопросы. Предупреждаю, при первых же признаках лжи, а я чую ее даже в самых малых дозах, наша милая беседа заканчивается, и я возвращаюсь к первому варианту.

– Я согласен, согласен, вот вам крест!

– Можете что-нибудь добавить к моей версии?

– Разве лишь то, что картина именовалась «Банковский мостик» и что Омельев буквально навязал ее Виноградову, когда тот уже находился у парадной двери.

– «Банковский мостик»? – переспросил Пережегин.

– Сам слышал, как Олег по ходу их беседы пару раз именно так называл свое творение. У меня хорошая память на всякого рода термины и названия. Кстати говоря, я собственными гла-

зами видел эту картину у Олега днем раньше, когда заходил на минуту проведать его. Приятный взору городской пейзаж, но на стенах висели и другие, на мой вкус, более удачные полотна. Не возьму в толк, отчего Олежка решил спасти от сожжения именно «Банковский мостик».

– Вы были свидетелем той трагедии, что произошла на следующий день?

– Нет, клянусь. В тот день я ездил в гости к родственникам. Вернулся домой уже к вечеру, когда тут все закончилось. Почти все соседи столпились в коридоре и обсуждали это ужасное происшествие. Бедный Олег! Он ведь и раньше устраивал подобные акции, сжигал десяток, ну, дюжину картин, которые считал неудачными. Поймите, с его стороны это было нечто сродни эпатажу. Конечно, по ходу этих актов сожжения он впадал в некий транс, но все же контролировал, как бы из глубины подсознания, свои действия. Он ведь считал себя гением, ни больше ни меньше. Я, конечно, заглянул в тот вечер в его комнату. На этот раз он не оставил ни одной картины, ни единого эскиза, даже карандашного наброска. Он уничтожил весь свой творческий багаж и нелепо погиб сам. Сомневаюсь, однако, что с его стороны это был акт суицида. Понимаете, Олежка страшно боялся малейшей боли, даже уколов, боялся высоты, и решиться на прыжок с моста, конечно же, не мог. Не тот характер. Может, его кто-нибудь подтолкнул? Умышленно или случайно. Не напрасно ведь полиция снова начала ворошить эту историю.

– Какую историю? – вкрадчиво поинтересовался Пережегин.

– Ну как же! Буквально на днях в наш Вавилон вдруг пожаловали стражи закона. Частично народ к тому времени уже ушел на работу. Но многие еще оставались дома. Пенсионеры в том числе. Начались расспросы по поводу Омельева. Когда очередь дошла до меня, я понял, что надо сказать правду про контакты Олега с Виноградовым и про «Банковский мостик» тоже. Я рассудил, что полиция все равно докопается до этого, и тогда меня могут обвинить в сокрытии важных улик. Про часы я, каюсь, промолчал, да меня никто и не спрашивал про них. Господ полицейских интересовал именно «Банковский мостик».

– Кому вы звонили после ухода господ полицейских? – Пережегин не удержался от того, чтобы не выделить ироничной интонацией на двух последних словах.

– Да так... – определенно заюлил химик. – Одному человеку. Просто рассказал ему, что в нашем Вавилоне выдалось тревожное утро.

– Одному человеку? Вадим Эдуардович, мы же договорились, – строго одернул его Пережегин. – У этого человека есть фамилия? – Повернув голову, он впервые окинул взглядом ту часть комнаты, что находилась за его плечами, и на какой-то миг онемел и оглох. Много чудес повидал Петр Мефодьевич в этой жизни, но такого сюрприза никак не ожидал.

Он пружинисто поднялся со стула и подошел к серванту, за двойными стеклами которого веером расположились несколько фотографий. На одной из них красовалась таинственная Дина в легком летнем платье, со второй смотрел Ключник, недобро усмехаясь, третий снимок запечатлел всех троих – Дину, Ключника и профессора где-то на загородной прогулке.

– Кто эта женщина? – строго спросил Пережегин.

– Это Диночка, моя родственница. Племянница по материнской линии. А рядом мой младший сводный брат Гена. Геннадий Федорович. Это ему я звонил.

– До вашего брата мы еще доберемся, – фраза прозвучала угрожающе, хотя Пережегин вовсе не собирался брать химика на испуг. – А вот эта ваша племянница, она часто навещает вас?

– Не навещала ни разу. Диночка на дух не переносит коммунальной атмосферы, да и у брата с этой обителью связаны малоприятные воспоминания. Мы встречаемся изредка на природе. Или в Лахте, в доме тети Галины. Собственно говоря, она тетка только для меня и Гены, а для Дины – бабушка. Но все равно все называют ее тетей Галиной. Очень энергичная была в свое время дама, но сейчас, увы, прикована к постели и требует постоянного ухода. Кстати, в тот день, когда погиб Олег, я находился в доме тетушки, разделял на дозы привезенные лекарства. Вместе с сиделкой, которая может это подтвердить.

– Где обитает ваша замечательная племянница? – продолжал допытываться Пережегин.

Профессор замялся:

– Понимаете, Диночка – уж взрослая девочка, с умненькой головкой и ведет свободный образ жизни. Много ездит между нашей Северной столицей и Москвой. Случается, что неделями не ночует дома. А сейчас, когда она готовится к совместной

жизни с одним из наших нуворишей, ее и вовсе не найти. Поверьте, я действительно не знаю ее теперешнего адреса. Но Диночка регулярно звонит нам с Геной и дает о себе знать. Так что мы, родственники, не теряем друг друга из виду.

– Ох, не лукавьте, Вадим Эдуардович. Мне почему-то кажется, что у вас есть дополнительный канал связи с вашей племянницей. Так вот, завтра я хочу ее увидеть. И я ее увижу, с вашей помощью или без оной. И не волнуйтесь понапрасну. Я не собираюсь причинять ей неприятности. Просто задам пару вопросов. Причем без ссылки на вас. Если, конечно, вы сами не подставитесь, сообщив ей о нашем разговоре.

Последний аргумент явно успокоил Усикова.

– Завтра? Погодите, я вспомнил. Она вроде бы собиралась в галерею Гайчманна. Там открывается первая персональная выставка начинающего гения, по крайней мере, так с известной долей иронии именует его Дина. Кажется, его фамилия Свищев. Восходящая звезда, художник-примитивист.

– Адрес галереи у вас есть? Запишите.

– Одну минуту... – Усиков достал потрепанный блокнот и принялся перелистывать его. Воспользовавшись паузой, Пережегин стянул с себя сине-оранжевые брюки и затолкал их в футляр, едва закрыв крышку. Ну вот, теперь можно спокойно передвигаться по городу, не привлекая излишнего внимания.

Господи, все оказалось много проще, чем он предполагал.

Так сошлось, что именно в этой коммунальной квартире обитал брат Ключника. Поскольку братьями они были сводными, то химик носил другую фамилию и другое отчество. Эх, если бы вчера полковник не поторопился с выводами и назвал бы ему адрес, по которому родился Ключник, то не пришлось бы прибегать к сегодняшнему маскараду. Он, Пережегин, явился бы напрямую к Вадиму Эдуардовичу и раскрутил бы этого чудаковатого-вороватого профессора по другому сценарию.

Ну да ладно, так или иначе, общая картина теперь ясна. Дина и Ключник, несомненно, в деле, а старый, наивный химик, с его наклонностями клептомана, использовался ими втемную для слежки за Омельевым.

Усиков сообщил своим родственникам о гибели Олега, но о том, что накануне Виноградов унес с собой картину под названием «Банковский мостик», говорить не стал, просто не придав значения этому факту.

Однако через два года, то есть несколько дней назад, когда сыщики стали задавать ему вопросы о контактах Омельева, старик рассказал про единственную картину, избежавшую огня. Затем он позвонил Ключнику. Очевидно, тому легче дозвониться. Ключник сразу сообразил, что Виноградов унес холст с закрашенным шедевром, и тотчас связался с Диной. Оба – каждый своей дорогой – помчались к жилищу Виноградовых, поскольку счет шел уже на минуты.

Проникнув, благодаря искусству Ключника, в квартиру, они сняли со стены «Банковский мостик». По качеству холста Дина определила, что это старая работа, не новодел. Но надо было спешить. Они не сомневались, что тетка Виноградова уже позвонила племяннику, и хозяева вот-вот примчатся домой, а там и сыщики нагрянут.

Холст они вырезали в подвале этого же подъезда. Свернутое полотно поместили в прихваченный тубус. Раму оставили в темном углу. Поднявшись на площадку, огляделись через щелочку в двери и покинули подъезд. Скорее всего, они разминулись с Виноградовыми на четверть часа или около того. Вот так все и происходило. Вот и ответ на все загадки.

Пережегин покачал головой. На все ли? Есть нечто странное в том, что основные участники этой истории были издавна связаны с одной и той же коммунальной квартирой. И еще: почему в течение двух лет ничего не происходило, а затем события замелькали с калейдоскопической быстротой? Наконец, есть какая-то неувязка в том, что Дине и Ключнику удалось опередить и хозяев квартиры, и полицейских. Тут чудится некий потаенный клубок, до которого еще только предстоит добраться.

Однако на сегодня достаточно.

– Вот, – Усиков протянул ему листок с адресом галереи.

Пережегин спрятал его в кармане жилета.

– Ладно, профессор, будьте здоровы. Если вдруг сразу же после моего ухода вам придет в голову мысль позвонить своим родственникам, то советую вести речь только о часах. Иначе у вас лично могут возникнуть весьма большие неприятности, и отнюдь не с моей стороны. Я же, как только доберусь до своей лаборатории, обязательно сниму ваши пальчики с этих часов. А снимки буду хранить в сейфе, который не сумеет вскрыть даже

такой мастер, как ваш сводный брат. – Что-то подсказывало Пережегину, что деликатного профессора не мешало бы хорошенько припугнуть перед уходом. – Желаю удачи! – Он вышел в полутемный коридор.

ВНУТРЕННИЙ ТУПИК

Покинув подъезд, Пережегин свернул направо и обогнул угол этого дома, стоявшего в глубине двора. Прямо перед ним открылся вид на целую анфиладу проходов, двориков и арок, выводивших в соседний проулок. «Народный эксперт» двинулся через это внутреннее пространство, занимавшее добрый квартал.

Миновав первую из арок, он увидел, что вправо, под прямым углом к главному проходу, от того «отпочковывается» своего рода каменный мешок – вытянутая тупиковая площадка. С двух параллельных сторон ее ограничивали тыловые, практически глухие, без единого жилого окна стены домов, а с дальней стороны – высокая, более трех метров, оштукатуренная кирпично-бетонная ограда.

На этой площадке выстроились в два ряда с полдюжины мусорных контейнеров, между которыми оставалось место лишь для проезда мусороуборочной машины. Очевидно, сюда выносили мусор жильцы нескольких соседних зданий. И не только бытовые отходы, но и крупногабаритный хлам, вроде отжившей свой век мебели и замененных дверей и оконных рам. Значит, именно здесь Омельев устраивал свои костры...

Что ж, место для подобных акций самое подходящее. Тихое, глухое, почти потаенное. Никого из посторонних, несмотря на близость Невского проспекта. Разве что обрисуетя вдруг фигура какого-нибудь жильца с пакетами мусора в руках. Да и то, как сказать: народ избавляется от мусора обычно по утрам и вечерам. Так что в дневное время здесь, скорее всего, ни души.

Но именно это невольно наводит на другую мысль: представители нашей богемы тяготеют, как правило, к публичным акциям, к эпатажу. По логике вещей, Омельев должен был бы озаботиться присутствием толпы сочувствующих зрителей, включая репортеров желтой прессы. А он почему-то выбрал безлюдный тупик, да еще в эпицентре помойки. Куда же поде-

валось его эстетическое чувство? Что-то здесь не так. Не так. Ну да ладно...

Как же все это происходило?

Ходка за ходкой, Омельев стаскивал сюда картины – больше сотни своих нераспроданных работ, скопившихся за последний период. А еще эскизы, наброски, рисунки. Здесь не было только «Банковского мостика», но ведь этот холст фактически принадлежал кисти другого, тоже не признанного при жизни живописца, и, вероятно, только по этой причине Омельев пощадил полотно «коллеги по творческому цеху».

Вскоре у дальней стены контейнерной площадки образовалась весьма внушительная горка горючего материала.

Омельев щелкнул зажигалкой, появилась легкая струйка дыма, и вот уже пламя занялось. Он достал из кармана пиджака початую бутылку водки и сделал мощный глоток.

Ну, вот и все. Его жизненный путь приблизился к завершению. Как только пламя разгорится в полную силу, он осуществит свой план до конца. Помчится к Аничковому мосту и бросится головой вниз в мутные воды Фонтанки, которые рисовал столько раз... Уйдет в иное измерение непризнанным гением, ну и пусть! Ему стало жалко себя до слез, и он сделал еще пару глотков «огненной воды».

Хм, но почему же именно Аничков мост? – подумал Пережегин. Мост этот вроде бы и недалеко, однако до него еще надо добежать – через внутренние дворы, проулки и улицы, лавируя затем среди толпы прохожих на Невском, а ведь на этом пути состояние аффекта запросто может улетучиться.

Куда логичнее для самоубийцы было бы заскочить, ну, хотя бы во-он в тот подъезд соседнего дома, взлететь по лестнице на верхнюю площадку и вскочить на широкий подоконник распахнутого настежь окна, из которого открывался впечатляющий вид на пылавшие картины. Вот тогда последующий шаг в пустоту имел бы определенный сакральный смысл.

Впрочем, какая уж там логика, если речь идет о суициде? Надо полагать, в своем воображении самоубийца уже обитал в виртуальном мире с его обманчивыми отражениями.

Омельев даже не осознавал, что одной из сцен разыгрываемой им трагедии стала помойка – он просто не замечал этих мусорных контейнеров зеленого цвета. Не пугал его и извили-

стый путь к Аничковому мосту. Он убеждал себя, что выдержит последнее испытание, свидетелями чего станут многочисленные прохожие, туристы, включая зарубежных, а само событие попадет в сводку городских новостей и в Интернете.

Лирика все это, – вздохнул Пережегин.

Скорее всего, старый химик прав: Омельев имел слишком слабую волю, чтобы собственной рукой оборвать нить своей жизни. Профессор знал, о чем говорит, он сам из той же породы.

При том, что Аничков мост, по своим конструктивным данным отнюдь не гарантирует успешного суицида. Высота его ничтожна, до воды рукой подать. Разве что промокнешь да наглотаешься вредоносных бацилл.

А запланировать прыжок с таким расчетом, чтобы удариться головой о нос выплывающего из-под моста катера, – нечто из области компьютерных игр. То есть в киберпространстве – сколько угодно, а вот в реальной жизни – непросто.

Но ведь произошедшая драма могла иметь совершенно другое толкование. Предположим, Омельев попросту заигрался. Он предполагал сжечь только с десяток верхних картин, а затем раскидать костер и снова перенести уцелевшую массу в свое жилище. Ну вот была у человека душевная потребность в деяниях такого рода.

А «Банковский мостик» он передал накануне Виноградову из опаски, как бы картина случайно не пострадала в кутерье. Рассчитывал забрать ее уже завтра под каким-либо благовидным предлогом.

Вот пламя взметнулось высоко, и тут Омельев краешком глаза увидел курьера мафии, который выходил из-под арки. Художник страшно боялся этого человека, и то обстоятельство, что посланец явился раньше обговоренного срока, ввергло его в состояние священного ужаса.

Он живо представил, что курьер уже побывал в его комнате и, не найдя там ни одной картины, отправился на поиски живописца, узнав от соседей, что тот перетащил свою «мазню» к помойке.

Значит, сейчас, прямо у костра, начнется допрос с пристрастием. А у него, Омельева, нет убедительного ответа

на вопрос, зачем он отдал драгоценный заказ чужому человеку.

Совершенно потеряв голову, он бросился бежать через дворы и переулки, кружным путем, к Невскому проспекту, надеясь укрыться, раствориться в многолюдной толпе.

Через четверть часа он поверил, что обманул погоню. И тут, на Аничковом мосту, к нему подошли двое – курьер и его помощник. Они непринужденно оттеснили его к перилам, закрыв от прохожих своими мощными фигурами.

В желтых глазах курьера Омельев прочитал приговор. Он понял, что прямо здесь, на мосту, не сходя с места, они заставят его сказать, кому он передал картину, а затем убьют его так тихо, что никто из беспечных прохожих не обратит на его смерть внимания до тех пор, пока труп не рухнет на асфальт.

Омельев стоял спиной к перилам. Он увидел, как с той стороны под мост входил большой прогулочный катер. Пассажиры расположились на нижней палубе, а верхняя, достаточно широкая площадка была пуста.

В недавно шедшем по телевидению сериале преследуемый беглец прыгнул с моста примерно на такой же катер и спасся. Катер пройдет под мостом быстро. На счет «пять» надо прыгать. Мордовороты даже не успеют сообразить, что произошло. А он, оказавшись на катере, позвонит в полицию и попросит помощи. Ну, на счет «пять»!

Омельев прыгнул, но, увы...

Тайна «Банковского мостика» оказалась похороненной на два года.

Пережегин недовольно крикнул. «Ладно, хватит сочинять, писатель, – сказал он себе. – Та же компьютерная игра, только под другим соусом. Тебе это нужно? Ты ищешь вещь, и ты почти нашел ее. Быть может, уже завтра она будет в твоём распоряжении».

Направившись к центральной арке, он достал мобильник и набрал номер:

– Ирина Сергеевна? Да, Пережегин. Здравствуйте! Я сейчас нахожусь в районе Невского и рассчитываю через полчаса добраться до своей конторы. Приезжайте, есть интересные новости. Нужно посоветоваться. Подробности при встрече. Ну все, жду!

ЛОГИКА СОБЫТИЙ

Виноградова примчалась через пять минут, после того как Пережегин расположился за своим столом.

Ее серые глаза горели внутренним светом.

– Рассказывайте! – с порога воскликнула она.

– Только давайте без лишних эмоций, – сощурился сыщик. – Не люблю, знаете ли, суеты. День и без того жаркий. Присаживайтесь к столу, отведайте кофе, который я только что приготовил для нас, возьмите себя в руки, и уж тогда приступим к беседе.

– Судя по вашему виду, новости у вас позитивные, – заметила она, умеряя все же свой пыл.

– Для начала возвращаю вам это, – он запустил руку в карман жилета, висевшего на спинке соседнего стула, и выудил оттуда золотые часы. – Полагаю, те самые?

– Да-да. Вот характерная царапинка на стекле, а на обратной стороне – пожелание... – Она подняла на эксперта глаза: – Петр Мефодьевич, то, что вы нашли их так быстро, подобно чуду. Не спрашиваю, где и у кого они были, это не важно. Главное – вы их нашли. Теперь я абсолютно убеждена в том, что вы, руководствуясь вашим чудодейственным методом, найдете еще и картину и спасете моего мужа. Что мне делать с часами?

– Забирайте их. Вернете мужу, когда сочтете нужным.

– Хотелось бы поскорее...

– Однако перейдем к делу. Скажите, вам известно, что в той самой коммуналке, где обитает тетушка вашего мужа, прописан еще и некий профессор химии Вадим Эдуардович Усиков, близкий родственник Дины и Ключника?

Глаза у нее округлились:

– Родственник Дины и Ключника? Людей, укравших картину? В той же коммуналке? Это просто какая-то мистика... – Она энергично помотала своими кудрями: – Нет, фамилии жильцов коммуналки мне неизвестны, как и их профессии. Я никогда и ни с кем не вступала там в беседу, за исключением, разумеется, Елены Дмитриевны и этого несчастного художника. Хотя некоторые лица, с которыми сталкивалась в коридоре, конечно, помню.

Она стукнула ладошкой по столу:

– Но ведь это многое объясняет! Многое, если не все. Когда появилась полиция, этот, как его, Усиков позвонил своим родственникам, и те поняли, что надо действовать без промедления!

Пережегин откровенно любовался ее способностью быстро хватывать суть.

– Знаете, Ирина Сергеевна, если бы я имел возможность взять на работу секретаря, то в первую очередь предложил бы эту должность вам.

– Спасибо за доверие, – кивнула она. – А я ответила бы, что согласна помогать вам в меру моих скромных сил, даже без вознаграждения. Нет, правда. Давайте обсудим ваше предложение позже, когда все закончится.

– Позже так позже, – ответил он. – Тем более что пора вернуться к нашим баранам. Я тут пытался реконструировать ход событий, но концы с концами у меня опять не сходятся. Давайте попробую еще раз. Слушайте внимательно. Итак, Интерпол сообщил нашей полиции, что, по их данным, цепочка, по которой двигалось похищенное ценное полотно под названием «Маки», оборвалась на Омельеве. Человек этот погиб два года назад, предположительно покончив с собой. Но действительно ли это был акт суицида? И куда подевались «Маки»? Фамилия Омельев ни о чем не говорила нашей полиции, не фигурировала ни в одной сводке. Чтобы начать поиски пропавшей картины, которая, скорее всего, уцелела, требовалось установить связи, круг знакомых художника. Одна группа сыщиков отправилась по месту жительства Омельева, вторая – к его собратьям по творческому цеху, уличным художникам. Нас эта вторая группа не интересует. Сосредоточим свои мысленные усилия на первой. К досаде сыщиков, коммунальная квартира оказалась слишком уж многолюдной. Тем не менее они планомерно начали свою работу, установив определенную очередность бесед с жильцами. Так уж получилось, что в числе первых опрошенных оказалась Елена Дмитриевна Яковлева, тетушка вашего мужа. Поняв, что полицию по какой-то причине интересует круг общения Омельева, тетушка не назвала имени своего горячо любимого племянника, рассудив, что его встречи с художником носили эпизодический и даже вынужденный характер. Но, как только стражи закона оставили ее в покое, она тут же позвонила Алексею, сообщив как о полицейском десанте, так и о том,

что жильцов расспрашивают о знакомствах Омельева и еще о какой-то его картине под названием «Банковский мостик». Ваш муж, в свою очередь, подумал, что в картине, столь настойчиво навязанной ему Омельевым, кроется, очевидно, какая-то загадка. Он решил разобраться в ситуации, но вместе с вами. Так получилось, что домой он приехал первым, увидев лишь пятно на стене вместо картины. «Банковский мостик» исчез. – Хозяин кабинета пристально посмотрел на посетительницу: – Я правильно излагаю? Ничего не упустил? Ничто не вызывает возражений?

– Ваша логика безупречна, Петр Мефодьевич. Думаю, события развивались именно так.

– Тогда идем дальше и возвращаемся в коммуналку – этот «Вавилон», по характеристике профессора Усикова. Наконец очередь дошла и до него. Именно Усиков порадовал сыщиков, сообщив им о том, что Омельев накануне своей гибели подарил картину «Банковский мостик» вашему мужу.

– Но откуда он мог знать? – воскликнула Виноградова.

– Благодаря случаю. Усиков видел, как на выходе из коммуналки Омельев вручил вашему мужу завернутое в бумагу полотно, повторяя при этом его название. Не вините старика в том, будто бы из-за него пострадал ваш муж. Усиков не в теме. Он не знал, что «Банковский мостик» имеет второе дно. Полиция задавала ему вопросы, он отвечал все, что помнил, только и всего.

– А затем позвонил своим родственникам – Дине и этому ужасному Ключнику, да?

– Несомненно. Но поскольку он был не в теме, то просто поведал, что в «Вавилон» нагрянула полиция, которая расспрашивает о «Банковском мостике» Омельева, и что он, Усиков, как законопослушный гражданин, сообщил стражам закона интересующую их информацию. А теперь предположим, что Ключник или Дина, или они оба – в теме. Но им тоже было неизвестно, куда подевался «Банковский мостик». И вдруг они получают точную наводку, причем от кого – от собственного родича, Усикова, который носил эти сведения в своей ученой голове на протяжении двух лет. Что делать? Ведь, по наивности их родственника, полиция тоже узнала эту тайну. Но надо рискнуть. Надо выяснить по Интернету адрес Виноградовых и

мчаться туда молнией, чтобы завладеть сокровищем стоимостью в несколько миллионов зелеными... Логично?

– Вроде бы да. Но я чувствую, что у вас припасена какая-то подковырка.

– Да уж, – вздохнул Пережегин. – Давайте, однако, реконструируем еще и действия полиции. Итак, сыщики получили важнейшую наводку. Далее им следовало ехать как можно быстрее к вашему дому, Ирина Сергеевна, подниматься в вашу квартиру, предъявлять документы, затем изымать для проверки «Банковский мостик», а с хозяев брать подписку о невыезде. Правда, сначала требовалось так же, как Ключнику и Дине, установить ваш домашний адрес. Но, сами понимаете, для полиции это не проблема. О том, что Яковлева приходится Виноградову теткой и что адрес племянника у нее имеется, сыщики, конечно, знать не могли. Затем – некоторые формальности. Внезапно открывшиеся факты надо было обговорить с начальством, получить постановление на изъятие картины, ну и так далее. В этой ситуации, чисто теоретически, Ключник и Дина могли опередить полицию, в чем я лично глубоко сомневаюсь. Но вот вас с мужем, Ирина Сергеевна, эта парочка опередить не могла никак. Притом, что, по наблюдениям ваших бомжей, Ключник провел довольно продолжительное время в вашем дворе, поджидая Дину. Вот тут у меня концы с концами не сходятся, хоть тресни. И у полиции, полагаю, тоже. Уверен, что именно по этой причине был задержан ваш муж. В «антикварном» отделе не верят, и правильно делают, что даже при условии мгновенной утечки информации из полицейских рядов кто-то мог бы серьезно сыграть на опережение. А тут еще эта внезапная поездка в Испанию...

Виноградова сидела белая, как мел.

– Вы меня пугаете, Петр Мефодьевич. Все действительно против нас с мужем. У меня нет ответов на ваши вопросы. Я знаю лишь то, что мой муж невиновен и что картину украли из квартиры перед нашим приходом... Послушайте! – глаза ее загорелись. – Но если какой-то Усиков заметил, что «Банковский мостик» унес мой Алеша, то, быть может, был еще кто-то, кто знал об этом? И этот «кто-то» проник в тайну раньше всех.

– «Спящий» агент?

– А может, Омельев сообщил еще кому-то о своем подарке?

– Успокойтесь, Ирина Сергеевна, – ободряюще улыбнулся ей «народный эксперт». – Я обрисовал эту ситуацию лишь для того, чтобы вы поняли мотивы действий полиции. В этой истории действительно кроется некая загадка. Но, по счастью, я не следователь, и мне не нужно распутывать весь клубок. У меня другой метод. Я ищу картину, а когда найду, клубок распутается сам. Так всегда происходило.

– Но когда же вы найдете ее?

– Считайте, уже нашел. Поскольку все указывает на Ключника, то он, скорее всего, и спрятал холст. Вопрос – где? Возможно, в том доме, где он сейчас обитает. Но не исключено что у него есть более надежный тайник в другом месте. Это я и собираюсь выяснить в течение ближайших двух-трех дней.

– А если этот тайник находится на другом конце города?

– Неважно. Мой план состоит в том, чтобы разворошить это осиное гнездо, послать ему сигнал тревоги. Они забеспокоятся и соберутся, чтобы все это обтолковать. В Лахте, полагаю, там удобно и тихо. Почти уверен, что наши мошенники соберутся перепрятать картину. Мне остается только проследить за ними.

– А дальше?

– Дальше, в зависимости от того, где именно находится тайник, нужно будет продумать новый план, чтобы вывести на пропажу полицию. Понимаете? Очень важно, чтобы «Банковский мостик» обнаружили не мы с вами, а господа полицейские. С уликами против Ключника и Дины. Вот тогда перед вашим мужем извинятся и отпустят его в тот же день домой. Это и будет торжество справедливости. А загадки этого дела, если они еще останутся, пусть распутывает следствие.

ГАЛЕРЕЯ ГАЙЧМАННА

Галерея Гайчманна размещалась на втором этаже старинного особняка в историческом центре города. Выставленный у входа большой рекламный щит в виде призмы извещал, что именно здесь экспонируются работы художника-примитивиста Свищева.

Похоже, однако, что в программе презентации произошли какие-то изменения, ибо к моменту, когда Пережегин поднялся наверх, она была уже в самом разгаре.

Художник, собственной персоной, маячил у порога, встречая, очевидно, припозднившихся гостей.

Это был господин весьма плотного телосложения и зрелого возраста, с грубоватым багровым лицом деревенского пьяницы и хитроватым прищуром светло-голубых глазок.

На нем красовался колоритный наряд, главным компонентом которого был восточный халат, расшитый скачущими сиреневыми конями и ярко-золотистыми звездами. Халат был подпоясан обыкновенным солдатским ремнем, на котором висел кинжал, украшенный множеством сверкающих камней, – очевидно, бутафорских, как и само оружие.

Голову живописца венчал странный убор – нечто вроде квадратной шапочки, по углам которой поднимались миниатюрные пики с бахромой.

Из-под пол халата выглядывали спортивные бриджи, а также босые ноги, втиснутые в домашние тапочки с загнутыми носками.

Свищев пожал Пережегину руку и осведомился хрипловатым баском:

– Вы из какой редакции? – тут же махнул рукой: – Впрочем, неважно. – Указал вытянутой рукой вглубь галереи, туда, где вокруг небольшой стойки кучковалась группа посетителей человек в тридцать. – Присоединяйтесь к своим коллегам. Возможно, они еще не все успели расхватать.

Кивнув, Пережегин последовал приглашению.

Вся галерея занимала две узкие, продолговатые комнаты. Судя по всему, к ней примыкали еще какие-то помещения, закрытые сейчас.

На стенах висели полотна нынешнего именинника, десятка три-четыре, может, чуть больше. Все существа и предметы на них изображались резкими, нарочито угловатыми контурами, в примитивизме которых чувствовалась, однако, рука профессионала. Краски были наложены однотонные, без переходов и полутеней.

На каждой из картин воспроизводился некий сюжет, явно навеянный стремлением автора прослыть большим оригиналом.

Верблюд шагал не по пустыне, а по шпалам железной дороги, сидевший между его горбами азиат выискивал что-то в Интернете на своем ноутбуке. Из гигантского яйца, снесенного

оранжевой хохлаткой, выбирался маленький человечек с автоматом Калашникова за спиной. Ну и так далее.

Пережегин приблизился к группе гостей, состоявшей в своем большинстве, как дал понять Свищев, из представителей городских СМИ.

А-ля фуршет начался, по всей видимости, не более пяти минут назад. Однако бокалы с сухим вином, бутерброды с ветчиной, колбасой и сыром можно было увидеть только в руках присутствующих. На подносах остались лишь картонные тарелочки.

Убедившись, что Дины среди участников фуршета нет, Пережегин огляделся.

В дальнем углу, образованном выступом стены, задумчиво прислонилась к подоконнику прекрасная незнакомка. Снисходительно-высокомерная усмешка на ее холеном, смуглом от загара, без единого изъяна лице, кажется, была адресована жующим по соседству людям.

Пережегин напрямик направился к ней.

– Здравствуйте, Дина Владимировна.

– Здравствуйте, господин Пережегин! – ответила та, изучая, скорее даже оценивая, его взглядом. – А на снимках в Интернете вид у вас более затрапезный. Ладно, пришли так пришли. Хотя, если честно, ума не приложу, что вам здесь делать? Судя по той информации, которую мне сообщили о вас, живописью вы не интересуетесь да и не разбираетесь в ней, извините уж за откровенность.

– Это верно, – кивнул он. – В живописи я полный профан, поскольку признаю только две оценки: нравится – не нравится.

– Полагаю, работы Свищева вам не слишком по душе? – усмехнулась она.

– Я вот думаю, действительно ли на эти картины найдется покупатель?

– Все зависит от конъюнктуры, – ответила она. – Если угодно, могу вас немного просветить по этой части.

– Сделайте одолжение.

– Так вот, если коротко, то любой художник, вышедший в свет, подает лишь заявку на свое творчество. Покупатель на его полотна, конечно, может найтись, но только в силу некоторого везения, благосклонности фортуны. Иной художник так

и подает всю жизнь заявку за заявкой. Потом он умирает, и публика забывает о самом факте его существования. Но если художнику удастся создать *шедевр*, хотя бы один, то все его прежние заявки быстро поднимаются в цене, подобно акциям заброшенной шахты, в которой вдруг обнаружили алмазные россыпи. Понимаете? Сначала нужно создать *шедевр*, пускай даже из воздуха.

– Неужели бывают дутые шедевры? – Пережегин принял изумленный вид.

– Сколько угодно. Бывают даже «мыльные». Но в этой галерее шедевров я пока не вижу – ни подлинных, ни дутых.

– А художник Омельев, по вашему мнению, имел перспективу создать шедевр?

– Омельев? – искренне удивилась она. – Кто это? Впервые слышу о таком художнике. – Либо она говорила правду, либо была блестящей актрисой. Пережегин не уловил в ее голосе ни единой фальшивой нотки.

– Ну как же, Дина Владимировна? – сощурился он. – Художник Омельев проживал в той самой коммуналке, где и поныне обитает ваш дядюшка Вадим Эдуардович Усиков. Дядюшка, который, полагаю, не далее, как вчерашним вечером позвонил вам относительно моего внезапного визита в коммуналку.

– Ах, вот вы о чем. Значит, Омельев – это тот самый бедняга, что погиб ужасной смертью два года назад? Да-да, я слышала, конечно, краем уха об этой жуткой истории, но фамилии в памяти не удержала. Я, знаете ли, не коплю излишней информации, которая мне вряд ли когда-либо пригодится. Что же касается картин этого Омельева, то я не имела счастья видеть хотя бы одну из них, поскольку никогда, ни разу в жизни не была в указанной вами коммуналке. Тем не менее, отвечая на ваш вопрос, замечу, что названный вами художник Омельев, скорее всего, не создал своего *шедевра*. Боюсь, что этот уличный живописец уже прочно забыт всеми, даже своими собутыльниками.

– Ошибаетесь, – покачал головой Пережегин. – Есть люди, весьма интересующиеся его работами. Один человек поручил мне найти его картину, чудом спасенную от огня. Это полотно Омельев подарил своему знакомому накануне трагедии. Тот унес картину с собой. Вы случайно не знаете его имени? Или опять скажете, что для вас это излишняя информация?

– Послушайте, Пережегин, не валяйте дурака, – ясным голосом отчеканила она. – Уж вам-то прекрасно известно его имя. Вчера днем мой дядюшка сам назвал вам его. Впрочем, похоже на то, что вы знали это имя еще до визита в коммуналку и пришли сейчас ко мне за подтверждением некой своей догадки.

– Могли бы еще добавить, что мне известно и название картины. «Банковский мостик», похоже, заинтересовал еще кого-то. И этот «кто-то» похитил картину у моего клиента при весьма загадочных обстоятельствах.

– Похитил? Картину Омельева? Ну что за сказки вы рассказываете, господин Пережегин! Кому нужна бездарная мазня?

«Она, несомненно, актриса», – уже утвердительно подумал визитер.

– Не судите опрометчиво, – заметил он. – Эта картина особая, единственная в своем роде, в ней заложен некий скрытый смысл, зашифрована тайна.

– Впервые слышу об этом. От меня-то чего вы хотите?

– Мне, по моей наивности, казалось, что вы можете навести меня на след этой картины, поиски которой я начал совсем недавно. А свои поиски, поверьте, я всегда довожу до конца. Найду я и «Банковский мостик». Несмотря даже на свою репутацию полного профана в живописи.

– Да вы, никак, угрожаете, правда, не пойму, кому именно.

– Пока предупреждаю. Вас, Дина Владимировна, и вашего дядюшку. Только не того, который живет в коммуналке, а другого. Вы меня поняли, да? А засим разрешите откланяться.

– Не смею задерживать. Но совет на прощание дам. Постарайтесь не оказаться в смешном положении, господин «народный эксперт», не то ваши клиенты отвернутся от вас.

– Ценю деловые советы. До скорой встречи!

Выходя на улицу, Пережегин думал:

«Пока все идет нормально. Я их припугнул, и они засуетятся. Сегодня созвонятся, а завтра с утра соберутся там, в своем родовом гнезде. Надеюсь, все пойдет по плану. Моему плану. Но эта Дина, как же она владеет собой! Волевая женщина. Просто уникальная личность. Я так и не смог проникнуть через ее ауру. Какой там Ключник! Это она вертит шайкой по своему усмотрению. Полагаю, «Банковский мостик» – не единственная их авантюра. Ладно, завтра все прояснится окончательно».

ДОМ С МАНСАРДОЙ

В Лахту Пережегин приехал около шести утра. «Сова» «совой», но, если нужно, мог подняться раньше любого «жаворонка».

Оставив машину на привокзальной площади, он двинулся далее пешком. Несмотря на ранний час, солнце стояло уже высоко – такова особенность северного лета, воспетаая еще Пушкиным:

Одна заря сменить другую

Спешит, дав ночи полчасца.

Пережегин хорошо помнил те времена, когда Лахта представляла собой сугубо деревянный, привольно разбросанный самый ближний пригородный поселок, рассеченный на «доли» двумя нитками Выборгского шоссе и железнодорожной веткой на Сестрорецк.

Но сейчас мегаполис приблизился к поселку вплотную, будто готовясь проглотить его совсем, да и в самой Лахте появилось немало причудливых особняков.

И все же кое-где, особенно в северной части, примыкавшей к лесу, сохранились анклавы старой застройки. Здесь доживали свой век и ветхие дачи-куратники, облицованные вагонкой, и старомодные «виллы», считавшиеся в прежние времена эталоном зажиточности.

Дом тетушки Ключника относился как раз к «зажиточному» типу строений. Выдерживавший когда-то сравнение с загородным поместьем, с «фазендой», ныне он сильно проигрывал тем «уютным гнездышкам», чьи башенки и фигурные крыши горделиво возвышались тут и там.

Тем не менее дом все еще годился для того, чтобы безмятежно отдыхать в его стенах от городской суеты.

Это было бревенчатое двухэтажное сооружение со скошенной крышей под красной черепицей, крышей, образующей своими формами дополнительный, третий этаж, где разместилась просторная мансарда.

Дом стоял в глубине участка, ближе к его тыловому забору.

Во дворе, как и вокруг, царила благодатная тишина.

Пережегин для начала огляделся: нет ли во дворе собаки? В его арсенале имелись собственные методы приваживания сторожевых псов, способных своим отчаянным лаем поднять с постели заспанных хозяев.

Собаки во дворе, по счастью, не было. Правда, на крыльце дремал пушистый котище пепельного цвета, но от этого существа вряд ли следовало ожидать неприятностей.

Вдоль боковых секций забора густо разрослись кусты сирени и черемухи. Вот и отлично: лучшего наблюдательного пункта не найти. Пережегин перемахнул через забор и нырнул в примеченное природное укрытие. Влажные листья щедро осыпали его утренней росой. Поежившись, он двинулся вперед, прячась за ветвями с пышной зеленью.

Вот, наконец, торцевая стена дома. Она могла бы считаться глухой, если бы не три окна, расположенные друг над другом по вертикали. Два нижних были распахнуты настежь, надо полагать, по случаю жаркой погоды, третье – верхнее, не только закрыто, но и занавешено изнутри.

Всю площадь, от стены и до кустов сирени, занимали аккуратные грядки с зеленью, разделенные тропинкой, которая, похоже, вела к задней калитке.

Над одной из грядок примостилась старая табуретка. Очевидно, кто-то из домочадцев срезал для стола укроп и петрушку, предварительно оседлав для удобства этот простейший атрибут мебели. Возможно, Ключник, страдавший радикулитом. Так или иначе, нечаянная находка оказалась кстати.

Осмотревшись по сторонам, Пережегин выскользнул из кустов, прокрался к табуретке, стараясь не ступать на вскопанную землю, и стремительно вернулся со своей добычей на прежнее место. Установив табурет на ровном пятачке, он, цепляясь за ветки, взгромоздился на него.

Этот маневр позволил «народному эксперту», оставаясь невидимкой, заглянуть из своего укрытия в нижнее окно, хотя бы и на расстоянии. Перед ним открылся вид на коридор, который проходил по осевой линии первого этажа. В конце коридора имелось второе, точно такое же торцевое окно, тоже распахнутое настежь, что создавало, очевидно, ощутимый приток свежего воздуха внутри дома.

В коридор выходило несколько дверей. В центральной части первого этажа, как раз напротив парадного входа, угадывалось что-то вроде холла. Из него наверх вела витая лестница с полированными деревянными перилами.

Скорее всего, похожая картина повторялась и на втором этаже. Это означало, что оба нижних этажа были обитаемы.

А вот в мансарде, надо полагать, никто не ночевал, ибо при плотно закрытых окнах любой нормальный человек задохнулся бы там от обрушившейся на Северную столицу поистине африканской жары.

Значит, этот дом и есть берлога Ключника? Что ж, расположился он здесь с простором и комфортом. Но на месте ли он сейчас? – вот в чем вопрос.

Пережегин слез с табуретки, затем достал из своей сумки некий черный комок и развернул его. Это был обыкновенный полиэтиленовый пакет.

Наблюдатель застелил им табуретку и занял сидячее положение. А теперь можно подремать. В нужный момент мозг сам пошлет ему сигнал о пробудке.

Внутренний толчок он ощутил около девяти утра. У открытого коридорного окна на втором этаже стояли мужчина и женщина. В мужчине Пережегин сразу узнал Ключника.

О женщине пока можно было сказать лишь то, что это не Дина. Совсем другой женский тип. Лет сорока, пухлая, с гладко зачесанными назад русыми волосами, собранными на затылке в узел.

– Сегодня вы меня весьма огорчили, мадам Майя, – желчно выговаривал собеседнице Ключник. – Я уже готов был признать вас женщиной добросовестной и ответственной, и вдруг такой казус. Мы ведь с вами четко договорились, что ровно в девять утра вы будете проводить с нашей больной необходимые утренние процедуры. И что же я вижу, войдя в комнату? Больная не обихожена, теплая вода не приготовлена, зато вы сладко дремлете в уютном кресле.

– Ради бога, извините, Геннадий Федорович, – взмолилась та. – Сама не пойму, как это произошло. Просто отключилась на какую-то минутку...

– Если бы на минутку. Но я, кажется, знаю, почему вы «отключились». Кроме нашей больной, вы дежурите еще у чьей-то постели. Вам кажется, что вы успеете и там и тут и заработаете кучу денег. Нет, мадам Майя, свою работу надо делать качественно, какой бы тяжелой она ни была. Пожалуй, я сейчас позвоню в вашу фирму и попрошу прислать другую сиделку.

– Пожалуйста, не надо! – Похоже, провинившаяся готова была бухнуться на колени. – Клянусь вам, это больше не повторится.

– Мы ведь даже доплачиваем вам сверх договора, не так ли? – в прежней строгой манере продолжал Ключник.

– Да-да, и я вам очень благодарна...

– Ладно, на этот раз я не буду поднимать шума. Но запомните: это было последнее предупреждение.

– Клянусь вам... – начала она, но он резко оборвал ее:

– Довольно об этом. Идите сейчас к тетушке и продолжайте выполнять свои прямые обязанности.

Она уже сделала шаг в сторону, но он остановил ее:

– Вот что еще. Скоро должны подъехать мои родственники. Затем у нас состоится деловая встреча с важным гостем. До одиннадцати часов вы можете свободно перемещаться по дому, если больной что-то потребуется. Побеспокойтесь, чтобы все необходимое у вас было под рукой. Потому что после одиннадцати я вам запрещаю даже нос высовывать в коридор, ясно?! Чьи бы шаги там ни раздались, какие бы голоса вам ни слышались, сидите в тетушкиной спальне тихо как мышка. Я ясно выразился?

– Да, я все поняла.

– Вот и отлично, ступайте.

Сиделка исчезла в глубине коридора.

Ключник еще какое-то время недвижно стоял у окна, ожидая, видимо, когда женщина зайдет в комнату.

– Ну, поглядим, сколько капусты принесет нам шторм в заливе... – произнес он вдруг загадочную фразу и тоже исчез из виду.

Вскоре слышался скрип деревянных ступенек. Спускается он вниз или же поднимается в мансарду? Шаги стихли. Но вот распахнулось мансардное окно.

Ключник зорко оглядел с высоты прилегающую территорию. Затем достал мобильник и послал кому-то вызов.

– Вадим? – крикнул он через пару секунд. – Здорово, братан. Как там дела в твоей долбаной коммуналке? Этот хлыщ, «народный эксперт», больше не докучал? Ну и славно. Соберись в дорогу. Покупатель будет в одиннадцать. Не опаздывай. Так просила Дина.

Затем Ключник сделал второй вызов. На этот раз ответ абонента ему пришлось ждать дольше, так что он даже начал пританцовывать от нетерпения.

Но вот линия, похоже, ожила.

– Диночка? – воскликнул Ключник. – Здравствуй, племянница, – теперь в его грубом голосе звучали нотки нежности. – Да, в одиннадцать, как договаривались. Он подтвердил. И еще сказал, что придет один, но охрану оставит на привокзальной площади и будет с ней на связи. Разговор, думаю, получится тяжелым. Впрочем, чего это я беспокоюсь? Ты, моя умница, умеешь это делать. У нас с Вадимом так не получилось бы. Да-да, конечно, я понимаю... Все в лучшем виде... Я выйду пораньше, в половине одиннадцатого. С задней калитки. Да ничего особенного, просто гляну, сколько у него бойцов, и вообще, что к чему. Мало ли как пойдет дело. Говоришь, все будет тип-топ? Ну, тебе виднее. А я все-таки схожу в разведку. Не помешает. Ладно, все, умолкаю. До встречи.

Ключник отошел вглубь мансарды.

Он оставил окно открытым, но Пережегин со своего места мог видеть лишь часть потолка, обшитого досками.

По всколыхнувшейся занавеске стало ясно, что Ключник открыл окно и на противоположной стороне. Надо полагать, для проветривания. Значит, деловая встреча состоится в мансарде. Вполне возможно, что на ней пойдет речь о продаже «Банковского мостика».

Еще какое-то время в мансарде слышались тяжелые шаги Ключника. Очевидно, он ходил взад-вперед по комнате, размышляя о некоем весьма скользком деле, в котором не ощущал себя лидером.

НЕНАДЕЖНОЕ УБЕЖИЩЕ

Минут сорок в доме царила обычная утренняя суета. Было слышно, как Ключник заваривает чай на веранде, к которой, очевидно, примыкала кухня, как хлопает дверцей холодильника. Сиделка носилась взад-вперед по лестнице как угорелая.

Но вот Ключник вышел из дома, очевидно, через парадное крыльцо и вскоре оказался в поле зрения Пережегина, направляясь к тыльному забору по узкой тропинке мимо кустов сирени, за которыми притаился незванный гость.

Внезапно Ключник замер как вкопанный. Создавалось впечатление, что он учуял чужой запах и сейчас пытается определить его источник. Но на самом деле он смотрел на ту грядку, откуда Пережегин умыкнул табурет.

– Майя Григорьевна! – крикнул Ключник на такой высокой ноте, что его надтреснутый басок перешел в подобие визга.

Из окошка второго этажа высунулась перепуганная сиделка.

– Зачем вы убрали мою табуретку? – сварливо выговорил ей хозяин. – Я же просил не трогать ее.

– Больно мне нужно трогать вашу табуретку! – осмелев, ответила сиделка, – а то у меня других забот мало.

– Куда же она подевалась?! Мы с вами в доме вдвоем. Тетушка не в счет. Что, у табуретки ноги выросли?

– Почему мне знать, – отрезала сиделка, которая на этот раз, похоже, не чувствовала за собой никакой вины. – Говорила ж вам: собаку надо завести. А то ведь в ваш двор кто угодно ночью может залезть. Хорошо еще, что в дом не забрались – окна-то нараспашку. А табуретку мог какой-нибудь ранний рыбак прихватить. Для удобства.

– Ладно, ступайте, – махнул рукой Ключник.

Он потоптался на тропинке еще немного, бормоча:

– Измельчал народ. Надо же, уперли с участка мою любимую табуретку. А ведь Дина тоже советовала завести пса, непременно свирепого, чтобы мог на куски разорвать, и спускать его на ночь с цепи. Ладно, вот покончим с этим делом, тут же присмотрю подходящую собачонку.

Он двинулся дальше и вскоре свернул за угол, где еще через пять метров в штaketнике была устроена калитка. Толкнув ее, Ключник вышел на неприметную тропинку между участками и направился по ней в сторону станции.

Выждав для верности еще пяток минут, Пережегин выбрался из своего укрытия, разминая затекшие мышцы.

Табуретку он водрузил на отмостку перед раскрытым окном и в два приема забрался в коридор.

Убирать табуретку с глаз посчитал излишним занятием. Ведь Ключник почти наверняка вернется через парадный вход. А если и заметит невесть откуда появившуюся табуретку, то решит, что это дело рук Майи.

Помня те строгие наставления, которые Ключник давал сиделке, Пережегин не особенно осторожничал, твердо ступая по скрипучему полу. Для начала осмотрел помещения первого этажа, заглянул на просторную летнюю веранду, к которой сбоку действительно примыкала кухня с газовой плитой. Затем поднялся по витой лесенке на второй этаж.

Чуть правее виднелись ступеньки, ведущие в мансарду. Они скрипели гораздо меньше старой лестницы. К удивлению незваного гостя, дверь Ключник оставил открытой.

И вот уже Пережегин внутри помещения.

Мансарда занимала все пространство от одной до другой боковой стены дома и наводила на мысль о домашнем варианте картинной галереи.

Правда, холст здесь экспонировался только один, зато внушительных размеров. Пожалуй, два на три метра, определил на глазок визитер. Холст был заключен в массивную золоченую раму, к нижней горизонтали которой крепилась табличка с четкой надписью: «И.Айвазовский. Шторм в заливе».

Так вот о каком шторме говорил Ключник. Впрочем, даже без таблички Пережегин догадался бы, что перед ним полотно Айвазовского. Точнее, подделка под него. Но мастерская. Очевидно, именно эту картину шайка намеревалась продать простодушному покупателю под видом оригинала.

Пережегин хоть и называл себя дилетантом в искусстве, но о творчестве Айвазовского представление имел. Много лет назад, по случаю, «генерал» Морозов просветил его на этот счет.

Айвазовский считается автором более шести тысяч произведений, правда, в это число входят его эскизы, наброски, рисунки и прочее. Непревзойденный мастер морского пейзажа, Айвазовский – один из наиболее «похищаемых» художников, кроме того, он держит своеобразный рекорд по количеству подделок его работ.

Да и могло ли быть иначе, если на его картины, особенно крупноформатные, существует устойчивый спрос? Не последнее место среди покупателей, жаждущих заполучить «настоящего Айвазовского», занимают состоятельные армяне. Ведь подлинная фамилия живописца – Айвазян, так как же уважающему себя армянину не иметь дома хотя бы одной картины прославленного земляка? Перед соседями неудобно...

Ну ладно, Айвазовский – Айвазовским, но где же «Банковский мостик»? А ведь холст, скорее всего, находится где-то здесь, в ожидании своего покупателя. Пережегин огляделся.

Вся мебель в мансарде сгучилась у дальнего окна, оставляя свободным остальное пространство. У стены стояла старая металлическая кровать с никелированными шарами на спинках.

Постель была застлана кружевным покрывалом, которое свешивалось почти до пола. Над изголовьем возвышалась целая гора подушек и подушечек в таких же кружевных наволочках. Не иначе тетушкино наследство, являвшееся для рецидивиста Ключника эталоном комфорта и хорошего вкуса, подумалось Пережегину.

Напротив кровати, у другой стены, висел вместительный современный холодильник, рядом с ним громоздился шкаф, несомненно, перекочевавший сюда, как и кровать, из пятидесятих годов прошлого века. Несколько поодаль стоял обеденный стол, а вокруг него – с полдюжины плетеных кресел. Как говорится, ничего лишнего.

Стены и потолок были обшиты свежеструганными сосновыми досками, все еще источавшими легкий запах смолы.

Пережегин открыл шкаф и заглянул внутрь. Нет, «Банковский мостик» здесь определенно не поместился бы.

На многочисленных полочках выстроились тесными рядами баночки с красками, растворителями и еще какими-то химикатами, а также стаканчики с кистями, ножичками и прочими инструментами, требовавшимися для художественного творчества либо реставрации старых полотен.

Нечто подобное Пережегин уже видел, причем совсем недавно. Ну, конечно, в комнате профессора. Так он, значит, не только химик, но еще и художник? Любопытно...

Пережегин аккуратно закрыл дверцы шкафа, и в ту же секунду его слух уловил легкое поскрипывание ступенек. Кто-то поднимался в мансарду, находясь совсем рядом. Но только не Ключник, у того была куда более тяжелая поступь. «Народному эксперту» не оставалось ничего другого, как немедленно спрятаться в единственном подходящем для этого месте – под кроватью.

Что он и проделал не без лихости. Кружева на покрывале имели то же свойство, что и ветви сирени. Пережегин мог наблюдать через многочисленные мелкие просветы за событиями вокруг, сам оставаясь невидимым.

Дверь скрипнула, и в мансарду ступил Вадим Эдуардович. В руках он держал тубус коричневого цвета.

– Уф! Добрался, наконец, – выдохнул отставной профессор. – Нет, что ни говори, а все же дальняя дорога утомляет. Хорошо бы немного взбодриться... Ну-ка, глянем, нет ли чего

в холодильнике? – Он открыл дверцу: – О, армянский коньяк! Продегустируем, пожалуй. – Усиков сделал глоток прямо из горла и поставил бутылку на место, после чего расположился в одном из кресел, пристроив тубус на коленях.

– Что же мне делать с этим сюрпризом? – подняв глаза к потолку, спросил он кого-то, ведомого лишь ему одному. – Сказать им сразу или после? Нет, сразу нельзя, ведь они должны привести покупателя. Нельзя портить спектакль импровизацией, которая может еще и сорваться. Ладно, пока я его спрячу, но куда? В холодильник? Нет, они же будут его открывать. В шкаф? Но там все заставлено. Ага, положу на шкаф... – Он поднялся, примостил тубус сверху, затем отошел к центру мансарды: – Нет, так тоже не пойдет. Его хорошо видно со всех точек. Брат спросит: «Что это такое?» А после меня же обвинят в том, что я сломал им всю игру. – Усиков вздохнул и снова огляделся: – Ага, спрячу его пока под кроватью, а после достану.

Профессор хотел наклониться, но вдруг заохал и схватился за поясницу:

– Ох, старость – не радость.

После довольно продолжительной паузы он уронил тубус на пол и катнул его ногой вглубь, прямо на Пережегина.

– Ладно, может, Гена сподобится его достать. Но ведь и у него радикулит. Ба! Да мы попросту передвинем кровать, она же на колесиках...

Перспектива для наблюдателя была малоприятной...

Между тем Вадим Эдуардович уселся в другое кресло, лицом к двери, мурлыча под нос какой-то бравурный мотивчик.

Прошла еще минута-другая, и в нижнем коридоре послышались громкие голоса нескольких человек. Кажется, один из голосов принадлежал Дине. «Значит, вся шайка в сборе, – подумал Пережегин. – Вот и хорошо. Однако же сколько здесь пыли. Как бы мне не чихнуть. Вот будет весело».

СЕКРЕТЫ ФИРМЫ

Первой в мансарду поднялась Дина, следом за ней в дверном проеме обрисовался некий незнакомец – плотный, подвижный, хорошо одетый, с кудрявой темной шевелюрой, оттененной серебряными прядями. Замыкал шествие Ключник. Войдя в помещение, он плотно прикрыл за собой дверь, как

доверенный страж, которому поручили важные, хотя и второстепенные заботы.

Незнакомец вел себя раскованно, хотя, судя по всему, оказался в этом доме впервые.

Не удостоив профессора даже взглядом, кудрявый господин огляделся, затем прошел вперед и остановился у картины Айвазовского (или все же ее копии?).

– Ну да, – произнес после паузы. – По всем приметам, то самое полотно. Из коллекции моего покойного друга и земляка Арама. – По-русски он говорил хорошо, хотя и с сочным кавказским акцентом. – Да, то самое полотно, вроде бы. Узнаю эту легкую царапинку в верхнем углу, как и мелкий дефект рамы. Да... – Он замолчал, теперь уже надолго, после чего воскликнул: – Но тот ли это холст?! Как я могу доверять вам, незнакомым мне людям? Может, вы подсовываете мне хорошо изготовленную копию, а? Может, эти узнаваемые дефекты нанесены методом компьютерных технологий? Учтите, я очень не люблю, когда меня держат за простака.

– Послушайте, господин Бадалян... – начала Дина, но вновь прибывший гость энергично замахал руками:

– Никаких фамилий. Называйте меня Тигран.

– Господин Тигран, – как ни в чем не бывало продолжила ледяным голосом Дина, – вы, с вашей репутацией авторитетного знатока живописи, можете сами легко отличить подделку от оригинала. Кроме того, вы сами только что указали на легкие дефекты как картины, так и рамы. И при чем тут компьютерные технологии, если дефекты старые? Чего же вам еще? Что вас смущает?

– Я скажу вам, что меня смущает. Очень смущает, – многозначительно добавил Тигран. – Настолько омущает, что я теряюсь в догадках. Мой друг Арам никогда не продал бы эту картину, даже если бы умирал с голоду. Для нас, армян, Айвазовский – это гораздо больше, чем художник. Это частица нашей души, нашего самосознания, понимаете? Ладно, Арам умер, причем весьма состоятельным человеком. Царствие ему небесное, – гость перекрестился. – Свое собрание картин он завещал сыну Гегаму. Гегам, к сожалению, не имеет хватки отца, к тому же он – не коллекционер. Я не удивлюсь, если рано или поздно он промотает все отцовское наследство. Но сейчас у Гегамы есть деньги, хорошие деньги. Почему же он, ни в чем

не нуждаясь, продает ценное полотно, да еще Айвазовского, хотя в его распоряжении находится множество других известных холстов? Вот этого я не в состоянии понять. Но чувствую, что-то здесь не то.

– У вас есть еще вопросы? – хладнокровно уточнила Дина.

– Меня вполне устроит, если вы убедительно ответите мне на этот, главный вопрос.

– Идет, – кивнула Дина. – Из уважения к вам, господин Тигран, я предоставляю вам исчерпывающую информацию по теме. Дело в том, что наша маленькая фирма, – она указала рукой на обоих своих дядюшек, – рассчитывает, что вы станете постоянным покупателем нашего товара. А раз так, то деловые отношения между нами должны быть исключительно прозрачными, согласны?

– Поете-то, словно соловей, но я привык доверять только реальным фактам.

– Господин Тигран, вы, по моим сведениям, разумный человек, и я полагаю, что не ошибусь, открыв вам некоторые наработки нашего семейного бизнеса по части антиквариата и уникальных произведений искусства.

– Лук уже подоспел, пора бросать в котел мясо, – хмыкнул тот.

– Извольте! Не секрет, что с давних времен существовали мошенники, которые выдавали копии и подделки мировых шедевров за оригиналы. Некоторые из аферистов владели кистью настолько мастерски, что их творения не могли отличить от подлинника даже самые признанные эксперты. Полагаю, вам известны многие скандальные истории на этот счет. Как и тот факт, что целый ряд великих аферистов – подделывателей шедевров тоже вошел в летопись искусства. Однако меня лично этот скользкий путь никогда не увлекал. Зато мне удалось открыть удивительную, неведомую коллекционерам сторону антикварного бизнеса. Я поняла, как зарабатывать на живописи, выдавая оригинал за подделку, и при этом почти не нарушая закона. В этом и заключается мое ноу-хау.

– Что такое? – похоже, самоуверенность покинула гостя.

– Именно так, – кивнула Дина. – Гегам, сын вашего покойного друга, продал, точнее, передал эту картину мне по доброй воле. У меня и документы на нее имеются. «Шторм в заливе» – по состоянию на текущую минуту, моя собственность,

запомните это. А изюминка в том, что я, вместе с моими компаньонами, сумела убедить наследника, что доставшийся ему Айвазовский – подделка, и любая попытка продать полотно в Европе может закончиться крупным скандалом. Получив убедительные доказательства на этот счет, он пришел в отчаяние, осознав, что владеет фальшивкой. Я предложила ему продать полотно, пока не поздно, через моего посредника, кому-нибудь на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. Вернуть таким ходом хотя бы десятую часть цены. Гегам подумал и согласился. И вот картина здесь.

– Стало быть, она имеет славу поддельной? – набычился Тигран.

– Послушайте, не изображайте из себя простофилю, – усмехнулась Дина. – Картина продается за полную стоимость, ведь она настоящая, что совсем не трудно установить.

Гость опять задумался.

– Я давно не видел Гегамы, он в последние годы жил отдельно от отца. Но, при всей его склонности к излишним тратам, общие знакомые отзываются о нем как о человеке весьма недоверчивом. Ума не приложу, как вы сумели обвести его вокруг пальца?

– Легко, – усмехнулась Дина. – Но позвольте мне продолжить свой рассказ.

Она повернулась к Усикову:

– Вадим Эдуардович, откройте, пожалуйста, шкаф.

Тот живо вскочил с кресла и, суетясь, выполнил просьбу племянницы. Взорам гостя предстало зрелище, уже знакомое Пережегину, то есть сотни баночек и прочего добра.

– Это краски, – пояснила Дина, всем своим видом демонстрируя, что готова открыть перспективному покупателю если не все, то многие тайны мошеннического кооператива. – Но не простые, а особенные. Каждая из них имеет возраст от сорока до девяноста лет, а некоторые датированы началом двадцатого века. С помощью этих красок мы, так сказать, омолаживаем в нужной нам степени старые картины, превращаем, к примеру, шедевр XVIII века в подделку, написанную якобы лишь полвека назад. Впрочем, тут возможна масса вариантов, поэтому мы держим наготове широкий по давности спектр красок, включая столетние.

– Где же вы их находите? – спросил гость, все определеннее проявляя интерес к теме.

– Да уж находим, – усмехнулась Дина. – Есть много источников, но я укажу вам лишь на один, дабы не утомлять вас избыточной информацией. Кроме картин гениев и больших мастеров, в подлунном мире сохранились, как это ни покажется странным, тысячи полотен, написанных рукой любителей, живших в интересующие нас времена. Любительские пейзажи и натюрморты все еще украшают многие квартиры и дачи, либо пылятся где-то на чердаках и в сараях. Мимоходом упомяну о запасниках провинциальных краеведческих музеев, переполненных полотнами мэтров местного масштаба, полузабытых, а то и вовсе забытых. Важный момент: почти все эти картины датированы. Вот вам и источник для получения нужной краски. Мы разыскиваем эти холсты, затем дядюшка Вадим аккуратно соскребает краску по колерам и превращает полученную стружку по известным ему технологиям в безупречные краски минувших времен. Если прямо сейчас написать этими красками картину, да еще на старом холсте, то любой, самый совершеннейший прибор подтвердит, что полотно создавалось много десятилетий назад.

– Начинаю понимать, что дело у вас поставлено на профессиональную основу, – одобрительно кивнул господин Тигран.

– Ладно, приоткроем завесу чуть шире, – продолжала Дина. – Наша фирма располагает тремя специфическими базами данных. Первая: коллекционеры, состояние их здоровья, возраст, семья, возможные наследники. Вторая: потенциальные покупатели тех картин, что имеются в коллекциях персоналий из первого списка. Наконец, третья: биографии и «творческие» манеры известных подделывателей живописи, прославившихся своими аферами в былые времена.

– Кушанья в котле кипят, запах притягательный, но что находится под крышкой? – гость вновь перешел на иносказательный стиль речи.

– В каждом случае приходится разыгрывать индивидуальный спектакль, – следуя своим курсом, ответила Дина. – Опять же, ради экономии времени, приведу самый простой, классический вариант, который был реализован в отношении известной вам картины «Шторм в заливе».

Итак, по нашим данным, старый коллекционер, отошедший в мир иной, завещал свои сокровища молодому племяннику, любителю красивой жизни Гегаму. В искусстве наследник разбирался плохо, но знал, конечно, что картины старых мастеров – большая ценность. Впрочем, о продаже коллекции речь не шла, ведь в средствах наследник не нуждался. В скором времени молодой человек встретился с прекрасной незнакомкой, столь же обаятельной, сколь и скромной.

Ну, что тут долго рассказывать: красавица стала часто бывать в его доме. Выяснилось, между прочим, что она специалист в области старой живописи. Однажды она спросила наследника, известно ли ему, при каких обстоятельствах в коллекцию попала картина Айвазовского «Шторм в заливе». Наследник ответил, что, по словам дяди, это полотно досталось ему от отца, который, в свою очередь, купил его в годы нэпа у крупного мебельного торговца. «Так я и думала! – воскликнула наша красавица. – Годы нэпа... Именно в тот период в России подвизался аферист Чарушин-Самохвалов, талантливейший подделыватель произведений Айвазовского. Утверждают, что на его счету десятки крупных фальшивок, хотя точного числа не знает никто». «Но дядюшка был убежден, что эта картина – подлинная», – возразил наследник. «Подделки Чарушина могут обмануть даже опытного эксперта, – отвечал красавица. – Впрочем, установить истину несложно. Соскреби аккуратно немного краски с любого угла полотна и сам договорись с лабораторией какого-нибудь крупного музея, чтобы определили возраст этой краски. Но сделать все надо конфиденциально, иначе пойдет слух о неполноценности твоей коллекции, а это негативно отразится на ее общей стоимости». «Пожалуй, так я и сделаю», – ответил встревоженный наследник. Прошло несколько дней, и начался второй акт спектакля. «Какой кошмар, – пожаловался наследник красавице. – Представляешь, краски, которыми написан «Шторм в заливе», изготовлены в двадцатых годах прошлого века. Через два десятилетия после смерти Айвазовского. Ясно, что картина поддельная. Что же мне делать? Я не хочу, чтобы в моем доме висела фальшивка». «Думаю, эту проблему можно решить, – ответила красавица. – Да, это подделка, но очень качественная. У меня есть надежный посредник, имеющий выход на коллекционеров с Ближнего Востока. Богатые и самонадеянные шейхи не задают лишних

вопросов. Они доверяют только собственному вкусу и не приглашают к себе экспертов. Все риски посредник принимает на себя, но потребует за это драконовские проценты. Боюсь, ты получишь немного, но это лучше, чем ничего. Вдобавок тебя навсегда избавят от фальшивки, присутствие которой оскорбляет твое эстетическое чувство. Выбор за тобой». «Ты ручаешься за своего посредника?» «На все сто». «Ладно, я согласен».

Дина выдержала паузу, затем произнесла:

– Вот так «Шторм в заливе» оказался у меня. А это, – она указала на Ключника, – Геннадий Федорович, другой мой дядя, который сыграл в спектакле роль посредника.

– Я все понял, кроме одного, – проговорил гость, уже без всякой витиеватости. – Почему образец краски, который, полагаю, наследник взял собственными руками, показал, что плотно поддельное?

– Это тоже наше ноу-хау, – ответила Дина. – Мой временный бойфренд, он же наследник, он же Гегам, регулярно встречается с сугубо мужской компанией своих бывших одноклассников, и эти встречи обычно затягиваются далеко за полночь. Одним из таких «окон» я и воспользовалась. Предупредила консьержа, что жду сантехника. Под видом мастера пришел дядя Вадим. Мы отключили сигнализацию и аккуратно сняли картину со стены. Затем дядя Вадим разложил свои принадлежности и слегка «подправил» Айвазовского с помощью заранее подобранных красок в каждом из четырех углов полотна. Через некоторое время, когда краска просохла, начался тот самый спектакль.

– Хм, но ведь вы могли объявить подделкой не обязательно Айвазовского, а любую другую картину из коллекции.

– Да, любую, но только одну. Две подделки – это уже подозрительно.

– Почему же ваш выбор пал именно на Айвазовского?

– По той элементарной причине, что к тому моменту в нашем поле зрения оказались вы, уважаемый Тигран. Нам удалось установить, что вы давно уже мечтали заполучить именно «Шторм в заливе».

– А если я откажусь от сделки и заявлю в полицию?

Взгляд Дины сделался жестким:

– Послушайте, господин Бадалян, не валяйте дурака. Разве вы не поняли, что я открыла вам некоторые секреты нашей фирмы в расчете на то, что вы станете нашим постоянным клиентом?

Вы даже сможете делать предварительные заказы, получив доступ к нашей базе данных по картинам, которые в обозримом будущем окажутся в зоне нашей доступности. Вы ведь по натуре азартный коллекционер, и нам это известно. Так что не надо здесь говорить о полиции, притом что никаких доказательств у вас нет. А вот полиция вполне может заинтересоваться происхождением некоторых полотен из вашей коллекции.

– Ох, что-то у меня голова закружилась, – гость потер лоб основанием ладони. – Что ж, я убедился, что вы – по-настоящему деловые люди. Мы будем продолжать сотрудничество.

– Тогда переведите обговоренную нами сумму на тот счет, который мы вам указали, и можете забирать картину. Договор купли-продажи можем оформить задним числом. У нас есть прикормленный нотариус.

– Не проблема... – Тигран отошел к дальнему окну мансарды и сделал вызов по мобильнику.

– Анюта, переведи ту сумму. Да-да, то, о чем я тебе говорил утром. Сделай это прямо сейчас, поняла?

Дина, в свою очередь, отошла к противоположному окну. Прочитав через минуту поступившее SMS-сообщение, она известила своих:

– Деньги поступили.

Повернулась к покупателю:

– «Шторм в заливе» ваш.

Господин Бадалян снова послал вызов по мобильнику:

– Кеша, рули к дому и заезжай во двор, аккуратно, без шума, задним бортом к крыльцу веранды. Нет, много народу не нужно. Возьми еще одного человека, и довольно.

Затем он начал снимать картину.

– Я вам помогу, – вызвался Ключник.

Картину понесли к выходу.

Химик предупредительно открыл дверь.

– Гена, возвращайся быстрее, есть серьезный разговор, – шепнул он проходившему мимо брату.

Тот молча кивнул. Усиков снова закрыл за ними дверь. Дина и дядюшка Вадим остались вдвоем (не считая, разумеется, Пережегина).

Профессор явно пребывал не в своей тарелке.

– Э-э, доченька, тут такое дело... – Он подошел к кровати и вдруг резко наклонился вниз.

СЮРПРИЗ ИЗ ТУБУСА

Пережегин уже смирился с тем, что сейчас будет разоблачен, и лихорадочно продумывал линию поведения.

Но тут Усиков снова схватился за поясницу:

– Ох, мой радикулит!

Он осторожно опустился в плетеное кресло и, находясь в изогнутой позе, продвинул правую ногу под кровать, пытаясь нашарить ею припрятанный тубус. Пережегину не оставалось ничего другого, как подыграть профессору, буквально подсунув ему цилиндр под пятку.

– Ага! – обрадовался тот, поднимая с полу выкатившийся на свет божий тубус.

Все это время Дина не без недоумения наблюдала за манипуляциями своего дядюшки.

– Что еще там такое?

– А вот сейчас сама увидишь, племянница... тут такая загадочная история... – Усиков повернулся вместе с креслом к столу, открыл тубус и принялся что-то извлекать из него.

Между тем со двора послышалось урчание мотора.

– Счастливого пути! – донесся возглас Ключника. – Нет, ворота закрывать не надо. Мы сейчас тоже будем выезжать.

Еще немного, и в доме заскрипели ступеньки, а там и Ключник вернулся в мансарду.

Все трое сгрудились между столом и кроватью, разглядывая нечто, что Усиков, похоже, расстелил на столешнице. Пережегин, понятное дело, имел возможность наблюдать лишь за ногами аферистов.

Довольно долго под крышей мансарды царило напряженное молчание.

– Эге! – воскликнул, наконец, Ключник, он же «посредник».

– Сюрприз... – задумчиво произнесла Дина. – Неужели это тот самый «Банковский мостик»?

– Именно тот самый, – подтвердил химик. – Я мельком видел это полотно в комнате Омельева. Вот здесь, видите, плохо прописано одно из крыльев грифона. Я это заметил сразу и обратил внимание Олега. Но он лишь отмахнулся: ладно, мол, сойдет и так, все равно, дескать, этому холсту не висеть ни в Эрмитаже, ни в Третьяковке.

– Значит, полотно то самое, – констатировала Дина. – Ну, и как же оно оказалось у тебя, дядя Вадим?

– Мне его принесли сегодня утром, как раз в тот момент, когда я уже собрался на встречу.

– Кто пронес? – одновременно воскликнули Дина и Ключник.

– Какой-то посыльный. В униформе и в фирменной шапочке. Вручил этот тубус прямо в руки и попросил, чтобы я расписался в квитанции.

– Где квитанция?

– Так ведь он унес ее с собой.

– Как хоть называется фирма?

– Да я и не спрашивал. Как-то неожиданно все это произошло. Притом я ведь не знал поначалу, что находится в тубусе. Вытащил холст только у себя в комнате. Но к тому времени посыльного и след простыл.

– Ох, и простофиля же ты, дядя, – выговорила ему Дина.

– Голова седа, а сам вроде несмышленого ребенка, – добавил Ключник.

– Так и знал, что оба будете меня ругать, – обиделся Вадим Эдуардович.

Слушая эту перепалку, Пережегин терялся в догадках. Дина и Ключник вели себя так, словно не имели ни малейшего касательства к краже картины из дома Виноградовых. «Ладно, не торопись с выводами, – сказал он себе. – Инцидент еще не исчерпан».

– Кажется, я понял, – дрожащим тенорком проговорил Усиков. – Это ловушка. Сыщики нашли картину, и сейчас хотят сделать крайним меня.

– Не паникуй, дядя Вадим, – успокоила его Дина. – А то у сыщиков нет других забот, как устраивать тебе ловушки. Нет, это не ловушка, а приглашение к сотрудничеству, и я догадываюсь, кто посылает нам сигнал...

– Пережегин? – нервно переспросил профессор. – Хитрющий тип, циник, я сразу это понял по его глазам. Не удивлюсь, если он сидит сейчас на каком-нибудь дереве возле нашего дома и наблюдает за нами в бинокль.

– Скажи еще, что он спрятался под кроватью или в холодильнике, – съязвил Ключник.

– А что? Он и на такое способен.

– А ты проверь на всякий случай.

– Вот ты шутишь, Гена, а ведь я серьезно...

– Прекращайте, дядюшки, свой базар, – вмешалась Дина. – Подведем некоторые итоги. Определенно день сегодня складывается для нас удачно. Мы завершили операцию по «Шторму в заливе», и каждый из вас получит свою часть прибыли. Кроме того, у нас появился постоянный покупатель, что привносит радужные перспективы в деятельность нашего скромного семейного кооператива. Что же касается этого полотна – «Банковский мостик», то будем считать его подарком судьбы. Тебе, дядя Вадим, поручается новое ответственное задание. Сейчас ты снова свернешь этот холст и поедешь с ним домой. Закроешься в своей комнатухе и аккуратно смоешь с полотна верхний слой.

– Но это работа не на один день.

– От тебя пока не требуется очищать все полотно. Отмой небольшой квадратик в углу, но так, чтобы ясно открылся фрагмент нижней картины.

– Дина, солнышко мое, в коммуналке это делать опасно. Вдруг кто-нибудь из соседей постучит? Вдруг опять нагрянут сыщики или этот бес Пережегин?

– Про сыщиков и Пережегина забудь, – отрезала Дина. – А соседям не открывай, только и всего. В крайнем случае, скажешь через дверь, что голова болит или температура подскочила.

– Может, я лучше останусь здесь, в мансарде?

– Золотые яйца надо хранить в разных корзинах, а корзины держать в разных местах, – ответила Дина загадочной фразой. – Сделаешь так, как я сказала. Вот что еще. Когда закончишь, подсуши обработанный фрагмент. А затем сверни холст и по утреннему холодку, часиков в шесть, отнеси его на Московский вокзал. Тебе там ходу минут десять, с запасом. Холст помести не в тубус, а в какую-нибудь старую хозяйственную сумку. На вокзале поставишь эту сумку в ячейку камеры хранения. Код используй прежний. Номер зала и ячейки сообщишь мне эсэмэской. Опять же по известной тебе схеме, с прибавлением соответствующих цифр. Ты все понял, дядя Вадим?

– Я понял то, что мне опять предстоит пахать целую ночь, – вздохнул Вадим Эдуардович.

– Не ворчи, старик. Тебе ведь не мешает солидная прибавка к пенсии.

– Да уж, солидная, – капризно надулся тот. – Сколько антиквариата прошло уже через мои руки, а купить квартиру все

равно не могу. Мне эта коммуналка надоела хуже горькой редьки. Хоть на старости лет пожить бы по-человечески, в отдельной квартире, с персональным унитазом. Вы же мне обещали.

– Раз обещали, значит, сделаем, – сказала Дина. – Но сейчас не самое подходящее время для решения бытовых вопросов. Извини, дядя, но ты ведь не голодаешь, хорошо одеваешься, дважды в год едешь на курорты, и вообще у тебя есть все необходимое. Потерпи еще немного, будет и квартира, и персональный унитаз. Ну, давай, собирай все, что тебе нужно, и в путь.

Аферисты рассредоточились по мансарде, готовясь к скорому отъезду. Вадим Эдуардович подошел к шкафу и принялся греметь баночками, отбирая какие-то реактивы и беспрестанно ворча при этом.

Пережегин отлежал себе бок и наглотался пыли, зато узнал даже больше, чем рассчитывал поначалу.

Дело, по всей видимости, обстояло так. Дина и Ключник, похитившие «Банковский мостик» из квартиры Виноградовых, так и не поставили об этом в известность своего простодушного родственника, от которого они, похоже, многое утаивали, отчисляя ему из баснословных барышей какие-то крохи. Картину они прятали в тайнике. Но вот на горизонте появился потенциальный покупатель – господин Бадалян, и пришло время смывать с «Маков» камуфляж.

Эту работу мог проделать только профессор Усиков. Но не посвящать же его в тайну. Поэтому был разыгран очередной спектакль, теперь уже специально для «дяди Вадима». Он получил от посыльного «Банковский мостик», так ни о чем и не догадавшись.

Здесь, в мансарде, Дина и Ключник продолжали ломать перед ним комедию, поручив наивному профессору в срочном порядке обнажить фрагмент настоящей картины, для того, видимо, чтобы продемонстрировать «второе дно» господину Бадалян в ходе их новой конфиденциальной встречи.

Сложная операция с получением от Усикова частично отмытой картины через ячейку вокзальной камеры хранения была задумана, очевидно, для того, чтобы рассеять подозрения, которые могли возникнуть у «дяди Вадима», обиженного регулярными недоплатами.

Такая вот картина маслом.

Теоретически «Банковский мостик, то бишь «Маки», можно заполнить хоть сегодня вечером. Вадим Эдуардович – человек слабый, он сразу расколется. Правда, знает он немного.

Впрочем, пусть шайкой аферистов, как и выяснением всех подробностей этой запутанной истории, занимается полиция. От него же, Пережегина, теперь требуется только одно: собственными глазами убедиться, что под смывающимися красками «Банковского мостика» действительно скрыто произведение знаменитого импрессиониста.

МАГНИТНЫЙ КЛЮЧ

Дождавшись, когда аферисты покинут мансарду и запрет за собой дверь, Пережегин, кряхтя, выбрался из-под кровати, отряхнул с себя пыль и размял затекшие мышцы. Затем бесшумно прокрался к окну и притаился сбоку от него, прислушиваясь к тому, что происходит во дворе, где собрались все «ходячие» обитатели дома.

Дина что-то негромко втолковывала дяде-химику, который с понурым видом внимал ее речам. Ключник, напротив, не щадя голосовых связок, давал последние инструкции сиделке, обещая проверить результат по возвращении. Первым делом сиделке поручалось запереть ворота после отъезда хозяев. Про исчезнувшую табуретку Ключник, кажется, забыл.

Вот вся троица уселась в иномарку (Дина за рулем). Автомобиль выехал на дорогу и помчался в сторону города.

Сиделка закрыла ворота, задвинула засов и прошла через веранду в дом. Через какое-то время она поднялась к больной.

Дверь мансарды, как припоминал Пережегин, запиралась снаружи на висячий замок, но окна-то оставались открытыми. Чуть сбоку от того окна, что находилось над верандой, к стене крепилась металлическая лестенка, вроде пожарной. Из окна – на лесенку, с той – на крышу веранды, оттуда – на крышу сарайчика, наполовину скрытого кустами, и вот он уже на земле...

На пристанционной площади Пережегин уселся в свой автомобиль и вызвал по мобильнику Виноградову.

– Ирина Сергеевна? Есть хорошие новости. Думаю, дело движется к финалу. Да, все закончится завтра утром. С гаран-

тием. Но у меня к вам есть разговор. Я буду у себя минут через сорок. Приезжайте, как только сможете.

На щеках Виноградовой играл яркий румянец.

Пережегин вкратце ввел клиентку в курс дела, опустив ненужные, с его точки зрения, подробности.

– Та вещь, которую мы ищем, у меня на крючке на девяносто девять процентов, – резюмировал он. – Остается получить подтверждение ее подлинности, и эту задачу я решу сегодня ночью. В связи с этим у меня к вам один необычный вопрос, уважаемая Ирина Сергеевна. В каких вы отношениях на данный момент с теткой вашего мужа? Она человек надежный?

– Елена Дмитриевна? – удивилась Виноградова. – А она-то здесь при чем?

Пережегин принялся неохотно объяснять:

– Дело в том, что картина, все еще двухслойная, находится сейчас в коммуналке, у того самого химика. Он имеет задание от Дины смыть верхний слой на небольшом квадратике. К этой работе химик, в силу своих комплексов, приступит, полагаю, не раньше полуночи. Надо будет выждать для верности еще два-три часа, и тогда профессора можно брать с поличным. Переждать эти ночные часы мне было бы удобнее, находясь рядом, в коммуналке. Отсюда мой интерес к Елене Дмитриевне. Вы не могли бы объяснить старой даме ситуацию в самых общих чертах? Как бы двусмысленно это ни звучало, но интересы дела требуют, чтобы она пустила меня в свою комнату инкогнито. Растолкуйте ей, что это делается для блага ее племянника – вашего мужа.

Виноградова задумалась. Затем вздохнула и покачала головой:

– Понимаете, Елена Дмитриевна – сложная, я даже добавила бы, странная натура. Она, конечно, согласится ради Алексея на любую жертву и заверит вас, что все сделает как надо. А затем проскользнет к своим коммунальным подружкам и «по секрету» расскажет им, что в ее комнате сидит в засаде «сыщик» и что нынче ночью в коммуналке произойдет нечто из ряда вон.

– Ясен перец, – кивнул Пережегин. – Вариант с тетушкой отменяется. Ладно, не беда. Я заметил, что на кухне окно

остается приоткрытым, похоже, круглые сутки. Очевидно, для выветривания кухонных запахов. Думаю, мне не составит труда проникнуть в коммуналку через это окно, комната нашего химика находится как раз напротив выхода с кухни.

– Ой, а вдруг вас кто-нибудь увидит?

– Не волнуйтесь, я умею выбирать подходящий момент для неожиданных визитов. В крайнем случае притворюсь гостем господина профессора.

Виноградова вскинула на него свои выразительные серые глаза:

– А хотите, Петр Мефодьевич, я совершу эту вылазку вместе с вами?

– Отдаю должное вашему мужеству, но в данной ситуации мне сподручнее действовать в одиночку, – покачал он головой.

– Почему же? Если вдруг возникнет конфликт, я смогу его как-то уладить. Все же в коммуналке я не совсем чужая.

– Даже не думайте об этом.

– Как скажете... – Тревога, однако, не покидала ее: – А вы сумеете ночью попасть в его комнату? Насколько мне известно, у всех жильцов изнутри приделаны крепкие засовы и крючки. А вдруг он не откроет вам на стук и с перепугу уничтожит картину своими реактивами? Ведь тогда мы точно ничего не докажем.

– Не волнуйтесь, ничего он не уничтожит, – усмехнулся Пережегин. – Не успеет. Да и не осмелится, пожалуй. – Он наклонился, выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда некий предмет величиной с книгу карманного формата. – Это магнитный ключ, который открывает любые засовы и крючки. С его помощью я предстану перед химиком, словно материализовавшееся привидение. А вы, Ирина Сергеевна, идите спокойно домой и отдыхайте. Гарантирую, что ближе к рассвету с этим делом будет покончено, – сказал он, пожалуй, чуточку рисуясь.

– Мне так хочется верить вам. Я теперь только и буду думать о вашем ночном визите и дрожать от страха за вас. Умоляю, позвоните мне, как только все закончится, ладно?

– Это само собой, – кивнул он. – Однако пора прощаться. Я должен выспаться. Не люблю, знаете ли, ходить на дело в полусонном состоянии.

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Около половины третьего ночи Пережегин припарковал свою «киа» в отдаленном уголке большого коммунального двора.

Он вышел из машины, натянув на макушку темную матерчатую шапочку с большим козырьком, который при легком наклоне головы закрывал все лицо.

Вокруг не было ни души. Светились лишь одиночные окна на верхних этажах да тусклые фонари над мрачными арочными проездами. Держась для верности в тени, «народный эксперт» вышел на ту сторону старого дома, куда смотрело окно комнаты Усикова. Оно светилось бледным рассеянным светом, как если бы в комнате горела настольная лампа, дававшая узкий концентрированный сноп лучей, направленный, к примеру, на участок рабочего стола.

Что ж, так и должно быть. Химик, значит, трудится не покладая рук.

Пережегин приблизился к окну вплотную, убедившись лишь в том, что его створки плотно закрыты, двойные шторы задернуты без малейшей щелочки в них и даже раздвижная решетка застопорена изнутри специальной рукояткой. Впрочем, все это детали. Главное – профессор занят работой.

Ночной гость обогнул здание и вышел на другую его сторону, где находилось кухонное окно. Как по заказу, оно было утоплено архитектором в неглубокой нише, затянутой сейчас непроглядным мраком. Даже если бы во дворе появился в эту минуту запоздалый прохожий, то и он не смог бы разглядеть человека, притаившегося в нише.

Пережегин протянул руку и нащупал оконную раму. Так и есть, створки не закрыты на щеколду. Он распахнул их шире, взобрался на подоконник и простоял некоторое время в позе тушканчика. Внутри коммуналки царил абсолютная тишина, народ спал мертвым сном.

Пережегин обвел лучом маленького фонарика проход от окна до распахнутой в направлении коридора двери, удостоверившись, нет ли на полу каких-нибудь табуреток либо ведер, способных загреметь под ногами. Но нет, путь был свободен.

Он осторожно спустился на пол, снова прислушался. Тишина. Никто не сновал по коридору и не кряхтел в туалете. Похоже, он действительно выбрал самый удачный отрезок времени для ночного визита. Ну, вперед.

Во всем огромном коридоре горела лишь одна 40-ваттная лампочка над дверью в уборную. В ее блеклом свете громады старых шкафов и коробок создавали иллюзию некоего лабиринта, в котором притаился, поджидая свою жертву, двойник Минотавра.

Пережегин быстро пересек коридор и приблизился к двери Усикова. Сквозь нижнюю щель струился слабый свет. Пережегин снова прислушался. В комнате было очень тихо, но нет-нет да и слышался специфический звук, напоминавший легкое поскрипывание стула.

Да, профессор трудится. И наверняка он настолько увлечен своим занятием, что не сразу обратит внимание на неясный шорох в коридоре.

Пережегин достал из сумки магнитный ключ и бесшумно приложил его к двери, примерно в том месте, где, как он припоминал, должен был находиться засов. К удивлению «народного эксперта», дверь от легкого прикосновения подалась сама собой. Вот-те раз: неужели осторожный Вадим Эдуардович забыл запереться?

Однако играть в прятки уже не имело смысла. Пережегин рывком распахнул дверь, шагнул следом в комнату.

Мысленно он рисовал себе различные варианты развития событий, но реальность вышла за рамки всех его фантазий. На столе, освобожденном от посторонних предметов для работы, действительно горела настольная лампа, бросавшая на столешницу яркое пятно света; в самой же комнате царил полумрак. Сбоку от лампы помещались всякие баночки, кисточки, какие-то миниатюрные инструменты. Но холст «Банковский мостик» отсутствовал.

Усиков сидел на стуле отнюдь не в рабочей позе. Его руки и ноги были прикручены к стулу многократными извивами скотча. Полоской скотча был заклеен его рот, а глаза завязаны черным шарфом. Судя по его подергиваниям, профессор находился в сознании, но не мог самостоятельно избавиться от своих пут.

Чутье подсказывало Пережегину, что опасность притаилась рядом. Запах. Станный запах, совершенно чуждый этой комнате.

Боковым зрением он успел заметить черную тень без лица, выдвинувшуюся за его спиной из переднего угла. Затем что-то твердое уперлось ему в шею, проникло в плоть и швырнуло его в темную бездну.

ОБЕСКУРАЖИВАЮЩИЕ ВЫВОДЫ

В голове звенело, словно та была чугунной, а тело так ломило, будто по нему каток проехал. «А ведь мне всегда представлялось, что действие электрошокера вызывает совсем другие ощущения, – подумал Пережегин. – Ладно, теперь буду знать».

Цепляясь за стул и стол, он медленно поднялся на колени. Взгляд упал на примостившийся в углу хозяйственный столик, на котором стоял трехлитровый баллон с водой. Не поднимаясь с колен, он добрался до вожделенного сосуда и сделал несколько основательных глотков, чувствуя, как к нему возвращаются силы. Сколько же он пробыл в прострации? Минуту? Или четверть часа?

Преодолевая усилием воли состояние онемения, Пережегин поспешил на выручку к хозяину комнаты, который выном извивался на стуле, тщетно пытаясь сбросить путы. Первым движением Пережегин сорвал полоску скотча с нижнейловины его лица, вторым – сдернул повязку с глаз.

Узрев перед собой знакомую персону, профессор, похоже, готов был вторично лишиться чувств.

– Вы? – судорожно выдохнул он. – Опять вы. А я ведь догадывался, что так просто вы от меня не отстанете. С чем вы пришли на этот раз?

– Ну, во-первых, сообщаю, что не я на вас напал, – ответил Петр Мефодьевич, освобождая пленника от витков скотча. – Между прочим, я сам подвергся нападению, едва переступил через порог вашей комнаты. Правда, меня не связывали. Но кто-то третий ловко перечеркнул все планы – и ваши, и мои.

– Да, но вы-то зачем пожаловали? – плачущим голосом спросил Усиков.

– Об этом мы побеседуем отдельно. Минутку... – Пережегин прокрался к двери и выглянул в темный коридор. Никого. Станный запах тоже улетучился. Пережегин вернулся в комнату, плотно прикрыв за собой дверь, и продолжил беседу с химиком: – Вы успели обработать холст?

– Какой еще холст? – насупился профессор. – Я занят чисто научной проблематикой.

– Тот самый холст, который, похоже, унес обладатель электрошокера. Почему вы открыли ему дверь? И как вы теперь оправдываетесь перед Диной и Геной?

– Не понимаю вас.

Пережегин насмешливо посмотрел на него:

– Послушайте, Вадим Эдуардович, нет времени играть в кошки-мышки. И, дабы освежить вашу память, я напому вам ту фразу, которую вы произнесли вчера около полудня в мансарде известного вам дома в Лахте, когда вся ваша компания, удачно сбыв крупноформатное полотно Айвазовского, собралась вокруг стола, где вы расстелили холст под названием «Банковский мостик». Вы сказали тогда, что не удивились бы, узнав, что Пережегин сидит на каком-нибудь дереве и фиксирует все ваши разговоры. Считайте, так оно и было. Я знаю все. Или почти все. От вас мне требуются лишь отдельные уточнения.

На лице профессора появилось выражение полной покорности судьбе.

– Нет, вы не человек, вы – дьявол. Или ученик дьявола, который научил вас проникать в чужие тайны и мысли.

– Профессор, вы ведь служитель науки, поэтому оставьте сей высокопарный стиль для другого случая. Если бы я умел проникать в чужие мысли, то сейчас меня бы здесь не было. Я даже догадок не имею, кто побывал в этой комнате и унес «Банковский мостик», но надеюсь выяснить весь ход событий, каким бы загадочным он ни представлялся. Между прочим, это и в ваших интересах тоже. На данном этапе мы с вами временные союзники. Я ведь не полицейский и не собираю улики против вашего «кооператива». Мне нужен только холст, и я его получу, рано или поздно. А теперь слушайте внимательно. Этот холст я передам затем в распоряжение полиции, но так, чтобы никто из тех, через чьи руки он прошел, не пострадал. Таковы мои правила. Я не судья и тем более не палач. Поэтому, дорогой мой Вадим Эдуардович, вам лично даже выгодно, чтобы «Банковский мостик» оказался именно у меня. Ибо если он неисповедимыми путями, минуя меня, попадет в руки «антикварного» отдела полиции или, не дай бог, мафии, то у этих организаций могут возникнуть к вам весьма неприятные вопросы. С соответствующими последствиями. Выбирайте, почтеннейший доктор, какой вариант вам милее.

– Хорошо, будем считать, что вы меня убедили. Я отвечу на ваши вопросы.

– Тогда расскажите без утайки, что произошло в этой комнате? Начните с того момента, когда вы расположились для работы за этим столом. Полагаю, задвинуть засов вы не забыли?

– Засов я задвинул. Он у меня, как видите, крепкий, очень крепкий. Я заперся бы еще и на ключ, но у меня, извините за подробность, проблемы с мочевым пузырем, так что по ночам приходится частенько наведываться в туалет. Случается, что и каждые полчаса. Хорошо еще, что в нашей коммуналке это заведение по ночам обычно пусто. Вот для того чтобы не нарушать ночную тишину громким щелканьем язычка в замке, я, как правило, не закрываюсь на ключ. Никогда. Только на засов.

– С этим ясно, идем дальше.

– Итак, я приготовил реактивы, инструмент, затем уселся поудобнее и расстелил перед собой холст. Для начала, конечно, внимательно изучил его со всех сторон.

– Картину действительно написал Омельев?

– Никаких сомнений. В былые времена я ведь частенько бывал в комнате Олега. Мы пропускали по стаканчику, вели долгие беседы, перескакивая с одной темы на другую. Знаете, когда вот так соберутся два русских интеллигента-неудачника, им всегда найдется, о чем поговорить. В ходе этого многолетнего общения я волей-неволей получил возможность ознакомиться не только с его картинами, но и с самой творческой манерой, выраженной, так сказать, в подборе красок, мазке кисти и прочих приемах. Он, конечно, не классик, но его руку я узнал бы сразу. «Банковский мостик» я видел в его комнате незадолго до последовавших вскоре кошмарных событий. Еще тогда я обратил внимание, что одно из крыльев дальнего от зрителя грифона не прописано до конца. Эта же недоработка была и на холсте, который я осматривал три четверти часа назад. Кроме того, в правом нижнем углу стояла его подпись, очень хорошо мне знакомая. Нет, я вообще не задавался вопросом, его ли эта работа. Заявляю с полной ответственностью: картина «Банковский мостик» написана рукой Омельева. А какие у вас, собственно, сомнения?

– Я всего лишь уточнил. Сам-то я картины не видел.

«Хотя и держал ее в своих руках, правда, заключенную в тубус», – мог бы добавить Пережегин.

– Затем я осмотрел холст с изнанки, – продолжал Усков. – Глаз у меня наметанный, и я умею определить возраст

холста по ряду внешних признаков. Со скидкой на допустимые погрешности, разумеется. Так вот, с изнанки холст был покрыт каким-то составом. Возможно, именно для того, чтобы скрыть его истинный возраст. Что ж, я приступил к делу. Поставил зажимы и принялся аккуратненько смывать верхний слой краски в левом нижнем углу. Если я правильно понял намеки Дины, то под верхним слоем должна была находиться другая картина, очевидно, ценная.

– «Намеки Дины» – это звучит интригующе. Ну, продолжайте.

– Я начал свою работу ювелирным методом, пытаюсь определить толщину верхнего слоя. Не буду утомлять вас подробностями этого достаточно скучного, лабораторного, по своей сути, процесса. Перейду непосредственно к результату. Он таков: верхний слой оказался единственным и последним. Я смыл примерно квадратный дециметр краски, убедившись окончательно, что «Банковский мостик» был написан на чистом, загрунтованном холсте. Более того, холст сам по себе не имел ничего общего с седой стариной.

Пережегин недоверчиво сощурился:

– Правильно ли я вас понял: картина «Банковский мостик», написанная, по вашему убеждению, рукой художника Омельева и подаренная им Виноградову, выполнена на чистом холсте современного изготовления?

– Именно так. Скажу еще проще. В картине нет никакого потаенного второго дна, никаких других секретов. Это рядовая работа уличного живописца, каковым, собственно, и являлся Олешка.

«Нет второго дна»... А ведь вывод химика полностью ломал всю ту схему, которую «народный эксперт» уже выстроил для себя. Но тогда и похищение «Банковского мостика» из квартиры Виноградовых теряло всякий смысл, как, впрочем, и сегодняшнее похищение холста из комнаты Усикова.

Пережегин устремил на собеседника «рентгеновский» взгляд. Похоже, химик не лукавил. Все происходило именно так, как он утверждал.

– Что же случилось дальше?

– Увлечшись, я провел над холстом, не разгибаясь, около двух часов. По идее, надо было бы позвонить Дине и сообщить о полученном результате, который, полагаю, явился бы для нее сюрпризом. Но наша девочка обычно не отвечает на ночные

звонки. А звонить Геннадию не имело смысла. Пока я размышлял, что же мне делать, взбунтовался мой мочевого пузырь. Я встал и осторожно выглянул в коридор. Там стояла тишина. По счастью, туалет оказался свободным. Сделав свое дело, я отправился к себе с чувством огромного облегчения. Казалось, ничто не изменилось вокруг за это время. В коридоре царила все та же абсолютная тишина. Но войдя в комнату, я сразу же ощутил неладное и почему-то подумал о вас. А затем – грубый тычок в шею и провал в темноту. Очнувшись и осознав свое незавидное положение, я снова подумал о вас, господин Пережегин. Я был уверен, что в какой-то момент вы освободите меня от пут, но лишь для того, чтобы подвергнуть допросу с пристрастием. Вот почему я пришел в такой ужас, когда действительно увидел вас перед собой. Одновременно мелькнула мысль, что холст забрали тоже вы.

– Мы уже знаем, что игры вашего воображения оказались ложными. Давайте забудем о них и вернемся к фактам. Получается, что похититель опередил меня всего на несколько минут. Он обездвигил вас при помощи электрошокера, для чего-то привязал вас к стулу, затем свернул холст, и уже хотел уходить, но тут услышал осторожные шаги в коридоре. Он спрятался за дверь, а затем применил против меня тот же прием, что и против вас. Это все понятно. Однако же, находясь в комнате, налетчик не мог не заметить, что холст, скажем так, не оправдал его надежд. Почему он все-таки унес его с собой?

– Может, налетчик действовал по поручению некоего заказчика и не был посвящен в суть акции? – высказал предположение Усиков.

– Разумный довод, – согласился Пережегин.

– Вообще-то, мой друг, мне опять срочно нужно в туалет, – краснея, признался Усиков.

– Нужно, значит идите, – разрешил Пережегин. – Но мобильник оставьте на столе. Своим звонком Дине вы только все запутаете. Возвращайтесь быстрее в комнату, наш разговор еще не закончен. И не забывайте, что именно я могу избавить вас от неприятных объяснений с вашей племянницей.

Вадим Эдуардович понимающе кивнул и, едва не вприпрыжку, выскочил в коридор. Тем временем Пережегин достал свою трубку и вызвал один из номеров.

– Ирина Сергеевна? Это я. Вы дома?

– Конечно! – сразу же ответила она. – Я не ложилась, жду с нетерпением вашего звонка. У вас есть хорошие новости?

– Увы, дело, с одной стороны, упростилось, а с другой – осложнилось. Подробности сообщу позже. Но я не теряю надежды завладеть пропажей. В скором времени у меня состоится важная встреча, а за ней, может, и вторая. После этого я сразу перезвоню вам, и мы встретимся. Постарайтесь пока отдохнуть немного. И не переживайте. Так или иначе, эта история неуклонно движется к развязке.

Немного спустя в комнату вернулся Усиков, во всем облике которого проступало явное умиротворение.

– Что ж, я готов к продолжению нашей беседы, – сказал он, опускаясь на стул.

Пережегин глянул на часы.

– Не сейчас, чуть позже. А пока, любезный Вадим Эдуардович, давайте вздремнем. Ей-богу, мы с вами заслужили сегодня хотя бы кратковременный отдых.

С этими словами он устроился на диване, откинул голову на спинку и заснул. Усиков последовал примеру ночного гостя.

Без четверти шесть Пережегин открыл глаза.

– Вадим Эдуардович! – позвал он. – Если я не ошибаюсь, то ровно в шесть вам надлежит быть на Московском вокзале.

– Увы, – вздохнул тот. – Но теперь, когда холст похищен, я не знаю, как мне быть. Только бы обошлось без скандала.

– Ладно, я прикрою ваш тыл, – кивнул Пережегин. – При условии, что вы будете дотошно следовать моим инструкциям.

– Я весь внимание!

– Сейчас вы позвоните Дине и скажете ей, что появитесь на вокзале ровно в шесть. Не волнуйтесь, вместо вас пойду я и улажу все недоразумения. Так вот. А еще вы скажете своей племяннице, что не все, мол, прошло гладко, но это, дескать, не телефонный разговор. Вы, мол, все объясните ей при личной встрече. На вокзале, в главном зале, где бюст Петра, есть круглосуточная кофейня. Пусть Дина возьмет две чашки кофе покрепче, расположится за каким-нибудь дальним столиком и ждет вашего появления. Передайте ей это прямо сейчас и ни в коем случае не выходите за рамки моего текста.

Усиков понятиливо кивнул и выполнил поручение незваного гостя безукоризненно. Любопытно, что его собеседница не задала при этом ни одного встречного вопроса.

Пережегин поднялся.

– Ладно, мне пора.

Он поправил на себе одежду, прислушался.

– Кажется, в коридоре уже началось движение. Вот что, Вадим Эдуардович, выпустите меня через парадную дверь, как своего то ли позднего, то ли раннего гостя.

Быстро шагая через лабиринт пустынных в этот час проходных дворов, «народный эксперт» размышлял: «Ну и дал же ты пенку, Мефодыч! Получается, что в этом деле ты с самого начала двигался неверным курсом. Давненько такого с тобой не случилось. «Банковский мостик» чист, под ним нет никаких «Маков». А ведь этот вариант, между прочим, – идеальный для моей заказчицы. Нет «Маков», значит, снимаются все подозрения с ее мужа. Тут и сказочке конец. Эх, жаль, что не удалось перехватить холст этой ночью.

А, с другой стороны, отчего же за ним идет такая охота? Как так получилось, что все, и я в том числе, вдруг бросились на ложную приманку? Что-то тут не срастается.

Кто этот налетчик, который шандарахнул меня разрядом? Кем бы он ни был, но он точно знал, что старик Усиков бежит по ночам в туалет каждые полчаса. Поэтому налетчик не ломал себе голову над тем, как ему проникнуть в запертую изнутри комнату профессора. Злоумышленник знал, что нужно всего лишь немного подождать. Где-нибудь между коридорными шкафами. И магнитный ключ был бы ему без нужды.

А этот запах, не свойственный комнате химика... Где-то я уже ощущал этот запах раньше. Неужели Дина? Или Ключник? Но им-то зачем, если у пейзажа нет второго дна?

Ладно, побеседуем с Диной. У меня приготовлен для нее прямой вопрос. Послушаем, что она скажет по поводу «третьей силы».

УТРЕННИЙ КОФЕ НА ВОКЗАЛЕ

Несмотря на ранний час, на вокзале было многолюдно, ожидалось отправление и прибытие нескольких поездов.

Дину Пережегин увидел еще издали, достигнув центральной части главного зала. Красавица сидела за столиком в кофейне и смотрела через стеклянную стену прямо на него, хотя он находился среди толпы. Она смотрела так, словно ничуть не

удивлялась, что вместо Вадима Эдуардовича на встречу явился совсем другой человек.

Пережегин жестом послал ей приветствие и бодрым шагом направился в кофейню.

– А я мечтал по дороге, что меня ждет дымящаяся чашка кофе, – сказал он, подходя к столику. – Увы, единственную чашку держат ваши изящные пальчики.

– Кофе быстро остывает, – ответила она. – А ведь вы наверняка хотите пригубить обжигающий напиток? Наплыва посетителей, как видите, нет, вас обслужат в минуту. Не считите за труд, сходите сами за своим кофе, а уж после мы побеседуем по душам.

– Резонно.

И вот они сидят, что называется, тет-а-тет.

– Вадим Эдуардович все-таки не сдержал слова, предупредил вас обо мне, – начал разговор Пережегин. – Следовательно, о ночном происшествии он вам тоже сообщил?

– Ошибаетесь, – строго ответила она. – Вадим Эдуардович – человек чрезвычайно впечатлительный, подверженный всякого рода страхам. По его ненатуральному голосу я поняла, что говорит он под чью-то диктовку. Интуиция подсказала мне, что давите на него именно вы, господин «народный эксперт». А это означало, что вы же и явитесь на randevу собственной персоной.

– Беру свои слова обратно. Но в таком случае я должен сообщить вам пренеприятнейшее известие: «Банковский мостик» не имеет второго дна, притом холст похищен вторично. – И он вкратце поведал о событиях минувшей ночи.

Она выглядела спокойной, даже равнодушной.

– Вам не обидно? – поинтересовался он. – Думали, что в ваших руках сокровище, а на деле оказалось – мыльный пузырь, да и тот лопнул.

– Не пойму, о чем вы.

– Ладно, пришла пора открыть карты. Вы, Дина Владимировна, и ваш второй дядюшка, Храпов Геннадий Федорович, он же профессиональный рецидивист Ключник, несколько дней назад похитили картину «Банковский мостик» из некой квартиры в уверенности, что под верхним слоем краски скрыто ценное полотно под названием «Маки». Какое-то время вы прятали холст, пока не нашли надежного покупателя. Но, чтобы вести

торги, надо было обнажить нижний сюжет хотя бы фрагментарно. Эту работу вы поручили второму вашему дядюшке, Вадиму Эдуардовичу, который, разумеется, не знал, каким образом полотно оказалось в ваших руках. А дабы он и впредь оставался в неведении, вы разыграли спектакль, передав ему холст через посыльного. Вы также поручили ему после завершения работы принести холст сюда, на вокзал, и вложить его в одну из ячеек автоматической камеры хранения. Но случился конфуз. Холст оказался без секрета, вдобавок его похитили вторично.

– Господин Пережегин, я не знаю, что удерживает меня от того, чтобы расхохотаться вам в лицо. Вы задаете нелепые вопросы, выдвигаете странные обвинения, не имея никаких доказательств. Отвечать вам – значит оправдываться. Я не собираюсь этого делать. Но замечу, что вы, похоже, оказались в плену ложных догадок. Или же на вас так подействовал разряд электрошокера?

– Послушайте меня внимательно, Дина Владимировна. Вчера утром вся ваша теплая компания собиралась в некоем домике в Лахте. Кроме вас, там был еще один человек, любитель морских пейзажей. Кажется, он называл себя Тиграном. Состоялась сделка, решившая судьбу полотна Айвазовского под названием «Шторм в заливе». Когда покупатель удалился, между членами вашего «кооператива» состоялся еще один любопытный разговор, касавшийся именно «Банковского мостика». Разве не так?

Она усмехнулась:

– Это моя ошибка, я посчитала, что наш лахтинский адрес вы вычислите еще нескоро. Но вы оказались более ловким пройдохой. Примите мои поздравления. Как же вам удалось подслушать нашу беседу?

– Знаете, есть такие приборы, которые позволяют слушать разговор даже через закрытое окно – по дребезжанию стекла. А у вас ведь оба окна в мансарде были распахнуты настежь.

– Господин «народный эксперт», по моим данным, из всех приборов у вас имеется только так называемый магнитный ключ, – не без сарказма заметила Дина. – Так что не надо рассказывать здесь байки на тему шпионской техники.

– Ну, тогда считайте, что у меня попросту очень тонкий слух, – покладисто отозвался Пережегин. – Допустим, я стоял на пристанционной площади и, настроившись на вашу волну,

внимал вашим милым откровениям. Устраивает вас такой вариант? А, в сущности, так ли уж важно, какими конкретными способами я добываю информацию? Я ее добываю, вот и все.

Откинувшись на спинку стула, Дина устремила на собеседника взгляд своих красивых, холодных глаз.

– Послушайте, Пережегин, – отдельно произнесла она, – если вы на самом деле слышали разговор в мансарде, то ведь должны были понять из него, что деятельность нашего кооператива носит неподсудный характер. Разыгрывая наши невинные спектакли вокруг той или иной картины, мы не совершаем никаких уголовно наказуемых деяний, практически не нарушаем ни одной из статей Уголовного кодекса.

– А как же проникновение вашего дядюшки под видом сантехника в чужое жилище? А подрисовки картин?

– Эти мелкие шероховатости недоказуемы. Что же касается сделок купли-продажи, то они совершались при полном согласии заинтересованных сторон. Наша правоохранительная система еще может отреагировать на сделку, в которой фальшивка продана под видом оригинала. Но, уверяю вас, ни один следователь не возьмется за дело, в котором оригинал был продан сначала как подделка, а затем вторично торговался, уже как опять же оригинал. Разницу в оценках можно трактовать как ошибку экспертов, не более того. А экспертам, даже многоопытным, я имею в виду не «народных», а профессиональных экспертов, свойственно ошибаться, это общепризнанная истина, сами должны знать. За добросовестное заблуждение никого не могут судить, нет такой статьи.

– Дина, вы напрасно катите на меня бочку, – ответил Пережегин. – Я не собираюсь копать под ваш мошеннический бизнес. Можете и впредь дурить головы вашим богатеньким клиентам. Мне это, как говорится, до лампочки. Но мне позарез нужен «Банковский мостик». Тот холст, который был написан художником Омельевым. Холст, который находился в ваших руках.

– В моих руках он находился не более двадцати минут. Вчера, в мансарде.

– Пусть так. Тем не менее вы поручили дядюшке-профессору смыть верхний слой краски с небольшого участка полотна. Речь шла именно о верхнем слое. То есть вы знали, что у холста должно быть «второе дно».

– В узком кругу людей, причастных к миру антиквариата, эта новость уже не является секретом. Ходят слухи, что уцелевшее полотно уличного живописца Омельева – «Банковский мостик» написано поверх картины «Маки», похищенной из одного элитарного музея более двух лет назад. Я не знаю, из каких источников родились эти слухи, но они упорно циркулируют. А теперь представьте себе ситуацию в том свете, какой она видится мне. Итак, мой дядюшка Вадим Эдуардович получает через посыльного предмет в виде тубуса. Дядюшка спешит на встречу и привозит этот тубус в Лахту. К моему безмерному изумлению, в тубусе находится холст «Банковский мостик», тот самый, который разыскивает полиция. Как, по-вашему, я должна была отреагировать?

– Наверное, сдать этот холст, каким-то чудом оказавшийся у вас, в полицию. Сами же доказывали мне, что ваш кооператив чурается деяний уголовного характера.

– Именно так я и собиралась поступить. Давно уже пора обзавестись прочными связями с «антикварной» полицией. Рано или поздно эти связи могут пригодиться. Благо появился беспроектный предлог для первого контакта. Но согласитесь, прежде чем сдавать холст, требовалось его проверить. У меня, между прочим, были кое-какие сомнения относительно наличия нижнего слоя. И эти сомнения, как вы сами теперь понимаете, подтвердились. Теперь я даже рада, что холст похитили вторично. Хороша бы я была, явившись в полицию с пустышкой.

– Я сделаю вид, – сощурился Пережегин, – что поверил каждому вашему слову. Ответьте мне только еще на один вопрос: кто, по вашему мнению, мог направить вам тубус с холстом?

– Полагаю, это тот же самый человек, который нынешней ночью напал на вас и дядюшку, – усмехнулась она.

– Но кто он?

– Мне-то откуда знать?!

– А разве не вы заявили своим дядюшкам вчера, в мансарде, что догадываетесь, кто конкретно послал вам этот «гостинец»?

– Хотите поймать меня на слове?

– Дина, я должен найти «Банковский мостик», причем очень быстро.

– Мы только что говорили о том, что это «пустышка».

– Пусть будет «пустышка», неважно. Для моего клиента даже лучше, если это действительно пустышка. При таком раскладе близкий клиенту человек незамедлительно выйдет на волю. Поймите, Дина, мне не нужны «Маки» как таковые, мне нужен именно «Банковский мостик».

Красавица поправила прическу и надолго задумалась.

Затем вдруг схватила свою сумочку, порылась в ней и бросила на стол пятитысячную купюру.

– Ладно, «народный эксперт», вы мне чем-то даже симпатичны. Так и быть, дам вам одну наводку, но сначала возьмите нам с вами по полтинничку коньяку, только хорошего.

Пережегин поднялся.

– Гусары денег от дам не берут. Спрячьте. Притом, что на вокзалах уже не продают горячительных напитков. Кофе вас устроит?

– Пусть будет кофе...

НЕКАЯ ГОСПОЖА РАДЗИВИЛЛ

Через несколько минут состоялся второй раунд их беседы.

– Вы, господин народный эксперт, при всех ваших несомненных заслугах, все же страшно далеки от мира прекрасного, не так ли? – проговорила Дина.

– Если под «миром прекрасного» вы подразумеваете кутерму с перепродажей и похищением произведений искусства, то это, пожалуй, так, – согласился он.

– Ладно, не обижайтесь, Пережегин. Речь совсем о другом. Сформулирую вопрос иначе: вы в курсе того, как пристраивают похищенные, именно похищенные, из музеев и частных коллекций картины, относящиеся к разряду шедевров, чья стоимость исчисляется цифрами с многими нулями?

– Боюсь, тут я не дока.

– Так вот: есть два основных способа. Картины похищают либо по предварительному заказу богатого коллекционера, либо наобум, рассчитывая найти покупателя позднее. Если имеет место заказ, то у сыщиков практически нет шансов найти пропажу. Другое дело, если грабитель или шайка грабителей сначала похищают полотно, а уж затем начинают поиски покупателя. Здесь возможны варианты. Умные вору обычно выжидают несколько лет, а то и пару десятилетий, по-

ка уляжется шум, и только после этого начинают действовать, кропотливо выискивая посредника в криминальных кругах, соприкасающихся с пресловутым «миром прекрасного». Иногда такие сделки выгорают, обеспечивая грабителям безбедную старость, но нередко «посредник» оказывается полицейским агентом под прикрытием либо тайным осведомителем. Однако всего хуже приходится похитителю-дилетанту. В руках у него бесценное сокровище, но как превратить его в денежные знаки, он понятия не имеет. Не пойдешь ведь в антикварную лавку и не скажешь: я умыкнул шедевр из музея, не согласитесь ли его купить? Малейшая оплошность грозит нашему дилетанту разоблачением и тюрьмой, а то и безвестной могилой. Ведь охоту за ним ведут не только стражи закона, но и теневые хозяева антикварного рынка, а у них своя шкала наказаний. Спустя какое-то время отчаявшийся дилетант уже готов отказаться от львиной доли барыша, лишь бы хлопоты по реализации картины взял на себя кто-нибудь другой...

– Был среди моих клиентов один старый разведчик, работавший когда-то нелегалом в Америке и Западной Европе. Он говорил, что не так сложно похитить секретную информацию, как передать ее по назначению. Теперь я вижу, что и в «мире прекрасного» царят похожие нравы. Не так сложно завладеть музейной картиной, как найти на нее покупателя.

– Истинную правду открыл вам старый разведчик.

– Если я правильно понял, вы считаете, что «Маки» находятся у некоего дилетанта, который каким-то образом сумел заполучить еще и «чистый» «Банковский мостик». Никаких связей в антикварном мире этот дилетант не имеет. С его точки зрения, такие связи есть у вас, Дина. И вот он делает вам предложение о сотрудничестве, сначала посылая в качестве «привета» «Банковский мостик», а затем похищая его из комнаты Вадима Эдуардовича. Не находите, что этот дилетант знает слишком много о вас и вашем кооперативе? Так, может, он и не дилетант вовсе?

– Все может быть. Но я предпочитаю придерживаться собственной версии.

– Имени этого человека вы, конечно, не знаете?

– Не знаю. Мне оно просто ни к чему. С этим типом я не собираюсь иметь ничего общего.

– А если этот тип вдруг появится перед вами собственной персоной?

– Я посоветую ему явиться в полицию с повинной. Только так он может спасти свою хитроумную голову.

– Но вы обещали дать мне некую наводку, – заметил Пережегин.

– Не нравится мне это слово – «наводка», – вздохнула Дина. – Так и веет от него махровой уголовщиной. Знаете, я лучше расскажу вам странную историю, связанную с этими самыми «Маками». Но прежде сообщу один любопытный факт, просто для сведения. Недавно создан так называемый «раздевающий» сканер, который видит даже там, где бессильны рентген и инфракрасное излучение. Раздевающий сканер легко определяет, есть ли, допустим, у картины «второе дно». Вопрос в том, когда этот прибор появится в наших краях. Думаю, что еще не скоро. А теперь к делу. Так вот, «Маки», если вы не в курсе, похитили из хорошо охраняемого музея в одной арабской стране, более двух лет назад. То есть примерно за два-три месяца до гибели Омельева. Об этом дерзком похищении писала в тот период вся мировая пресса. Однако через месяц-другой волна публикаций пошла на спад, а вскоре и вовсе прекратилась.

Выйти на след грабителей по горячим следам полиции не удалось, и это означало, что в краже, скорее всего, замешаны профессионалы. Так или иначе, в антикварном сообществе возобладало убеждение, что «Маки» были похищены по заказу. Очевидно, к такому же мнению пришли и в Интерполе. В течение последующих полутора лет в мировых СМИ, в том числе и в российских, не появилось ни одной заметки о судьбе несчастных «Маков». Картина как бы выпала из культурного оборота навсегда, и общественность смирилась с этим печальным фактом. Как вдруг в декабре прошлого года в нашем питерском журнальчике «Тайны веков», рассчитанном на пассажиров электричек и скукающих домохозяек, появилась незамысловатая статейка «Утраченные «Маки» за подписью некой Екатерины Радзивилл. Это был довольно подробный рассказ об истории создания картины, о злосчастной судьбе ее автора, о неоднократных попытках ее похищения и прочем в таком же роде. Словом, компиляция широко известных фактов, которые легко надергать из Интернета в течение часа. Ничего нового. Никаких свежих догадок либо оригинальных версий. Обыкновенная

дамская жвачка. Заметьте, отсутствовал малейший информационный повод к подаче этого материала. Но статейка все-таки высочила. Картина «Маки» подана там во всей своей красе на четвертой странице обложки. Вас это не удивляет?

– Мало ли о чем пишут журналисты.

– А если это была заказная статья, пристроенная в журнал через госпожу Радзивилл? Человек, у которого находились «Маки», сигнализировал таким способом богатым коллекционерам о том, что полотно все еще доступно для продажи. Он рассчитывал, что кто-то из них, возможно, позвонит в редакцию, оставит контактные телефоны. Но выстрел получился холостой, и мне понятно, почему. «Тайны веков» – типичная желтая пресса, которую серьезные коллекционеры не читают. Кстати говоря, в том же декабре журнальчик благополучно скончался. И вот, спустя полгода, продавец-дилетант посылает сигнал моему кооперативу, упаковав в тубус «Банковский мостик», неизвестно где раздобытый им. То есть покупателя он все еще не нашел. И, как мне представляется, уже не найдет.

– У этой журналистки довольно редкое имя – Екатерина Радзивилл... – проговорил Пережегин, думая о чем-то своем.

– Вообще-то, так звали известную авантюристку второй половины девятнадцатого – начала двадцатого века, – сказала Дина. – Длительное время она жила в Питере, была любовницей начальника императорской охраны генерала Черевина, затем уехала в Лондон, пыталась охмурить основателя алмазной империи «Де Бирс» Родса, а когда это не получилось, подделала его подпись на векселях, за что отсидела четыре года. Еще раньше она имела отношение к подделке произведений искусства. А кроме того, бойко владела пером. Яркая была личность.

– Неужто наша журналистка – ее родственница?

Дина впервые за это утро рассмеялась от души:

– Скорее всего, это псевдоним.

Пережегин почесал затылок:

– Значит, говорите, журнал помер, а автор писала под псевдонимом. Где же ее искать? Похоже, сейчас это единственная зацепка. Ну, Дина, дайте еще одну подсказку, она же у вас есть, я чувствую. Не заставляйте меня тратить время попусту.

– В наши дни многие издания помещают рядом с текстом статьи фото автора. Если мне не изменяет память, в «Тайнах веков» тоже существовала такая практика.

– Не сомневаюсь, что эту статью вы, Дина, внесли в вашу электронную базу данных. Наверняка эта база функционирует в режиме, позволяющем вам войти в нее в любую минуту посредством вашего сотового телефона.

– Так и быть, господин «народный эксперт», окажу вам еще одну услугу.

Ее пальчики забегали по клавишам «навороченного» мобильного.

– Да, я не ошиблась, – сказала она через некоторое время. – Вот фотоснимок Екатерины Радзивилл, помещенный в начале статьи. Любуйтесь.

Пережегин с минуту изучал изображение на дисплее.

– Нет, – покачал он головой, – эта женщина мне незнакома.

– В таком случае, ничем больше помочь не могу.

– Вы уже помогли мне расставить некоторые акценты, и я искренне вам благодарен, – Пережегин поднялся. – А за сим разрешите откланяться. Отправляюсь на поиски «Банковского мостика». Хотите верьте, хотите нет, но я найду этот холст.

– Желаю удачи, – кивнула она. – Если охота окажется результативной, дайте мне знать через Вадима Эдуардовича.

– Кстати, вы позвонили бы старику. Он страшно нервничает, опасаясь выговора от вас. Надо бы его успокоить.

– Это я улажу.

Он церемонно поклонился и направился к выходу.

«ГОРДИЕВ УЗЕЛ»

Оказавшись на улице, Пережегин долго смотрел на движение транспорта вокруг стелы.

«Итак, «Банковский мостик» чист, другого изображения под картиной нет, – бормотал он, пытаясь выстроить в систему хоровод своих мыслей. – Химик мне не соврал, готов держать пари. А, с другой стороны, где же и быть «Макам», как не под «Банковским мостиком»? Несовместимое противоречие. Однако же на эту загадку существует ясный и простой ответ. Похоже, этот ответ знает Екатерина Радзивилл. Но так просто она не скажет. Ей нужно предъявить улики. Неоспоримые. Например, «Маки». Но у меня нет не только «Маков», но и «Банковского мостика», написанного, судя по всему, на чистом холсте. Снова

тот же замкнутый круг. Гордиев узел, так-то... Ладно, подержим за этот узелок с другого конца. Где, к примеру, ночной грабитель мог бы спрятать похищенный холст? Да где угодно. В тысяче мест».

В этот миг перед внутренним взором «народного эксперта» промелькнула табличка, которую он видел незадолго до того, как покинул здание вокзала. «Не факт, – покачал он головой. – Все не факт. Но проверить надо».

Он снова вернулся под вокзальные своды и, найдя лестницу, над которой висел указатель «Автоматические камеры хранения», сбегал по ступенькам вниз. Ввиду недавнего отправления утренних поездов, дверцы многих, если не сказать большинства, ячеек были открыты. Скопления пассажиров не наблюдалось. Охранник мирно дремал на своем стуле в углу.

Пережегин повесил свою кожаную сумку на плечо и двинулся по проходу. Его глаза были полузакрыты, что означало высшую степень сосредоточенности. Слегка раздвинув руки, он обводил ладонями закрытые ячейки.

– Нет, – бормотал тихо про себя. – Здесь нет. И здесь нет. И здесь тоже.

Дойдя до конца прохода, он перешел во второй ряд, где продолжил свои манипуляции, увы, тоже не давшие результата. И лишь в третьем ряду, наиболее удаленном от входа, что-то заставило эксперта замереть на месте. Приблизившись к одной из верхних ячеек, он поднес к закрытой дверце распрямленную ладонь правой руки, не касаясь, однако, серебристой поверхности.

Какое-то время стоял неподвижно, словно впитывая в себя поток информации, поступавшей изнутри камеры. Вид у него при этом был удивленный.

– Так вот в чем загадка, – прошептал чуть слышно. – А ведь ответ, действительно, самый простой. И как мне это самому не пришло в голову. Я же всегда знал, что чем хитрее загадка, тем проще будет ответ. Ай, да госпожа Радзивилл! Ловко закручено. Однако же надо позвонить заказчице...

Поднявшись наверх и пройдя в справочный зал, Пережегин нашел тихий уголок и достал мобильник.

– Ирина Сергеевна? Могу наконец-то вас обрадовать. Я выполнил ваш заказ, нашел полотно, похищенное из вашей квартиры.

– Ой, правда?! Оно у вас?
– Оно рядом со мной, – уклончиво ответил Пережегин.
– Значит, теперь мужа отпустят?
– Отпустят. Однако нужно обговорить некоторые детали.
– Да, я понимаю. Ваше вознаграждение...
– Речь идет о том, – перебил он ее, – что холст следует передать полиции через посредника. Дабы избежать ненужных объяснений. Вы не могли бы приехать на Московский вокзал прямо сейчас? Я буду ждать в кофейне, в главном зале.

МАГИЯ ЦИФР

Дина уже ушла, и Перёжегин расположился за тем же столиком, за которым они так мило побеседовали о тонкостях бизнеса на изобразительном искусстве. Заказал две чашки кофе, попросив девушку принести их, когда подойдет его знакомая.

Виноградова не заставила себя долго ждать.

Буквально ворвавшись в кофейню, она огляделась, стремительной походкой подошла к столику, где сидел Пережегин, и расположилась напротив «народного эксперта».

– Умоляю, рассказывайте быстрее! Я просто сгораю от нетерпения.

Он сделал знак буфетчице, затем повернулся к Виноградовой:

– Знаете, Ирина Сергеевна, поначалу я испытывал сомнения. Добиваться ли мне прежде встречи с вами, чтобы утешить вас приятной новостью, либо же мчаться на поиски некой журналистки по имени Екатерина Радзивилл, дабы внести в эту историю окончательную ясность? Но крепко поразмыслив, я сказал себе: ба, да в чем дилемма-то? Ведь Ирина Сергеевна, моя заказчица, и неведомая мне Екатерина Радзивилл – одно и то же лицо.

– Ваш кофе, – девушка поставила перед ними дымящийся ароматный напиток.

Виноградова глотнула воздуха, щеки ее порозовели.

– Дорогой Петр Мефодьевич... Наверное, я должна была сказать сразу. Ну, чтобы с моей стороны не оставалось никаких недомолвок. Понимаете, у библиотекаря довольно скромная зарплата. А я владею пером, вдобавок имею доступ к огромному массиву специальной информации, всегда могу про-

консультироваться с мужем-искусствоведом. Вот я и начала писать статьи о знаменитых картинах, о великих художниках, об их любовных романах, обо всем том, на что падок современный читатель массовой литературы. Нашелся журнал, который охотно печатал мои творения, даже платил гонорары. Не очень высокие, правда, но все равно это был определенный приварок к моим мизерным доходам. Статьи я подписывала псевдонимом, потому что некоторые из моих коллег читали этот журнал, а мне не хотелось лишних вопросов. Кстати, псевдоним мне придумали в редакции, и я с ним согласилась. Впрочем, стыдиться мне нечего. Мои статьи – не халтура и не плагиат, я готовила их весьма тщательно, на основе разнообразных источников. А вообще-то я не вполне понимаю, какое отношение мои журналистские опыты имеют к похищению «Банковского мостика»?

Пережегин выдержал паузу, как бы подбирая наиболее веские аргументы, затем энергичным жестом выдернул из стаканчика салфетку, расправил ее перед собой и написал на ней ряд цифр. Салфетку он придвинул по столу к Виноградовой. Молча.

Заказчица надолго погрузилась в созерцание изображенного числа.

Наконец подняла на собеседника глаза:

– Боже! Вы действительно нашли его.

– Снова лукавите, Ирина Сергеевна, – мягко пожурил он женщину. – Не его, а их. Да, я нашел оба холста. Я ведь предупреждал вас, что всегда нахожу пропажу. А вы посчитали, что я набиваю себе цену, так?

– Все равно не могу поверить... – прошептала она.

Пережегин постучал полусогнутым пальцем по столу:

– Ирина Сергеевна, послушайте меня внимательно. Есть два варианта финала. Первый: я немедленно, прямо при вас, звоню даже не антикварному спецназу, а прямо в полицию. Самое большее через двадцать минут сыщики будут здесь. Вас посадят в автомобиль с решетками на окошках и с вооруженной охраной. Время потечет для вас в ином измерении, и я уже не смогу вам помочь ни в малейшей степени. Напротив, как законопослушный свидетель, вынужден буду дать показания, которые лишь усугубят вашу вину. Второй вариант: прямо сейчас, не отрываясь вот от этого столика, вы рассказываете мне все

без утайки. Предупреждаю: при малейших признаках фальши я прекращаю нашу беседу и звоню в полицию. Но если ваш рассказ будет искренним и откровенным, то я, быть может, найду способ выйти из положения малой кровью. Выбор за вами.

– Дайте мне время подумать, – попросила она.

– Думайте, только недолго.

Сделав пару глотков кофе, она заговорила:

– Чего уж тут думать! Я выбираю второй вариант.

– Вот и хорошо. Считайте, что вы на исповеди у священника. А истинный священник не предаст.

Она отпила еще глоток.

– Если это исповедь, то не торопите меня. Как сумею, так и расскажу, пусть даже в чем-то повторюсь.

ПЛАН ЖИВОПИСЦА

– Так вот... Мой муж, с его импозантной внешностью и талантом витиевато рассуждать на абстрактные темы, в душе всего лишь взрослый ребенок, большой, доверчивый и наивный. Свою коммунальную тетушку он регулярно навещал еще с той поры, когда мы не были даже знакомы. Продолжались эти визиты и после нашего брака. Первое время я тоже ходила с ним в гости к Елене Дмитриевне. Но очень скоро посещения коммуналки начали тяготить меня, и я под разными предлогами начала отказываться от них. Тем более что всякий раз муж попутно заглядывал к другому обитателю этой бесподобной квартиры – художнику Омельеву, чья склонность к алкоголю была очевидной. Но Алексей утверждал, что ему интересно наблюдать вблизи представителя такого явления, как уличная живопись. Что ж, я не стала отговаривать его и только попросила никогда не выпивать вместе с Омельевым, даже понемногу. Алексей дал слово. Впрочем, он у меня вовсе даже не поклонник зеленого змия.

Обычно муж пересказывал мне содержание их разговоров, и я сделала вывод, что Алексей для Омельева – авторитет из мира искусства, корифей по части истории живописи.

Муж признался также, что сообщил Омельеву о моих журналистских занятиях, сильно приукрасив при этом их значимость. Дескать, мои статьи публикуются в периодических изданиях обеих столиц, а лучшие из них, дублируются, мол, в Интернете.

Конечно, все это было большой натяжкой. Я печаталась под псевдонимом Екатерина Радзивилл только в одном тоненьком журнале, изредка находя перепечатки своих статей в Интернете. Но надо знать моего мужа. Он любит пускать слушателя пыль в глаза. Мое скромное творчество он преподнес господину художнику в таком виде, что тот, полагая, посчитал меня неким асом журналистики, с широкими связями среди антикваров, коллекционеров и владельцев галерей. Только этим я могу объяснить ход последующих событий.

А случилось вот что.

Примерно за три недели до своей гибели Омельев позвонил мне по городскому телефону в библиотеку. Я, конечно, ему этот номер не давала. Вероятно, адрес библиотеки он узнал от мужа, а телефонный номер нашел в «Желтых страницах». Так или иначе, Омельев позвонил, сказав, что имеет ко мне важный приватный разговор, причем весьма срочный. Упреждая мои возражения, он добавил, что много времени у меня не отнимет. Рядом с библиотекой проходил бульвар, вдоль которого расставлены многочисленные скамеечки. Он сказал, что будет ждать меня на одной из них в мой обеденный перерыв. Он, дескать, решил открыть мне тайну, которая наверняка заинтересует меня.

Я подумала немного и согласилась. До сих пор проклиная себя за это.

Виноградова перевела дух, отпила глоток кофе, взглянула на часы, затем продолжила свою исповедь:

– Далее я постараюсь быть лаконичней. Никаких подробностей, только суть. Итак, Омельев начал с того, что у него есть давняя мечта. Он хотел бы поселиться в какой-нибудь цивилизованной стране, имея при этом достаточно средств, чтобы, не отвлекаясь на презренный быт, посвятить свою жизнь творчеству. Хорошо бы уехать на край земли, например, в Австралию, купить там небольшое бунгало где-нибудь в окрестностях одного из крупных городов и целиком переключиться на живопись. Рисовать не для заработка, а на основе собственного видения мира. По его расчетам, на все про все требуется от полутора до двух миллионов долларов.

Виноградова усмехнулась:

– Я слушала его с возрастающим раздражением и уже пыривалась просто встать и уйти. Мало ли кто о чем мечтает. У

меня, может, тоже есть мечта. Но я же не кричу о ней на каждом перекрестке. И уж тем более не стану рассказывать о ней «по секрету» человеку, с которым едва знакома.

Но буквально тут же Омельев резко повернул разговор, заставив меня забыть обо всем на свете. Он сказал, что у него давно уже созрел план, как раздобыть необходимые средства. В скором времени ему должны принести для закраски картину известного французского импрессиониста, похищенную некоторое время назад из некоего зарубежного музея. За этот холст можно получить пять миллионов зелени. В действительности он стоит намного дороже, но пять миллионов – та разумная цена, на которую найдется покупатель, не задающий лишних вопросов. Если я соглашусь помочь ему, заключил Омельев, то он отдаст мне ровно половину. Половину от пяти миллионов долларов.

«Вы предлагаете ужасную вещь! – возмутилась я. – Стать вашей соучастницей в краже произведения искусства!»

«Да нет же, – парировал он, – картина давно украдена, и конечно же, не мной. Мне принесут ее всего на несколько дней для того, чтобы я закрасил холст традиционным питерским пейзажем. Затем полотно заберут и переправят куда-то дальше для последующей продажи. Может, в Китай. Или в Японию. Или в Сингапур. Не знаю. Богатые коллекционеры есть везде. Признаюсь, я уже участвовал несколько раз в подобных акциях. Но мне надоело быть бессловесным исполнителем, получать жалкие гроши за немалый риск. Теперь я сам хочу их обмануть. План такой. Накануне я передам уже покрашенную картину вашему мужу, как бы в качестве подарка. Он примет все за чистую монету. Принесет картину домой и повесит на стену. Он так и будет думать, что это «Банковский мостик», и только вы одна будете знать, что в действительности это «Маки». Через день-другой я устрою спектакль под названием «Безумство живописца» и сожгу в костре все свои картины, после чего симитирую самоубийство. Все будет обставлено очень естественно. Мой заказчик поверит, что я покончил с собой, впад в депрессию, а перед этим сжег все свои работы, в том числе и картину, выкраденную из музея. Через некоторое время все успокоится. Вам вообще ничего не надо делать. Просто будете хранильницей малоценной картины под названием «Банковский мостик». Я же лягу на год-другой в глухой деревушке, затем уеду в Китай

через Дальний Восток, воспользовавшись чужим паспортом и изменив свою внешность при помощи грима. В Китае я сам найду покупателя; думаете, зря я общался с китайскими туристами? Покупатель пошлет к вам гонца, который передаст вам вашу долю – таким будет условие продажи. Впрочем, вы и сами, с вашими связями, можете поискать покупателя здесь. Только осторожно. Если найдете, то ваша доля возрастет до трех миллионов, а я удовлетворюсь двумя. Как видите, я с вами предельно честен».

Далее он признался, что еще недавно у него был другой план, с которым он обратился к некоей Дине, родственнице коммунального пенсионера-химика Вадима Эдуардовича. Химик однажды проболтался ему по пьянке, что его племянница Дина лихо обтяпывает выгодные делишки на ниве антиквариата. Поэтому он, Омельев, поначалу сделал ставку на нее. Но Дина оказалась слишком пугливой. Принялась отговаривать его, не понимая, что тот, кто не рискует, не пьет шампанского.

«Ну, вот, – завершил Омельев свои откровения, – теперь вы знаете все. Если хотите подумать, пожалуйста, в вашем распоряжении неделя. Если ваш ответ уже готов, я его приму, каким бы он ни был. В любом случае утечки информации я не опасаюсь. Вы сильная женщина и умеете хранить тайну, я сразу понял это. Думаю, с мужем вам советоваться не надо, ведь истинный глава семьи – это тоже вы».

«Мой ответ – нет! – решительно воскликнула я. – Не понимаю, как у вас хватило наглости делать мне, порядочной женщине, подобное предложение».

Но что-то мешало мне подняться и уйти с гордо вскинутой головой.

В полной тишине прошла томительная минута.

Затем я добавила:

«Если я не позвоню вам в течение недели, то, считайте, никакого разговора между нами не было».

КАК РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ

Она снова сделала глоток и продолжила свою исповедь:

– Могу признаться, что в глубине души, интуитивно, я сразу приняла предложение Омельева. Но мне не хотелось подавать виду, что это так. Я чувствовала, что у моего собеседника нет

альтернативных вариантов и он рассчитывает только на меня, так почему бы не выдвинуть ряд встречных условий? Нет-нет, я не ставила целью набить себе цену либо вытребовать более весомую долю, хотя он, определенно, согласился бы на все. Среди людей моего круга, Петр Мефодьевич, многие мечтают о том, чтобы внезапно разбогатеть, обрести материальную независимость. Вот и я такая же. Мне не нужно ничего экстравагантного. Просто хочу жить в цивилизованной европейской стране, в тишине и покое, не слышать рядом с собой площадной брани, не видеть вокруг невежественных, грубых, плохо воспитанных людей. Мои потребности не простираются дальше желания иметь свой уютный домик, хороший автомобиль, возможности посещать тихое кафе, где подают вкусные пирожные. Ну и, конечно, чтобы рядом был муж. Разве в этих мечтах есть что-либо предосудительное либо низменное? Я всего лишь хочу покоя, достатка и уверенности в будущем. Скажите, разве вам не приходили в голову такие же мысли?

– Я не из вашего круга, – отрезал Пережегин.

– Извините. Тем не менее, надеюсь, вы меня понимаете. Как понимаете и то обстоятельство, что мечты подобного рода у большинства их носителей обычно сгорают внутри без остатка, не находя практического выхода. И вдруг мне, самой обыкновенной, ничем не примечательной, не отмеченной никакими талантами женщине, выпал шанс. Счастливый билет, для получения выигрыша по которому не требовалось почти никаких усилий. Единственное, что меня беспокоило, – это неустойчивая психика Омельева. Я настояла на том, чтобы он раскрыл передо мной все свои карты.

Он не возражал, но поначалу заговорил о другом.

«Своему мужу вы, конечно, ничего не скажете. Сами понимаете, его начнут терзать муки совести, которые заведут вашу семейную жизнь неизвестно куда. Однако же вот такая закладка. Когда придет время передавать картину, вам придется изъять холст из рамы. Во избежание недоуменных вопросов со стороны Алексея я написал два полотна. Они абсолютно идентичны. На обоих есть бросающийся в глаза дефект – не до конца прописанное крыло одного из грифонов. Это как бы отличительная метка автора, отвлекающая на себя внимание. В нужный час, оставшись дома одна, вы спокойно замените настоящий холст на его копию. Муж ни о чем не догадается.

Что же касается внезапно свалившегося на вас богатства, то придумаете для мужа какую-нибудь историю, уж недостатком воображения вы не страдаете, я успел это заметить».

«Благодарю за дельные советы, – холодно ответила я. – Копия, конечно, вещь полезная. Однако мои взаимоотношения с мужем я как-нибудь урегулирую сама. И вообще, определенно-го ответа я вам пока не дала. Но задала конкретный вопрос».

– Поздно же я догадался, что в этой истории циркулируют две одинаковые картины, обе написанные рукой Омельева, – тихо пробормотал Пережегин. – Вот уж действительно: век учись.

– Вы что-то сказали? – вскинула на него глаза Виноградова.

– Нет, ничего особенного, продолжайте.

– Так вот. Омельев объяснил, как он собирается имитировать суицид. После сожжения картин он планировал вернуться в коммуналку и устроить там громкий скандал с соседями, играя роль человека искусства, впавшего в безумие. Затем, надев на себя куртку и рюкзак с нанесенными заранее вызывающими надписями, он рассчитывал выйти дворами к Невскому, к своей цели – середине Аничкова моста, совершив попутно еще парочку эпатажных выходок. Далее, в присутствии многочисленных прохожих, не снимая рюкзака, он намеревался неожиданно для всех броситься в Фонтанку головой вниз. Омельев говорил, что отлично плавает и ныряет, и что промерил глубины под мостом, выбрав оптимальное место для прыжка. Под водой он сбросил бы с себя куртку и рюкзак, достал бы из рюкзака акваланг и проплыл бы на глубине до деревянного пешеходного моста напротив Сенного рынка, откуда до Витебского вокзала рукой подать.

Вода в Фонтанке, конечно, невероятно грязная, говорил он, но бомжи в ней купаются, и ничего, вот и он как-нибудь перетерпел бы. В то время мост как раз закрыли для ремонта, но работы еще не начинались. Между стропилами, покрывающим моста, он собирался спрятать сверток с сухой одеждой и полотенцем. Там якобы имелась ниша, куда не мог проникнуть ничей любопытный либо случайный взгляд. Переодевшись в униформу ремонтника, Омельев выбрался бы наверх и уже через десять минут оказался бы на Витебском вокзале, в камере хранения которого его ждала сумка с обычной одеждой. В

платном туалете он переоделся бы еще раз, после чего доехал бы на электричке до первой загородной остановки, где пересел бы на какого-нибудь «извозчика».

Так, путая след, он рассчитывал к ночи добраться до заветной деревеньки, где обитала некая надежная старушка, не связанная с ним родственными отношениями. Рассказал он мне и о прочих пунктах своего плана, но я не буду отнимать у вас время, Петр Мефодьевич, ибо все пошло наперекосяк после того, как, прыгнув с моста, он стал жертвой прогулочного катера. Боюсь, что его подвела излишняя нервозность. Его подняли вверх довольно быстро, он был еще жив, но скончался по дороге в больницу. Городские газеты откликнулись на это происшествие короткими репортажами. Но я сама была свидетельницей этого акта, наблюдала все от первой до последней секунды, находясь на набережной Фонтанки. Это было ужасно, и мои бедные поджилки тряслись от страха еще долго. Поэтому я не сразу осознала ситуацию: Олег погиб, картина у меня, об этом не ведает ни одна живая душа. Я – одиноличная обладательница сокровища, и мне остается лишь реализовать этот привлекательный для коллекционеров товар.

Она грустно усмехнулась:

– Ну а далее начались мои мытарства в попытках найти покупателя. Казалось, проблема не так уж сложна. Пользуясь своим удостоверением внештатного корреспондента журнала, я стала чаще бывать на выставках, вернисажах, всевозможных мероприятиях, проводимых художниками, обзванивала известных антикваров и коллекционеров, набиваясь на интервью, но к цели не приблизилась ни на йоту. Иной раз казалось, что вот с этим-то антикваром можно договориться, но следом на меня обрушивались сомнения, даже страхи: а вдруг он вызовет охрану или полицию? Я так и не нашла подхода к этим загадочным людям, хотя кто-то из них наверняка проворачивал темные делишки.

– История известная: дилетанту проще завладеть шедевром, чем сбыть его с рук, пусть даже за десятую часть цены, – заметил Пережегин, припоминая недавнюю беседу с Диной.

– Увы, это так. В справедливости этой прописной истины я убедилась в полной степени. Совсем уж отчаявшись, я опубликовала статью «Похищенные «Маки», рассчитывая, что она будет правильно истолкована кем-либо из коллекционеров, но

в редакцию никто так и не обратился. Картина почти два года провисела в нашей семейной спальне. В любую секунду я могла потрогать руками свою мечту, но воплотить ее в денежный эквивалент было выше моих сил. Наконец, я решилась пойти на поклон к той самой Дине Цыгановой, о которой мне рассказывал Олег. По моим сведениям, собранным с максимальной осторожностью, за ней числились странные истории в сфере коллекционных произведений искусства. Я уже убедила себя, что эта дама примет мое предложение, но откладывала свой визит со дня на день.

Как вдруг в один из этих дней мне позвонил муж, сообщив, со ссылкой на Елену Дмитриевну, о событиях в коммуналке. Сыщики расспрашивали жильцов о последних днях Омельева, о его связях, о том, не сохранились ли какие-либо из его картин. Муж спрашивал меня, не должны ли мы сами позвонить в полицию и сообщить, что одна из работ Омельева находится у нас? Что я могла ответить? Конечно же, я согласилась, но предложила встретиться дома и спокойно все обсудить. А в голове у меня стучали молоточки: тайна не похоронена окончательно, уже сегодня наш «Банковский мостик» перекоцует в полицию, и – прощай, моя хрустальная мечта. Мне вдруг стало жаль до боли выпускать из своих рук холст, с которым я уже успела сродниться.

– Ну а какая проблема? – пожал плечами Пережегин. – Вам нужно было всего лишь произвести подмену. Повесить копию, а замаскированный музейный холст снять и спрятать где-нибудь на нейтральной территории. Да хотя бы в той же камере хранения. Не пойму, зачем понадобилось разыгрывать весь этот сложный спектакль.

– Дело в том, что копию я хранила не дома, где ее мог бы случайно обнаружить муж, и тогда последовали бы недоуменные вопросы, а как раз на «нейтральной территории». В своей библиотеке, в шкафу со старыми методическими пособиями, куда никто никогда не заглядывал. Как нарочно, в тот день в библиотеке был выходной. С утра я пошла по магазинам. В этом походе меня и застал звонок мужа. Нет, совершить подмену я никак не успевала физически. Скорее всего, муж застал бы меня за этим занятием. Не исключено, что и полиция подроспела бы, и тогда у меня возникли бы очень большие неприятности. Но после первого приступа отчаяния в моей голове сам собой

сложился план спасения картины. Может, он был не слишком хорош, но я немедленно взялась за его реализацию.

– Словом, вы решили имитировать ограбление?

– Да, – кивнула она. – Благо я находилась рядом с домом. Мне удалось проскользнуть по двору и по лестнице незамеченной соседями. Я сняла картину со стены, освободила холст от рамы. Затем свернула холст и уложила его в сумку. Раму бросила вниз, под лестницей, перед входом в подвал. Если найдут – не беда. Но где же спрятать холст? И тут я вспомнила, что Омельев использовал для хранения одежды камеру хранения на Витебском вокзале. Но Витебский вокзал слишком мал, там в обычное время каждый пассажир на виду у дежурного и полиции. Ладожский слишком далеко. Я вышла на улицу, остановила такси и поехала на Московский вокзал. Поместила холст в ту самую ячейку, о которой вам почему-то стало известно, хотя никаких цифр я не записывала, просто запомнила их. Затем я вернулась домой, застав удивленного мужа перед голым пятном на стене. Сам того не ведая, Алексей обеспечил мне алиби. Буквально следом подъехали полицейские, которые осмотрели квартиру, опросили нас с мужем, а также соседей, после чего мужа увели с собой, а с меня взяли подписку о невыезде.

– Фактически это только начало нашей истории, верно?

– Да, – вздохнула она.

– Что произошло дальше?

– Сейчас расскажу...

ТРЕТЬЯ СИЛА

— Когда мужа увели, меня охватило какое-то беспросветное отчаяние. Что я натворила! Ведь теперь полицейские решат, что именно Алексей был в сговоре с Омельевым и что он, мой муж, успел перепрятать картину. Да еще эта его поездка в Испанию... Я уже собиралась бежать за ними и признаться во всем. Но вдруг паника в моей душе улеглась, и я увидела, как мне распутать этот клубок. «У тебя в руках волшебный джокер, – сказала я себе. – Копия пейзажа. Копия, про которую, уж точно, не знает никто. Значит, нужно устроить так, чтобы полиция нашла именно копию. Тогда они решат, что двигались в неверном направлении, и сразу же освободят Алексея. А «Маки» останутся у меня. Ничего еще не потеряно. Я все равно

найду покупателя. Пускай даже через десять лет. А сейчас надо довести спектакль до конца, нигде не сфальшивив».

– Теперь я понимаю, почему вы обратились ко мне, – кивнул Пережегин. – Вам нужен был частный сыщик, которого вы ловко вывели бы на копию. И вы сумели убедить меня взяться за это дело.

– Каюсь, – она молитвенно сложила руки на груди. – Я вошла в Интернет и после непродолжительных поисков обратила внимание на объявление, рекламировавшее услуги фирмы «Бюро находок», возглавляемое «народным экспертом» П.М. Пережегиным. Тут же я вспомнила, что не так давно читала в какой-то газете репортаж о том, как бюро господина Пережегина помогло полиции найти похищенную из музея картину. И я сказала себе, что именно этот человек мне и нужен. Он найдет копию и сам же передаст ее в полицию, не называя моего имени. Одним выстрелом я убью двух зайцев: добьюсь освобождения Алексея и сохраню в своем распоряжении «золотое яичко».

– Слышали поговорку: гладко было на бумаге...

– Слышала. Но все же признайтесь, вы не подозревали меня вплоть до последнего дня.

– Знаете, Ирина Сергеевна, я привык доверять своим клиентам. И стараюсь не отступать от этого принципа до крайнего предела. Иногда это оборачивается для меня большим разочарованием. Да, какое-то время иному ловкачу удавалось водить меня за нос, но в итоге он же и оставался у разбитого корыта. Вот так обстоят дела с моей «легковерностью».

– Извините, – порозовела она, – я не хотела задевать вашего самолюбия, тем более что вы, судя по всему, переиграли меня, каким-то образом расшифровав мою тайну.

– Давайте прекратим бесплодный обмен любезностями, – поморщился Пережегин, – и вернемся к нашим баранам. Теперь вопросы буду задавать я, а вы мне просто отвечайте. Полагаю, никакой душевной беседы с бомжами в вашем дворе у вас не было? Как не было и самих бомжей. Вы просто нарисовали два портрета – Дины и Гены-Ключника. Ну, с Диной ясно – вы видели ее на выставках. Но из какого источника вы узнали о внешности Ключника?

– Омельев, рассказывая мне о неудачной попытке договориться с Диной, продемонстрировал два кадра, которые пере-

снял на свой мобильник в комнате Усикова с двух фотографий, висевших на стене. На одной была запечатлена сама Дина, на второй красовался этот самый тип, рецидивист Ключник. А память у меня хорошая, особенно визуальная.

– Зачем Омельев проникал в комнату Усикова?

– «Проникал» – не то слово, они просто вместе там выпивали. Захмелевший Усиков сам указал ему на фотографию племянницы: «Вот она, наша Дина, наша умница, наша красавица». Язык у него развязался, и он намеками поведал о неких смелых авантюрах, которые проворачивает красавица, а также о Ключнике, о его былой славе удачливого потрошителя чужих квартир и сейфов. Улучив момент, Омельев переснял на свой мобильник фотографии двух столь примечательных персон, только и всего.

– Теперь понятно, какими путями у вас на записке оказалась эта «сладкая парочка» – Дина, с ее репутацией непойманной авантюристки, и Гена-Ключник – правая рука своей племянницы, профессиональный вор, хорошо известный полиции. Строя планы «как убить двух зайцев одним выстрелом», вы решили натравить на них меня, а им подсунуть копию, якобы выкраденную ими же из вашей квартиры. Что и говорить, сценарий превосходный. Притом, что вы могли вносить в него коррективы, пользуясь тем, что я посвящал вас, как свою клиентку, в подробности моих поисков и догадок. И все же вы не справились бы в одиночку. У вас была сообщница, верно? Это милая тетушка Елена Дмитриевна Яковлева. Именно она шандарахнула профессора, а затем меня электрошокером, так?

– Вы правы, – кусая губы, ответила Виноградова. – Я не поспевала всюду одна. Притом что на каждом этапе надо было заботиться о собственном алиби. Поэтому я обратилась за помощью к тетке Алексея. Конечно, не открывая ей истинной сути дела. Я просто сказала, что Алексея арестовали потому, что против него интригуют завистники, нехорошие люди, на стороне которых тайно действует этот тихоня Усиков. Я, мол, знаю, как спасти Алексея, но для этого надо предпринять некоторые неординарные шаги. Тетушка сразу согласилась. Несмотря на свой вредный характер, она готова жизнь отдать за племянника.

– Полагаю, именно тетушка нашла «посыльного», который вручил Усикову тубус с копией?

– Внук одной ее знакомой по клубу пенсионеров-активистов охотно согласился сыграть эту роль.

– А где наша милая тетушка научилась так уверенно пользоваться электрошокером?

– Еще лет десять назад на нее напали в подворотне какие-то отморозки. Тетушку спасло лишь внезапное появление патрульной машины. Насколько мне известно по рассказам мужа, уже на следующий день она приобрела электрошокер и записалась на какие-то курсы. С той поры она не выходит на улицу без этого оружия.

– Одного не пойму, – сощурился Пережегин. – Зачем вам вообще понадобилось это нападение? Ведь все развивалось в точности по вашему сценарию. Явившись ночью в коммуналку, я «застукал» бы химика за работой, изъясил бы у него полотно, а позднее нашел бы способ в явочном порядке либо анонимно передать его в полицию. Разве вы сами не этого добивались?

– Я и сама поначалу считала, что все идет как по маслу, – вздохнула Виноградова. – Но уже после нашего с вами разговора, в ходе которого вы даже назвали точное время вашего ночного визита в коммуналку, меня снова начали одолевать страхи. Я впервые задумалась о том, а как же будут развиваться события после того, как копия «Банковского мостика» окажется в руках полиции? А что если господа полицейские не удовлетворятся фактом находки «пустой» картины и начнут прослеживать всю цепочку предшествовавших событий? А вдруг у Дины и ее дядюшки Гены-Ключника имеется железное алиби на то время, когда они якобы «похищали» картину из нашей квартиры? Ведь нельзя исключить, что в таком случае под подозрением окажусь я сама. Нет, поняла я, «сдавать» копию еще рано. Прежде нужно ввести в спектакль еще один акт – с некой третьей силой. Интригу нужно закрутить так, чтобы возникала вероятность того, будто холст могли похитить какие-то другие люди, возможно, мафиози, а не Дина с ее «исправившимся» дядюшкой.

– А как же нарисованные вами портреты-фотороботы?

– На это я могла бы ответить, что целиком полржилась на словесное описание, данное неведомыми мне бомжами. Я всего лишь отобразила на бумаге их фантазии, которые приняла

за чистую монету.

– Третья сила, говорите... – крикнул Пережегин и внимательно посмотрел на собеседницу. – А ведь вы тоже провели ночь на ногах, сударыня. Готов держать пари, что бодрствовали в коммуналке, в комнате тетушки.

– Не могла же я оставаться дома в такой ответственный момент, – ответила Виноградова. – Но вот хотите верьте, хотите нет, а только применения электрошокера в этой акции я не предусматривала. Мы с тетушкой договорились, что будем поочередно следить за коридором. В середине ночи, когда Усиков побежит по своим делам в туалет, Елена Дмитриевна быстренько проскользнет в его комнату, возьмет холст и вернется обратно. Вот и все. Просто и изящно. Но в реальности все пошло не так. Во-первых, я понятия не имела, что, отправляясь в «рейд», тетушка возьмет с собой электрошокер. Клянусь. Во-вторых, в комнате химика она пробыла так долго, что я себе уже места не находила. Наконец она вернулась и рассказала о том, что произошло. Холст был закреплен на доске какими-то тугими зажимами, которые ей удавалось откручивать с трудом.

Пока она возилась, за дверью слышались шаги Усикова. Она отступила в темный угол, а когда хозяин вошел, ткнула в него электрошокером. Убедившись, что Усиков дышит, усадила его на стул, прикрутила руки-ноги скотчем, скотчем же заклеила ему рот, а глаза завязала черным шарфом. Мы так вообще не договаривались, но, поймите, Елена Дмитриевна – дама инициативная, и она решила, что для имитации ограбления так будет вернее. Затем справилась с зажимами и свернула холст. Уже собиралась выходить из комнаты, но тут за дверью снова слышались шаги. Дальнейшее вам известно, – Виноградова наклонилась к нему через стол: – Петр Мефодьевич, умоляю, не нужно наказывать Елену Дмитриевну. Она сделала это исключительно из любви к племяннику, твердо веря, что он стал жертвой интриг.

– Не будем о тетушке. Я не злопамятен, пусть живет. Что же касается копии, то, полагаю, через несколько дней я должен был найти ее в одной из ячеек камеры хранения после анонимного телефонного звонка, устроенного опять же через почтенную Елену Дмитриевну, так?

– Согласитесь, это было бы логично, – кивнула Виноградова. – Исполнитель, якобы похитивший холст из комнаты Усикова, должен был принести его заказчику. Заказчик убедился бы, что перед ним не маскировка, скрывавшая «Маков», а рядовая поделка уличного художника. Но за этой поделкой почему-то гоняются сыщики. Лучше вернуть им эту дешевую живопись, пусть успокоятся. А как вернуть? Ну да, через анонимный звонок тому человеку, которого исполнитель обездвигил в коммуналке. Исполнитель даже прихватил с собой его визитную карточку. «Петр Мефодьевич Пережегин, директор «Бюро находок». Вот ему и позвонить. И все было бы тип-топ...

– Логично и то, что рано поутру вы сбегали в камеру хранения и вложили похищенную Еленой Дмитриевной копию в ту же ячейку, где хранились драгоценные «Маки». Они и сейчас лежат там – оба холста. Ждут не дождутся, когда же их извлекут, наконец, на свет божий.

– Так оно и есть, – кивнула Виноградова. – Одного только не пойму, как вы догадались? Что я сделала не так, где допустила ошибку?

– Вы допустили две крупные ошибки, – ответил Пережегин. – Во-первых, когда согласились с авантюрным планом Омельева, не поразмыслив серьезно о последствиях. Антикварная мафия не любит, когда в игры с ней вступают дилетанты. Узнай эта «третья сила», что «Маки» у вас, задуманный вами спектакль имел бы весьма плачевный финал. Считайте, что в этом отношении вам очень повезло. Вторая ваша ошибка: вы решили, что сумеете обвести вокруг пальца Пережегина, «народного эксперта», который, мол, попросту дурит людям голову. Да, я доверчив, и обмануть меня нетрудно. Но только до определенных пределов. Рано или поздно я распознаю ложь и тогда уже действую безжалостно. Я ведь говорил вам, что у меня особый нюх на вещи. Я чую их природу, ощущаю их индивидуальные особенности, нередко на расстоянии. Такой у меня дар. Я не могу его объяснить, но он живет во мне, став фундаментом моей профессии. Когда вы принесли мне раму с обрывками ниток от зацепившегося за крайний гвоздик полотна, я зафиксировал в своей памяти ауру этого материала, его тончайший, но особенный запах. То полотно, которое привез в Лахту Усиков, не имело ни этой ауры, ни этого запаха. Уже

тогда я сделал вывод, что существуют два схожих «Банковских мостика», правда, еще не догадываясь, что оба изображения принадлежат кисти Омельева. Однако последующая череда событий привела меня к истине. Я понял, что вы не жертва, а игрок. Оставалось лишь найти ваш тайник.

Перед моим внутренним взором почему-то предстал образ небезызвестного гражданина Корейко. А что если и вы решили последовать его примеру? – подумалось мне. У нас в Питере пять вокзалов. Что ж, значит, придется объехать все, сказал я себе. С какого же начать? Конечно, с Московского, притом что я уже находился здесь. Мне нужно было всего лишь пройти по рядам ячеек, полностью сосредоточившись и призвав к действию мою внутреннюю экспертную лабораторию. И тут мне повезло. В первом же подземном зале я уловил слабые признаки запомнившейся ауры и особого запаха старого холста. Я зафиксировал номер ячейки и приблизил к ней обе свои ладони, что усиливало эффект восприятия. Но во встречном потоке излучения ощущалась какая-то примесь. И тогда я понял, что внутри ячейки, помимо закрашенных «Маков», лежит второй экземпляр «Банковского мостика». С этого момента инициатива полностью перешла на мою сторону. Мне оставалось лишь подняться наверх и пригласить вас, Ирина Сергеевна, на экстренную встречу. Благодарю, что вы пришли. Теперь мы сможем, наконец, завершить это дело. Правда, я не знаю шифра ячейки, но, надеюсь, вы мне его назовете. Поверьте, будет хуже, если ячейку откроет администрация по требованию полиции.

– Боже, я погибла, – прошептала она. – Меня посадят, а там, в тюрьме, меня, конечно же, найдет и убьет мафия.

– Погодите стенать... – похлопал по столу ладонью Пережегин.

ПОСЛЕДНИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

«Народный эксперт» достал из своей сумки ручку, взял из стаканчика салфетку и передал их собеседнице:

– Напишите код ячейки.

Виноградова вздохнула:

– Ну, чего уж теперь...

Летящим, округлым почерком она записала несколько цифр.

– Это и есть ключ к пещере сокровищ, – усмехнулся Пережегин, взглянув на код, после чего спрятал салфетку в карман.

– Что касается вашего мужа, то, полагаю, он не задержан, а играет роль наживки, добровольно согласившись помогать полиции, когда его ввели в курс дела. Сам-то он, конечно, не догадывается, что похитителем «Банковского мостика» – «Маков» оказалась его собственная супруга. Другое дело полиция, которая всегда рассматривает все версии. Я не удивился бы, узнав, что ваши телефоны прослушиваются и что кольцо вокруг вас сжимается. Быть может, на свободе вы гуляете последние часы. Поэтому ситуацию надо разруливать немедленно. Времени на раздумья у нас нет.

– Но как же ее разрулить?! Что мне делать?! Подскажите! Я не хочу в тюрьму.

– Да и мне не хотелось бы, чтобы мои клиенты, пусть даже пытавшиеся обмануть меня, попадали бы за решетку, – проговорил Пережегин. – Притом что никто не пострадал, пропажа найдена, а похититель получил наглядный урок, который, полагаю, глубоко им усвоен. Таким образом, можно констатировать, что высшая справедливость восторжествовала.

– Прощай, мечта, – взор Виноградовой затуманился.

– Может, мечта была призрачной? – сощурился Пережегин. – Однако же, довольно лирики, перейдем к делу. Свои вложения в ячейку вы производили в перчатках?

– Нет, а зачем?

– А затем, милая дама, что полиция не просто унесет с собой найденное сокровище, но еще внимательнейшим образом исследует внутреннюю сторону дверцы ячейки. Полицейские эксперты без труда обнаружат ваши «пальчики» не только на обоих холстах, но и на колесике набора кода. И тогда следователю останется всего лишь сложить два и два, и перед ним откроется полная картина похищения. Наличие ваших «пальчиков» на внутренней стороне дверцы – это такая улика, которая перевесит на суде все доводы защиты.

– На суде? – побледнела она. – Значит, будет суд?

– Спокойно. Я же обещал вам, что все закончится мирно. Сейчас я спущусь в камеру хранения и переложу покрашенные «Маки» в другую ячейку. Наберу тот же код. Резиновые перчатки

у меня с собой. Но вот какая закавыка... Копия в этой истории совершенно лишняя. Ее нужно изъять. Однако приносить ее домой вам, конечно, нельзя.

– Петр Мефодьевич, а вы заберите ее себе. Тем более что рама тоже у вас.

– А что? – не стал отнекиваться «народный эксперт». – Чего добру пропадать? Честно говоря, мне уже надоело пялить глаза на голые стены моего бюро. Почему бы не украсить их питерским пейзажем? К тому же будет о чем вспомнить.

– Вы сами позвоните в полицию?

– Это был бы неверный шаг. Он может выдать нас обоих с головой. Нет, я позвоню одному отставному «генералу» и попрошу, чтобы он сам передал ребятам из «антикварного» отдела информацию, поступившую якобы из анонимного источника.

– А что делать мне?

Пережегин задумался ненадолго, затем задал неожиданный вопрос:

– Какое любимое блюдо у вашего мужа?

– Голубцы, – удивленно ответила Виноградова. – Голубцы и фаршированные помидоры с болгарским перцем.

– Ну, вот и займитесь кухней. Порадуйте мужа его любимым блюдом. Голодом его, конечно, не морили, но и деликатесами не баловали. Думаю, к обеду он обязательно окажется дома. Вот что еще. В ближайшие дни вас могут вызвать к следователю. Твердо стойте на том, что полотно, известное вам как «Банковский мостик», похитили какие-то неизвестные, и не вздумайте переводить стрелку на Дину с ее компанией. Помните, что о фотороботах вашего изготовления никто кроме меня не знает. Ну, и еще одного человека, но он никому не скажет.

– Я ваша должница.

– Не переживайте, мои расценки вас не разорят. Все, идите с богом.

– До свидания, Петр Мефодьевич.

– Всего хорошего.

Некоторое время он смотрел ей вслед, затем поднялся и быстрым шагом направился к залу автоматической камеры хранения.

Часть вторая

ЗАТЕРЯВШАЯСЯ РУКОПИСЬ

1

На правах автора я все же должен объяснить, каким образом в моих руках оказались материалы о деятельности «народного эксперта». Замечу, что слова «народный эксперт» взяты мною в кавычки безо всякого скрытого умысла, а лишь по той причине, что сам Пережегин всегда писал их именно в такой форме.

Начать придется издалека. Впрочем, спешу успокоить тех читателей, на которых подобного рода подробности наводят тоску. Вы можете смело пропустить эту главу и сразу перейти к истории под названием «Черный ком», которая, как мне представляется, вполне соответствует энергичному стилю «экшн».

А теперь все же продолжу заявленную тему.

Лет десять назад или около того в группе петербургских литераторов, в которую входил и ваш покорный слуга, возникла идея выпускать журнал остросюжетного направления.

Старшим среди нас по возрасту был С.Р. (назову его так) – известный в городе писатель, мастер детективного жанра, человек высокой культуры, истинный ленинградский интеллигент, увы, ныне покойный.

Мы собирались то в старом писательском доме на Большой Конюшенной улице, то в тогдашней редакции журнала «Нева» на Невском проспекте, где в ту пору нас привечали, и строили смелые планы на будущее. Деловое обсуждение обычно заканчивалось традиционными литературными посиделками в каком-нибудь близрасположенном кафе.

Эти дискуссии вокруг абсолютно бесперспективной затеи продолжались два-три сезона, питаемые сложившейся в нашем узком кружке товарищеской, вполне творческой атмосферой. И даже после обвального краха нашего благого начинания связи не распались, мы продолжали перезваниваться, а порой и встречаться.

Как-то раз я позвонил С.Р., не помню уже, по какому поводу. Завязался обычный разговор, который сам собой перетек на литературные рельсы.

В какой-то момент я посетовал на то, что не могу вспомнить, куда подевал важную для меня рукопись, которая мне понадобилась именно сейчас, поскольку обрисовалась возможность пристроить ее в тематический сборник. Рукопись надо передать в редакцию не позднее послезавтрашнего дня, причем в электронном виде. Один только набор займет несколько часов, а я до сих пор не знаю, где ее искать. Что делать, если у меня большой архив, который я собирал всю жизнь, да еще неискоренимая привычка хранить каждую бумажку.

Я хорошо помню, что поместил ту рукопись в одну из папок, чтобы «поближе взять». А вот сейчас, хоть тресни, не могу вспомнить, в какую именно. Если же перебирать все папки, то на это уйдет добрых три дня. Похоже, придется отказаться от публикации. А жаль.

С.Р. помолчал немного в трубку, затем вдруг посоветовал:

– Попробуй обратиться к Пережегину. Я дам тебе его телефон.

– Кто такой этот Пережегин?

– Удивительный человек. Он называет себя народным экспертом. Может найти в доме любую затерявшуюся вещь за считанные минуты.

– То есть это что-то вроде гипноза или фокуса?

– Нет, все серьезно. Он отыщет твою рукопись. Глазом не успеешь моргнуть.

– Хм! А сколько берет за визит этот народный эксперт? Боюсь, моих скромных гонораров не хватит, чтобы рассчитаться с ним.

– Не беспокойся. Просто сошлись на меня, и платить тебе ничего не придется. Записывай номер...

После нашей беседы я еще какое-то время вышагивал по комнате, размышляя, уж не разыграл ли меня С.Р.? Однако наш мэтр никогда не проявлял склонности к некорректным шуткам.

Вдобавок пробудился мой профессиональный интерес. Неужели существует человек, способный разыскать, да еще в течение нескольких минут, в той бумажной массе, которой забиты все мало-мальски пригодные для этого места в моей квартире конкретную рукопись объемом в десяток страниц?

А если существует, то я очень хотел бы взглянуть на него самого и на то, как он это делает. Собравшись с духом, я набрал на мобильнике номер. Ответ прозвучал уже после третьего гудка.

– Пережегин, слушаю.

– Здравствуйте! – я представился. – Ваш телефон дал мне С.Р. У меня вот такая проблема...

Он выслушал, не перебивая, затем спросил:

– Ваш адрес? Так, записываю... Очень хорошо. Я как раз еду по Московскому проспекту. Через четверть часа буду у вас.

Я перевел дыхание. Ну и дела. Просто небывальщина какая-то. Сказка для взрослых.

2

И в самом деле, минут через 15-20 в дверь позвонил крижистый, плотный, простоватый с виду, но с неугасимой хитринкой в голубых глазках мужчина средних лет, внешность которого, впрочем, уже описана достаточно подробно.

По случаю летней жары на нем была светлая, в полосочку безрукавка навыпуск, сероватые брюки свободного покроя и плетеные коричневые туфли. При госте не имелось ни барсетки, ни портфеля, ни, полагаю, даже блокнота.

Мы обменялись крепким рукопожатием и познакомились еще раз, теперь уже, как говорится, воочию.

Надев приготовленные для него тапочки, Пережегин попросил разрешения помыть руки.

И вот уже мы сидим в моей комнате, которую при известной доле фантазии можно было бы назвать писательским кабинетом. Так или иначе, именно здесь сосредоточилось три четверти моего творческого багажа, наработанного за несколько десятилетий.

Я полагал, что гость попросит меня заново и более подробно изложить все то, о чем я в весьма лаконичной форме успел сообщить ему по мобильнику. Однако он сказал: «Что ж, приступим к делу». Затем беглым и, вместе с тем, цепким взглядом окинул комнату.

Его внимание почему-то привлек журнальный столик, стоявший недалеко от окна. На столике высилась весьма внушительная горка книг, которые я отобрал для просмотра. На нее падали яркие солнечные лучи, и я подумал, что надо бы передвинуть книги в тень.

– Послушайте меня внимательно, уважаемый, – обратился ко мне Пережегин. – В этой стопке, как я вижу, находятся 18

книг. Если я вас попрошу выбрать наиболее нагретый солнцем том, то вы ведь не станете ворошить всю кучу?

– Естественно, – кивнул я, решительно не понимая, куда он клонит. – Даже ребенку ясно, что больше других нагрелась верхняя книга. – С этими словами я поднялся и переместил книжную башню на неосвещенную часть столика.

– Вы решили эту элементарную задачку, что называется, в один момент. И не видите тут никакой проблемы, – продолжал вести свою линию Пережегин.

– Да ведь дело проще пареной репы, – не удержался я от реплики.

– Но ведь задачку можно усложнить, – хитровато сощурился он. – Ее можно усложнять до бесконечности. До определенной черты вы будете безапелляционно заявлять: «Это я могу!» Но на каком-то этапе засомневаетесь, а затем и вовсе опустите руки. И вот вы уже сетуете: «Нет, я не могу вспомнить, в какую из папок сунул эту чертову рукопись много лет назад!»

– В молодости, да и позже, в зрелые годы, я четко помнил, где у меня лежит каждая бумажка, хотя рукописи были рассованы по разным углам комнаты, – сказал я. – Но массив моего архива продолжал расти, и на каком-то этапе я действительно утратил способность контролировать по памяти каждый его элемент.

– Я, пожалуй, тоже ничего не смог бы найти, если бы надеялся только на память, – ответил мой гость. – Но матушка-природа, уж не знаю за что, проявила милость, наградив меня от рождения встроенным компьютером, который помогает мне решать задачи разнообразной сложности по поиску утерянных вещей. – Он распрямил передо мной обе свои мясистые ладони с растопыренными пальцами и продолжил: – Мои ладони – это две антенны, которые я могу настраивать так, что они будут реагировать только на пропавший предмет. Антенны передают данные компьютеру, а уж тот производит отбор информации и выдает мозгу результат. Я понятия не имею, как все это объясняется с научной точки зрения. Признаться, меня самого это мало интересует. Ведь и рядовой пользователь персонального компьютера тоже не особенно интересуется принципом работы этого устройства. Работает на нем, и точка. Так и я. Эксплуа-

тирую свой природный компьютер, даже не пытаюсь разгадать его механизм. Это как дополнительный орган чувств, понимаете? Вы же не анализируете, как действуют ваши органы чувств, пока с ними все в порядке? – Он сощурился: – Понимаете, для чего я вам все это рассказываю?

– Подводите к мысли, что ваши экстрасенсорные способности заложены в вас природой?

Он даже рассердился:

– Терпеть не могу, когда меня называют экстрасенсом, ясновидцем, провидцем и прочими глупыми эпитетами. Я никак не связан с потусторонними силами да и не верю в них. У меня просто дар, хотя и достаточно редкий. Вот вы – писатель, да?

– Предпочитаю именовать себя литератором.

– Неважно. Литератор – тоже дар. Вот я, к примеру, не люблю писанины. Написать две лишние строчки для отчета – для меня жуткая морoka. Иными словами, у вас свой дар, у меня свой. Я вообще считаю, что Бог наградил каждого человека каким-либо даром. Просто свой дар надо еще обнаружить в себе, прийти к нему и познать его суть. А это получается не у каждого. Тут ведь требуется ежедневная душевная работа. Но уж если кто осознал свой дар – он счастливый человек. Кстати, себя я называю «народным экспертом». Лучшего определения не нашел.

– Это что-то сродни народным целителям?

– Можно и так сказать, если речь идет о настоящих, одаренных от природы целителях, а не о тех мошенниках, которые нахватались вершушек в Интернете и объявили себя «тоже целителями». – Пережегин глянул на часы: – Впрочем, довольно философствовать на вечные темы. Давайте искать вашу рукопись.

– Вы найдете ее прямо сейчас? – уточнил я, ощутив вдруг холодок, пробежавший по спине.

– Сначала мы должны установить ее характерные особенности, – заявил он. – Так сказать, параметры для ввода. Три-четыре, не больше. Этого достаточно.

– Нет у моей рукописи никаких особенностей! – воскликнул я.

– Это вам только кажется, – успокоил он меня.

Что-то в нем изменилось, и я невольно ощутил, что он приступил к своему таинству.

– Вы говорили, что рукопись состоит из десяти страниц, так? – был его первый вопрос.

– Да, десяти или одиннадцати, точно не помню.

– При этом каждая страница, полагаю, написана на отдельном листе?

– Конечно, а как же иначе?

– Не удивляйтесь, но есть люди, которые имеют обыкновение писать на обеих сторонах листа. Поэтому я и уточняю.

– Литераторы определенно не из их числа. Впрочем, если бы я даже захотел, то писать на обеих сторонах листа не смог бы.

– Почему? – заинтересовался он.

– Для черновиков я до сих пор использую оборотную сторону машинописных листов. Это, пожалуй, требует пояснения. Понимаете, еще лет пятнадцать назад рукописи в издательства либо в редакции журналов представлялись преимущественно в машинописном виде. Такая рукопись могла затеряться при пересылке либо в самой редакции, да и вообще, жизнь, как известно, полна неожиданностей, поэтому автор закладывал в свою пишущую машинку сразу несколько листов, перемежая их копиркой. Если речь шла о романе, то от автора требовалась для перепечатки текста монотонная ежедневная работа на протяжении двух-трех недель. Обычно делалось четыре копии. Большого количества бумаги в одной закладке малоформатная машинка просто не выдерживала. Все эти копии после публикации произведения делались ненужными, и их оборотная сторона обычно использовалась авторами для черновой записи следующего романа. Такова была реальность канувшего в Лету великого века пишущих машинок.

– Я понял, – кивнул он. – Затерявшаяся рукопись состоит из 10 или 11 листов. Кстати, они хранились у вас в разрозненном виде, не помните?

– Почему же, хорошо помню. Небольшие по объему рукописи я всегда скреплял обычной канцелярской скрепкой, даже если речь шла о двухстраничной миниатюре.

– Канцелярская скрепка, замечательно, – кивнул он. – А не припомните ли вы, уважаемый, что за машинописный текст был напечатан на оборотной стороне листов?

– Легко, – ответил я. – Это была машинописная копия романа «Авария». Последнего моего произведения, текст которого я оттарабанил на машинке. Затем у меня появился компьютер, и все последующие свои сочинения я отсылал в редакции уже в электронном виде. Потому и запомнил. Обратную сторону копии «Аварии» я использовал для записи черновых вариантов и набросков к следующему роману – «Третий лишний». Как раз в разгар работы над новым романом со мной вдруг приключился гипертонический криз, и я на две недели загремел в больницу. Когда чуточку полегчало, решил все же продолжить свои литературные упражнения в условиях медицинского учреждения. Тем более что в голове у меня давно уже сидел замысел оригинального рассказа на злободневную тему. Я попросил жену принести мне бумагу для работы, и это как раз были листы с «Аварией». На них я написал черновик рассказа, которому с полным правом мог бы предпослать подзаголовок «Рукопись, написанная на больничной койке», хотя сюжет этой вещицы не имел ни малейшего отношения к медицине. После выписки я снова взялся за роман, а полуфабрикат рассказа сунул в какую-то папку, рассчитывая вернуться к нему, когда снова возникнет непредвиденная пауза. Впрочем, там требовалась лишь небольшая доработка.

Закончив роман «Третий лишний», я тут же взялся за следующую фабулу. Нет, о существовании рассказа я никогда не забывал, но руки до него все как-то не доходили. А теперь вот он вдруг понадобился, но где его искать – ума не приложу. Вот что еще... Хорошо помню, что папка, куда я вложил рассказ, была в тот период очень важна для меня, я просматривал ее буквально каждый день. Но что это была за папка, не помню, хоть тресни.

– Вашу папку найдем тоже, – обнадежил он меня. – Но давайте двигаться последовательно. Если я правильно понял, то текст затерявшегося рассказа и черновики к роману «Третий лишний» были записаны на обратной стороне листов копии вашего предыдущего романа «Авария», так?

– Вы удивительно точно разобрались в запутанной литературной ситуации, – кивнул я.

– Погодите острить. А этот ваш черновик к роману «Третий лишний», он уцелел? Вы смогли бы его найти?

– Конечно. Крупных вещей у меня не так много. Материалы к каждому роману собраны в отдельные папки, а те хранятся во-он в той тумбочке.

– Передайте мне два-три листа из этой папки.

– Без проблем.

Желтая папка с черновиками романа «Третий лишний» лежала на средней полке, сверху, так что на выполнение просьбы Пережегина ушла какая-то минута.

Он внимательно осмотрел машинописную сторону листов.

– Вы всегда пользовались копиркой синего цвета?

– О, нет. Всегда предпочитал классическую черную. Но к тому моменту эра пишущих машинок уже заканчивалась, копировальная бумага становилась архаикой, и, чтобы купить ее, приходилось побегать по канцелярским магазинам. Очевидно, черной копирки не было нигде, вот и пришлось довольствоваться синей.

– Значит, машинописные копии синего цвета в вашем архиве редкость?

– Большая редкость. Синюю копірку я использовал для закладок только при перепечатке белого варианта «Аварии».

– Что ж, дело ясное.

Он перевернул листы и некоторое время вглядывался в рукописный текст, затем посмотрел на меня:

– Не покажете какую-нибудь страничку, написанную вами в последние дни?

– Пожалуйста. Вот хотя бы эту...

Он разместил оба листа перед собой в виде двух окон на рабочем столе компьютера.

После небольшой паузы неожиданно заявил:

– А ведь ваш почерк претерпел некоторые изменения.

– Неужели? – удивился я.

– Посмотрите сами. Букву «т» вы писали раньше в форме «ш», ставя для отличия горизонтальную черточку сверху. А сейчас ваша «т» – это наклонный столбик с горизонтальной переладиной наверху. Есть и другие отличия. Почерк меняется постепенно, из чего следует, что затерянная рукопись была создана вами достаточно давно. Полагаю, лет семь назад, так?

– Не может быть! – возразил я. – Впрочем, не будем гадать. Я сейчас загляну в свой так называемый рабочий дневник. Должен сознаться, что веду его я крайне неаккуратно. Но эта-

пы создания всех крупных вещей в нем зафиксированы. – С этими словами я снял с полки на компьютерном столе пухлый растрепанный блокнот. Полистал его. – Ага, вот запись. «Третий лишний» – закончил 15-ю главу. Работа прервана по медицинским причинам». – Я пролистал странички в обратном направлении. – Про рассказ тут ничего нет. Но с минимальной долей погрешности, отталкиваясь от указанных дат, могу сказать, что дело происходило... семь лет назад. – Я и сам удивился. – Семь лет назад! А мне казалось, что еще и трех лет не прошло.

– Итак, что нам известно о пропавшей рукописи? – с невозмутимым видом заговорил Пережегин. – Она была создана семь лет назад. Ее объем – 10-11 страниц. Листы скреплены канцелярской скрепкой. На оборотной стороне бумаги – машинописный текст, отпечатавшийся от копирки синего цвета. Кроме того, у меня имеется образец вашего почерка семилетней давности. – Он перевел на меня взгляд: – Что ж, данных вполне достаточно. Приступим, пожалуй... – он поднялся из-за стола.

– Уже? – удивился я. – А как же...

– Вы ожидали, что я буду медитировать? – рассмеялся он. – Нет, уважаемый. Медитируют экстрасенсы и ясновидцы. А я простой смертный. Эксперт. Все необходимые данные уже загружены в компьютер, – и он постучал пальцем по своему лбу. – Ну, показывайте мне ваши бумажные сокровища.

4

Я провел его по всей квартире, указывая места, где хранились разрозненные части моего архива.

Он нигде не задерживался надолго.

Неспешно подносил ладони к рядам и стопкам папок, после чего переходил к следующему «объекту».

Так мы обследовали все мои «бумажные сокровища», как не без доли иронии назвал их Пережегин, но пропажа так и не обнаружилась.

Лицо «народного эксперта» сделалось хмурым.

– Уважаемый, а не мог ли кто-либо из домашних случайно выбросить вашу рукопись?

– Исключено. Мои домочадцы без моего ведома не тронут ни бумажки.

– Значит, искомая рукопись находится вне вашего архива, – резюмировал он. – Продолжим поиск. Вы позволите мне еще раз пройти по квартире?

– Сделайте одолжение.

Он прошагал к дивану и медленно провел над его поверхностью ладонями. Затем поколдовал около серванта, после чего перешел к высокому книжному шкафу. Проведя ладонями вдоль его полки, он, продолжая держать ладони распрямленными, вскинул руки высоко вверх.

Затем резко опустил их, вернулся к столу и сел на свое место.

– В книжном шкафу, на верхнем ряду книг, лежит красная папка. Достаньте ее.

– Красная папка?

Едва прозвучали два этих слова, как в моем мозгу что-то ослепительно прояснилось, и я вспомнил все.

...После выписки из больницы мне пришлось еще какое-то время ходить по врачам, собирать анализы, проходить процедуры, ну и, естественно, маяться в так называемых медицинских очередях. Иные очереди затягивались на два, а то и на недобрых три часа.

Дабы не терять попусту уйму времени, я решил тогда доработать «Рукопись, написанную на больничной койке» в коридорах медицинских учреждений. Уединюсь где-нибудь в сторонке и, поглядывая одним глазом на движение очереди, кропаю себе понемногу. Хоть полстранички за одно посещение, и те – мои.

Все справки, результаты анализов, ЭКГ и т.д. я держал в картонной папке красного цвета (медицинского!), которую в те дни всегда носил в своем портфеле. В ней же, в красной папке, помещался и почти доработанный рассказ.

В ту пору красная папка была самым востребованным элементом моего архива, я перелистывал ее содержимое по меньшей мере два-три раза в неделю. Поэтому рассказ я так и оставил в папке, чтобы чуть позднее пройти по нему еще раз «свежим» глазом. А затем мое давление как-то вдруг упорядочилось само собой, и врачи отпустили меня на волю.

Красную папку я приткнул на дальнюю полку книжного шкафа, чтобы «поближе взять».

Ну а следом произошло то, что и должно было произойти. Работа над романом вытеснила из моего сознания жутковатый

образ красной папки, а моя медицинская история и моя литературная деятельность совершенно разошлись в пространстве. Иными словами, красная папка и «Рукопись, написанная на больничной койке» сосуществовали в моей памяти в разных мирах.

Я подошел к шкафу и достал с книг верхнего ряда злосчастную папку. Раскрыл ее. Действительно, рассказ спокойно дожидался меня под ворохом бумажек с результатами анализов и лентами ЭКГ.

Святые угодники! Да если бы я в поисках затерянной рукописи перерыл бы сверху донизу весь свой архив, то все равно не отыскал бы ее.

– Нашлась пропажа? – улыбочиво спросил Пережегин.

Я посмотрел на него со смешанным чувством благодарности, изумления и писательской агрессивности. Боже мой, какой типаж оказался волею судьбы в моем доме! Да я попросту не имею никакого литературного права отпускать его, не попытавшись вызвать на откровенность.

– Хотите чаю? – предложил я. – А может, чего-нибудь покрепче?

5

– Благодарю за любезность, но я должен идти. – Он встал и направился в прихожую.

– Погодите, Петр Мефодьевич! – Забежав вперед, я перегородил ему дорогу. – Мы не могли бы встретиться, когда у вас будет свободное время?

– Зачем? – удивился он.

Я решил пойти ва-банк:

– Я поражен тем, чему только что стал свидетелем, и уже не сомневаюсь, что в вашем арсенале есть немало куда более удивительных историй. Мой долг литератора – поведать о них моим читателям, как и о самом феномене «народного эксперта».

– Вы просите о встрече? Я вам уже говорил, что не люблю излишней писанины. Еще меньше склонен предаваться воспоминаниям. Да у меня и времени на это нет.

– Постойте! – перебил я гостя, предпринимая отчаянную попытку удержать его. – С моей стороны это не праздное лю-

бопыство. Наши беседы получают практическое воплощение в цикле рассказов или, может, даже повестей. Я ведь чувствую, что за вашими плечами скрывается огромный пласт необычного опыта.

Мне казалось, что мои слова отскакивают от него, как горох от стенки. Да и слова, как назло, подбирались какие-то казенные, неубедительные, я с горечью ощущал это.

Неожиданно он вернулся в комнату и расположился на прежнем месте.

– Я понимаю, – сказал он. – Между прочим, вы первый из пишущей братии, кто обратился ко мне с подобной просьбой. Приоритет в этом смысле целиком на вашей стороне. При том что вы сослались на рекомендацию человека, которого я безмерно уважаю и которому многим обязан. Он просил меня поддерживать литературных страдальцев, коим нынче приходится несладко. Так и быть. Давайте мы условимся следующим образом. У меня есть одно железное правило. После завершения каждого дела я готовлю в электронном виде небольшой отчет о проделанной работе. А всякая работа, как известно, требует порядка. Отчеты эти крайне лаконичные, а нередко и вовсе состоят из трех-четырех строчек. Полагаю, процентов 90 или около того моих дел относятся к разряду так называемой «бытовухи». Женщина потеряла колечко, трудясь на своем дачном участке. Мужчина, бражничая с приятелями, «посеял» где-то связку ключей от дома. Грибник, отправившийся на «тихую охоту», выронил в лесу свой мобильник с важными для него номерами телефонов. Ну и прочее в таком же духе. Ничего аппетитного для литератора.

– Ну почему же? – попытался возразить я.

– Приходилось, конечно, заниматься и более серьезными вещами. И даже консультировать наши органы. В этих случаях вынужден был писать более пространные отчеты и даже комментарии к ним. Дайте мне ваш электронный адрес, я сегодня же заброшу вам 10-15 файлов. Можете распоряжаться ими по своему усмотрению. Единственное условие: вы не должны использовать в ваших опусах подлинные фамилии моих клиентов, равно как и прочие сведения, которые могли бы раскрыть их настоящее лицо.

Я не верил собственным ушам: какая небывалая удача для литератора!

– Но вы разрешаете вывести вас как литературного персонажа под вашим настоящим именем? – спросил я из вежливости.

– Это можно, – как бы даже отмахнулся он.

– Минутку... – Я взял с телефонной полки блокнотный листочек и запечатлел на нем адрес своей электронной почты.

Он сложил листок вдвое и сунул его в нагрудный кармашек своей безрукавки.

– Значит, я могу надеяться? – еще раз уточнил я.

– Ну, я же сказал... – Он направился к двери. Уже с порога помахал своей «волшебной» рукой. – Всех благ. – И я услышал его гулкие шаги по лестнице.

Закрыв дверь, я продефилировал к открытому окну в комнате и выглянул во двор. Пережегин усаживался на водительское место темно-синего автомобиля. Вот автомобиль осторожно тронулся с места и через полминуты выехал со двора.

6

Тем же вечером я получил от него 12 файлов, которые тут же просмотрел самым внимательным образом. Каждый «отчет» являлся готовым сюжетом для рассказа детективного жанра. Но все же по ходу чтения у меня возникло несколько вопросов к «народному эксперту».

Где-то через недельку, набравшись храбрости, я позвонил умельцу и настоял на встрече, уверяя, что много времени у него не отниму.

– Ну, приезжайте, – согласился он без особой охоты.

Так я впервые оказался в «Бюро находок», которое располагалось в районе Сенной площади, в двух шагах от канала Грибоедова. В кабинете «народного эксперта», в этом, я бы сказал, сугубо функциональном помещении, довольно странно выглядела висевшая на стене картина в изысканной золоченой раме. Впрочем, художник, изобразивший Банковский мостик с грифонами, по какой-то причине не прописал до конца крыло одного из этих мифологических существ, и эта недоработка сразу же бросалась в глаза. (Об истории Омельева я в ту пору, разумеется, понятия не имел.)

В конце месяца был готов первый рассказ, а затем еще два. Я переслал их Пережегину по электронной почте для отзыва.

– Ладно, валяйте, – такой была его оценка моего творчества.

Честно говоря, не думаю, что он вникал в содержание присланных текстов. Как я заметил, к чтению беллетристики он тяготел еще меньше, чем к «писанине».

В ту пору в нашем славном городе еще выходили толстые еженедельники, где имелась литературная страничка. Словом, мне удалось опубликовать два рассказа о «народном эксперте», которые в редакции, конечно же, были сочтены авторским вымыслом.

...Прошло около года со дня нашей встречи с Пережегиным, и вот он позвонил мне сам.

– Вы не могли бы приехать в мою берлогу прямо сейчас?

– Буду в течение сорока минут. – Я не стал задавать навоящих вопросов, ощущая, что произошло нечто экстраординарное.

В «Бюро находок» царил полный бедлам. На полу валялись смятые и разорванные бумаги, в углу громоздились пустые картонные ящики, предназначавшиеся, очевидно, для упаковки бытовой техники. Сам Пережегин с сосредоточенным видом сидел за компьютером, производя какие-то манипуляции.

Мы поздоровались, он кивнул мне на свободный стул.

– Я ликвидирую дело и переезжаю на Юг России, – неожиданно заявил «народный эксперт». – О причинах не спрашивайте, все равно не скажу. А пригласил я вас для того, чтобы передать вам из рук в руки диски с моими отчетами. – С этими словами он открыл верхний ящик своего письменного стола и достал оттуда несколько коробок с дисками. Выложил их на стол и придвинул ко мне: – Здесь все дела за время моего пребывания в Питере. Впрочем, минутку... – Он открыл одну из коробок, достал из нее несколько дисков и неожиданно разломал их своими толстыми, сильными пальцами на мелкие кусочки, которые смахнул в урну. – Это, пожалуй, лишнее. Остальное – ваша писательская добыча. Можете использовать ее в своей литературной деятельности, как вам заблагорассудится. Но

никогда не забывайте о моем условии: никаких подлинных фамилий. Да, вот еще что... – Пережегин указал рукой на картину «Банковский мостик». – Забирайте это сокровище с собой. Без возражений. Считайте, это мой подарок.

– Вы уезжаете навсегда или все же рассчитываете вернуться? – спросил я, воспользовавшись паузой.

– Там будет видно, – поморщился он. – Ну, давайте прощаться.

– Счастливой дороги, – я пожал его плотную ладонь.

– И вам всех благ, – отозвался он, переключая внимание на компьютер.

Мне оставалось лишь ретироваться.

С тех пор прошло несколько лет. Пережегин так и не дал о себе знать. Я периодически просматриваю его диски, делаю выписки, составляю некие планы.

Картина Омельева «Банковский мостик» и поныне висит в моем «писательском кабинете», рядом с книжным шкафом. В иные минуты, пытаясь найти ключ к наиболее запутанным файлам «народного эксперта», я переключаю внимание на этот холст, и туман постепенно рассеивается, и у меня возникает ощущение, что я начинаю постигать скрытую связь между вещами и их владельцами.

Наконец, последнее уточнение. Многие истории с участием Пережегина произошли в те, еще не столь отдаленные времена, когда наша полиция именовалась милицией.

Дабы не вносить путаницы в умы, я решил использовать во всех случаях единый, привычный для сегодняшнего читателя термин «полиция», ведь, несмотря на переименование, суть ее деятельности осталась прежней.

Я написал «Говорящие улики» по материалам «народного эксперта». Сначала хотел отослать рукопись в редакцию как есть, но, поразмыслив, пришел к выводу, что она все же не дает законченного представления о скрытых ресурсах этого удивительного человека. Решил дополнить послесловием, но понял, что и этого мало.

Для полноты картины я отобрал еще три сюжета из «отчетов» Пережегина – «Черный ком», «Английская булавка» и «Разбитый амулет», в каждом из которых, как мне видится, есть своя изюминка.

Часть третья. ЧЕРНЫЙ КОМ

1

– Ком! Вы понимаете, огромный, трепещущий, словно живой черный ком? Он вырвался с жутким ревом прямо из-под арки! Как привидение в фильме ужасов. И врезался в мусорный контейнер. А затем, неизвестно откуда, появился этот человек, тоже весь в черном. Он выхватил нож и принялся кромсать ком на куски. Просто рвал его и разбрасывал по сторонам. Мне стало дурно... А когда я снова открыла глаза, кома уже не было. У контейнера лежал перевернутый мотоцикл, а под ним – человек в луже крови... Но – другой! Не тот, который рвал ком, вы понимаете? Приезжайте быстрее, не то я сойду с ума от страха.

Опытная телефонистка, дежурившая на пульте службы спасения, успокоила позвонившую женщину, тактично выяснила ее фамилию и адрес, где, судя по всему, произошло загадочное преступление.

Оперативно-розыскная группа прибыла на место в 03.17 утра. В глухом углу большого проходного двора лежал на боку искореженный мощный мотоцикл, придавивший своего седока-байкера. В кармане кожаной куртки (заклепки, цепочки, бахрома) сыщики нашли водительское удостоверение на имя Бориса Извозова, 24 лет.

Если бы не показания свидетельницы, пенсионерки Анны Сергеевны Вязанкиной, 73 лет, то происшествие могло бы быть отнесено к дорожной аварии со смертельным исходом. Байкер, вылетев из-под арки на бешеной скорости, не вписался в поворот и врезался в угол огромного металлического контейнера, переполненного строительным мусором. От сильного удара сместились шейные позвонки. Смерть наступила мгновенно.

Но теперь вырисовывалась совершенно другая картина. Чтобы восстановить ее детали, сыщикам пришлось едва ли не полностью перебрать содержимое контейнера. Но улов стоил того: несколько свинчивающихся алюминиевых трубок, куски черного полиэтилена со светлыми линиями, клубок тонкой стальной проволоки, свинцовые грузики...

Это не был несчастный случай. Произошло убийство: дерзкое, хладнокровное, тщательно спланированное и подго-

товленное. Тот, кто совершил его, отлично знал как привычки байкера, так и обстановку во дворе.

По словам Вязанкиной, около месяца назад байкер облюбовал этот проходной двор для своих ночных гонок.

Во дворе стояли «елочкой» четыре здания, в каждом из которых была сквозная арка. Еще три арки имелись в большом П-образном доме, отделяющем двор от улицы. Эти арки, расположенные в шахматном порядке, и привлекли, надо полагать, внимание байкера. Он всегда появлялся между двумя и тремя часами ночи. По особому маршруту пролетал все семь арок, после чего делал еще два полных круга, а затем исчезал до следующей ночи.

Вязанкина жила в крайнем внутреннем доме, прямо над аркой. Завывания мощного мотоцикла без глушителя будили ее каждую ночь. Дикие звуки пугали ее еще и потому, что дом с недавних пор был расселен для капитального ремонта. Вязанкина осталась его единственной обитательницей, отказавшись переезжать с насиженного места. Днем в доме стоял стук и грохот – строители обдирали стены, вынося мусор в контейнер, который поставили прямо напротив арки. Пенсионерка надеялась, что этот контейнер заставит ночного мотоциклиста изменить свой маршрут. Но ничуть не бывало. Он по-прежнему пролетал под аркой на бешеной скорости, проносясь затем в каком-нибудь верхке от массивного контейнера. Она предчувствовала, что добром это не кончится. Но разве можно было предположить, что ночного гонщика в его последнюю минуту окутает этот страшный черный ком, который, похоже, отныне будет еще долго являться ей в снах... Но еще страшнее тот черный человек, что рвал ком на части. Его лицо оставалось в тени. Но пенсионерка заметила, что при ходьбе злодей заметно припадал на левую ногу, двигаясь при этом совершенно бесшумно и быстро. По походке она сразу бы его узнала. А пока может утверждать лишь одно: никогда прежде этот человек у них во дворе не появлялся.

Изучив все свои находки из контейнера, затем разложив куски полиэтилена в определенном порядке на земле и скрупулезно осмотрев саму арку, сыщики смогли сделать предварительные выводы.

Итак, картина вырисовывалась следующая. Таинственный «черный человек» загодя приготовил из свинчивающихся

алюминиевых трубок и полос черного полиэтилена «сборный» экран, подвесив его в виде свернутого рулона над выходным проемом арки на ржавом штыре от старого фонаря. С помощью свинцовых грузиков и лески с петлей экран разворачивался во всю свою ширь в считанные секунды, полностью закрывая арочный проезд.

Убийца в точности знал маршрут своей жертвы и, надо полагать, заранее просчитал все его этапы по секундомеру.

Едва рокер влетел во внутреннюю арку дальнего дома, как перед ним вдруг образовалась непроницаемая черная стена, на которой фосфорической краской был изображен улыбающийся череп и надпись: «Твоя смерть!» Ни о каком экстренном торможении уже не могло быть и речи. Полиэтилен облепил его черным комом. Через миг несчастный седок врезался в контейнер...

Убийца подбежал к «кому» и располосовал его ножом (именно в этот момент Вязанкиной стало дурно). Убедившись, что с жертвой покончено, покушавшийся разрезал полиэтилен на куски и рассовал их, как и прочие улики, по разным углам контейнера в совершенной уверенности, что никто не будет их там искать. Так и случилось бы, если бы не бдительная бабуля (несомненно, киллер не догадывался, что в расселенном доме обитает единственная жиличка, причем именно в комнате над аркой).

Итак, картина изощренного преступления была восстановлена. Оставалось установить мотивы покушения и найти убийцу.

2

Уже под утро к месту происшествия подъехала иномарка. Из нее вышел моложавый, хорошо одетый мужчина внушительной комплекции. Приблизившись к натянутой ленте, он громко спросил: «Кто здесь старший?!» Затем скороговоркой объяснил, что его зовут Вадим Извозов, что он руководит отделом в солидном учреждении, что примерно час назад ему позвонила подруга его младшего брата, сообщив, что тот не вернулся с ночной прогулки. Он, Вадим Извозов, не на шутку встревожился и тут же перезвонил своему хорошему знакомому, ответственному сотруднику полицейского управления. Тот навел справки

и выяснил, что одна из дежурных групп еще ночью выехала к месту подозрительной аварии, в которой погиб молодой мотоциклист. Адрес тот самый, где обычно гонял Борис. Терзаемый недобрыми предчувствиями, старший брат тут же собрался в дорогу. И вот он здесь, готовый помочь...

Извозова спросили, не угрожал ли кто его младшему брату?

С тяжким вздохом тот ответил, что не удивился бы этому. Вообще-то, они с Борисом, добавил он, сводные братья. Их характеры отличались, как лед и пламень. Взбалмошный Борис мог вспыхнуть из-за пустяка, затеять скандал на ровном месте. Он перессорился со многими своими друзьями. Однажды, хлебнув лишнего, привязался на улице к целой компании. Завязалась драка, и он еще дешево отделался. Кроме того, у него была скверная привычка обхаживать девушек, пришедших в кафе со своим кавалером. Вдобавок он не отдавал долги. Э-э, да что там...

Вадим Извозов мотнул головой и, словно опомнившись, вскричал:

– И все же это мой брат. Родная кровь. Найдите убийцу! Объявите от моего имени премию за его поимку. Я смогу, я... – Он закрыл лицо ладонями.

Сыщики сочувственно смотрели, как плачет этот большой, сильный человек.

3

Следователь Соболев, который вел дело о гибели байкера, не мог избавиться от ощущения, что блуждает по лабиринту. А ведь была проделана огромная работа, собраны многочисленные сведения о личности погибшего и круге его общения. То, о чем сообщил старший брат байкера, подтвердилось полностью. Выяснились и другие факты, о которых Извозов-старший либо не знал, либо предпочел умолчать.

Оказалось, например, что Борис распространял дурь в ночных клубах.

Соболев выяснил также, что старший брат действительно опекал младшего, выручал его деньгами, улаживал затеянные им конфликты. Тот же, принимая это как должное, платил брату черной неблагодарностью, вышучивая в кругу приятелей его трудолюбие и размеренный образ жизни.

Сейчас Вадим Извозов буквально лез из кожи вон, стремясь хоть в чем-то помочь следствию, которое пока буксовало. Он часто звонил, приводя дополнительные факты из жизни погибшего. Но этот калейдоскоп отшумевших событий тоже мало что прояснял.

В большей степени Соболев рассчитывал на свидетельство Эдуарда Ивановича Масина – одинокого пенсионера из крайнего подъезда большого углового здания.

Во всех домах этого обширного проходного двора в целом насчитывалось более трехсот квартир. Вместе с тем замкнутая площадка, на которой разыгралась в ту ночь трагедия, проглядывалась только из окон квартир того подъезда, где жил Масин, да и то лишь с верхних этажей. (Расселенное строение не в счет.)

Но почему же на особой заметке оказался именно он, Масин?

Дело в том, что некоторые жильцы, такие же пенсионеры, собиравшиеся во дворе посудачить о жизни, показали, что после смерти жены Эдуард Иванович начал чудить. Спал днем, а ночью стоял за шторой у темного окна и наблюдал через бинокль за двором. Байкера он видел каждую ночь и даже разглядел, что седло его мотоцикла покрыто козьей шкурой. О ночном мотоциклисте он сам то и дело заговаривал во дворе, когда выходил на прогулку или в магазин, и даже предлагал написать коллективное заявление в полицию с требованием наказать нарушителя закона о тишине.

Но когда Соболев подступил к Масину с расспросами, тот неожиданно занял глухую оборону. Дескать, знать ничего не знаю и не ведаю. Мол, именно в ту злосчастную ночь он, Эдуард Иванович, почувствовал себя плохо ввиду магнитных бурь на Солнце и потому лежал в постели, не поднимаясь до самого утра.

Интуиция подсказывала Соболеву, что пенсионер, мягко говоря, лукавит. Следовательно беседовал со стариком и в доверительной манере, и в строгой. Но Масин, что называется, «ушел в неосознанку». Существой в нашей следственной практике «детекторы лжи», старый упрямец нипочем не прошел бы тестирования. Но сейчас не предвиделось никакой возможности заставить его сказать правду.

Один из коллег, в разговоре с которым Соболев посетовал на свои трудности, рекомендовал, причем на вполне серьезной ноте, обратиться к «народному эксперту» Пережегину. Соболю послышалось, что речь идет о гипнотизере. Почему бы и нет? – подумал он? А вдруг под действием гипноза упрямый свидетель заговорит, наконец?

И вот они встретились. Следовательно «народный эксперт» понравился: спокойный, рассудительный, а главное – не позер, не пытается напустить туману, изобразить из себя всезнайку. Соболев поставил вопрос прямо: нельзя ли загипнотизировать свидетеля, чтобы тот раскрылся, рассказал обо всем, что он видел на самом деле?

Пережегин ответил, что тут какая-то ошибка, он вовсе не гипнотизер и ничего, мол, не кумекает в этой тонкой материи. И вообще, круг его возможностей весьма узок, но он попробует быть полезным правоохранительным органам. А для начала он должен посмотреть, что за человек этот Масин.

– У меня только одна просьба, – добавил «народный эксперт». – Вы отвлеките его разговором на постороннюю тему, поведите беседу о чем-нибудь нейтральном. О тех же магнитных бурях, например. Пусть он расслабится. А меня не дергайте. Я должен сосредоточиться...

– Так и сделаем, – кивнул Соболев, явно оставшийся разочарованным этой перспективой.

И вот они в скромной квартире Эдуарда Ивановича.

Следователь сказал пенсионеру, что вопросов к нему больше не имеет, но просил бы разрешить ему вместе с его спутником-экспертом еще раз осмотреть двор из окна его комнаты.

Масин – высокий, сухой старик с пышной седой шевелюрой и беспокойным блеском в глазах – заметно ободрился и даже предложил незванным гостям чаю.

Расположились на кухне. Соболев поинтересовался у хозяина, улеглись ли на Солнце магнитные бури?

Пережегин сидел, уткнувшись взглядом в стол. Внезапно он произнес не поднимая головы:

– Эдуард Иванович, в вашем доме есть чужая вещь. Она принадлежит преступнику. Вы это знаете. Бояться не нужно. Мы ваши друзья и сумеем вас защитить. Отпираться тоже не нужно. Я ведь знаю, где она лежит. Но будет лучше, если вы принесете ее сами.

За столом повисла звенящая тишина. Но вот Масин обреченно махнул рукой, встал и ушел в комнату. Через минуту появился снова, расправляя на ходу свернутый свитер. Внутри оказался мобильный телефон.

Эдуард Иванович выдохнул вроде даже с облегчением:

– Замучил он меня, проклятый...

Усевшись на место, он заговорил.

6

Рассказал все, без утайки. Первая половина его рассказа практически во всем совпадала с показаниями Вязанкиной. Но, в отличие от впечатлительной пенсионерки, Масин видел и последующие подробности.

...Располозовав полиэтилен, черный человек склонился над лежавшим и проверил, есть ли у того пульс. Затем обыскал его карманы, взяв какой-то пакетик. После этого убийца позвонил кому-то по мобильнику. Дождавшись сигнала, он произнес всего несколько слов и отключил связь. Сунул трубку в карман своей куртки. Затем уничтожил следы преступления и прошел в основной двор, где у него, как выяснилось, стоял автомобиль с забрызганными грязью номерами. При ходьбе он припадал на левую ногу.

Убийца не заметил, что конец проволоки из контейнера зацепился за карман его куртки. Раскручивая витки, тонкая стальная проволока постепенно вытягивалась в струну. Ощувив, наконец, сопротивление, черный человек резко обернулся. Очевидно, при порывистом движении проволока прорвала в его кармане дыру, из которой и выпал мобильник. Досадую, черный человек отцепил проволоку, так и не заметив пропажи.

А затем произошла сцена, насмерть перепугавшая Эдуарда Ивановича. Убийца вдруг посмотрел прямо на его окно и угрозил кулаком. После чего сел в машину и уехал. А мобильник остался лежать на вытоптанной траве.

– Мне стало ясно, что едва убийца хватится пропажи, как непременно вернется во двор, – продолжал Масин. – А вдруг тем временем мобильник унесет кто-нибудь другой? Тогда убийца наверняка решит, что это сделал я. Ведь если он погрозил мне кулаком, значит, заметил мой силуэт! Я запаниковал, и мне показалось, что самое разумное – это пойти и поднять телефон самому. Когда черный человек придет за ним ко мне, я верну ему его добро, и он оставит меня в покое. Так я и поступил. Но никто не приходил, а вот телефон то и дело наигрывал какой-то марш. Я замотал его в толстый свитер и спрятал в глубине шкафа. Но покоя не было. Я боялся черного человека, боялся полиции, боялся телефона с его маршем. Заявить о находке мобильного я тоже боялся... – Старик посмотрел на Пережегина: – Слава богу, что вы сами сказали о нем. Не пойму только, как вы это узнали...

– Теперь вы поняли рамки моих возможностей? – спросил Пережегин у следователя на обратном пути. – Я не гипнотизер, не шаман и не провидец. Но я, в частности, чувствую присутствие чужой вещи в доме, вижу ее внутренним зрением при определенных обстоятельствах. Такой у меня дар, не больше, но и не меньше. Ну а чужие вещи, как правило, выводят на их владельцев. Полагаю, получив мобильник убийцы, вы найдете и его самого.

7

Сюрпризы посыпались как из рога изобилия.

Последним абонентом, которому убийца, некий Михаил Сквозницкий, позвонил перед потерей аппарата, был...Вадим Извозов. Оказалось также, что один из звонков, поступивших на мобильник уже в шкафу пенсионера, был сделан с телефона Извозова.

Что же за человек этот Сквозницкий?

Бывший десантник, мастер единоборств, успевший побывать в ряде «горячих точек». Характерная особенность: при ходьбе припадал на левую ногу (результат ранения). И еще: бывший одноклассник Вадима Извозова. Не многовато ли «случайных» совпадений?

Сквозницкий жил на зимней даче в пригородном поселке. Там его и взяли. Судя по его реакции, визита силовиков универсальный солдат никак не ожидал.

По ходу обыска в баньке был обнаружен хитрый тайник, где хранилась интересная коллекция, не предназначенная для посторонних глаз. Среди прочих экспонатов там имелась скрытно сделанная запись беседы двух старинных приятелей-однокашников. Вот небольшой отрывок из нее:

«Вадька, но ведь он твой брат, хотя бы и сводный!»

«Сволочь он, а не брат. Эгоистичный неврастеник, убежденный, что ему позволено все. Привык только брать. Я долго терпел его капризы и выходки. Отмазывал, расплачивался за его долги. Но сейчас, когда он связался с наркотиками, терпению конец! Мишка, мне светит очень доходное место. Такой шанс выпадает один раз в жизни. Но если босс пронюхает, что мой братец участвует в наркобизнесе, то и моей карьере конец. Прошу тебя, помоги! По-дружески. Я придумал безукоризненный план. Это будет несчастный случай. Просто нужно чуточку поучаствовать в его организации. Я и сам сделал бы, но мне без алиби нельзя. А за мной не заржавеет, ты же знаешь...»

«Вадька, мне приходилось видеть, как самые верные планы летят к черту под хвост из-за какой-нибудь ерунды».

«Мишка, все будет тип-топ. Со своей стороны, я запущу следакам ежа под череп. Они будут копать совсем не там. Да, вот что еще: обязательно обшарь его карманы. Забери наркоту, если найдешь».

– Не надо мне было поддаваться на уговоры, – вздохнул Сквозницкий. – Я как чуял, что погорим и из меня сделают крайнего. Потому и записал нашу милую беседу. Отвечать, так всем...

Сквозницкий рассказал также, что пропажу мобильного он заметил минут через сорок после акции, но посчитал, что трубку у него украли, подрезав карман, возле ларька, где он останавливался, чтобы купить газировки – жажда замучила. Кому он грозил кулаком во дворе? Даже не думал никому грозить, просто вскинул руку в победном жесте.

Эх, напрасно он не поверил своему предчувствию, а ведь оно никогда его не обманывало...

Казалось, следователь Соболь мог бы торжествовать: раскрыть такое сложное дело. Но эйфории он не испытывал. Напротив, пребывал в смущении. Ведь ни в одной из его версий Извозов не фигурировал в качестве подозреваемого. Этот тип,

замысливший и оплативший убийство сводного брата, так и оставался бы в тени, если бы не Пережегин, чья роль в этой истории лишь для непосвященных могла показаться несущественной.

Часть четвертая

АНГЛИЙСКАЯ БУЛАВКА

1

В дорогом, стилизованном под древний замок ресторане «Древняя цитадель» случилось, конечно, всякое, но убийство произошло здесь впервые. Убийство весьма изощренное, будто порожденное самой атмосферой этого не самого обычного заведения.

На Западе уже давно научились делать бизнес на привидениях. Там популярны гостиницы, где призраки бродят ночью по коридорам, стонут и воют, скребутся в двери... Не пустуют и рестораны, где во время ужина при свечах из-за колонн или портьер вдруг появляются ужасные фантомы...

Эта мода на мистику докатилась и до наших палестин. Некий владелец развлекательного комплекса переоборудовал крыло здания в стиле мрачных рыцарских замков и открыл там ресторан «Древняя цитадель». С привидениями.

Зал ресторана находился как бы внутри большой круглой башни, составленной якобы из гигантских, грубо отесанных каменных блоков. Над залом, в вышине, перекрещивались деревянные балки устрашающей толщины, поддерживаемые мощными каменными колоннами. То здесь, то там с балок свисали на кованых крюках тяжеленные железные цепи. Все это, конечно, было не более чем бутафорией (кроме крюков и цепей), но впечатление на посетителей производило.

Шесть факелов, укрепленных высоко на стенах, лишь отчасти рассеивали мрак. Официанты щеголяли в ливреях эпохи Столетней войны. Кухня отличалась разнообразием, блюда подавались на серебряной посуде, а напитки – в кубках.

Но не только интерьеры привлекали сюда пресыщенную публику. По вечерам здесь разыгрывались представления с участием призраков. Первый номер программы назывался «Летающее привидение».

...Вдруг разом гасли все факелы. Зал погружался в непроглядную темень. Но вот факелы вспыхивали снова, и гости могли видеть, что в вышине, на одной из цепей раскачивается привидение – в белых струящихся одеяниях с надвинутым клобуком, без лица, но с пылающими рубиновыми зрачками. Привидение легко перепрыгивало с цепи на цепь, затем поднималось на балку и, пробежав по ней, вдруг несло, раскинув развевающиеся рукава, прямо на каменную стену. Зрители ахали, факелы гасли снова. В вышине слышался жуткий вой. Через несколько секунд факелы загорались все разом, и гости снова видели то же самое привидение, которое опять раскачивалось на цепи, но... в противоположном конце монолитной башни.

Факелы вспыхивали и гасли неоднократно, и всякий раз привидение возникало в новой точке пространства – от макушки башни до стойки бара. Это было поистине «летающее привидение».

Все, конечно, понимали, что тут какой-то фокус, но разгадки трюка еще никто не нашел.

Затем наступала пауза, чтобы гости успели немного унять волнение и подкрепиться, после чего начинался не менее впечатляющий номер «Отрубленная голова». Всего же за время ужина гостям демонстрировали 5-6 номеров.

Чтобы попасть на представление, требовалось приобрести довольно дорогой входной билет. В «Древнюю цитадель» регулярно наведывались зажиточные чиновники, творческая элита, современное купечество. Привлекали их все эти ужасы, возможно, так они восполняли недостаток адреналина.

2

Это беспрецедентно дерзкое убийство произошло прямо в зале, за столиком, в один из июньских вечеров. Уже начался номер «Отрубленная голова», как вдруг раздался истеричный женский визг. Следом мужской голос нервно выкрикнул:

– Администратор! Немедленно зажгите свет! Врача сюда, быстро! Полицию! Человека убили. Это сделало «Летающее привидение».

Послышались смешки. Публика приняла эти возгласы за часть представления.

Но вот неожиданно для всех вспыхнул яркий электрический свет – оказывается, современное освещение в зале тоже имелось.

Центр событий переместился к столику у средней колонны. Там сидели четверо – два седовласых господина и две молодые женщины в вечерних платьях. Один из мужчин недвижно застыл в своем кресле. Его дорогой серый пиджак был распахнут, галстук съехал набок, как бы открывая вид на огромное красное пятно, расплывшееся на ослепительно белой рубашке. Посередине пятна поблескивало что-то стальное.

Но и сейчас многие решили, что это заранее подготовленная сценка.

Лишь когда вокруг столика собрались растерянные администраторы и охранники, до публики вдруг дошло, что пролилась не бутафорская, а настоящая кровь. В зале началась паника.

3

Старший уполномоченный уголовного розыска капитан Кунгурцев лично опросил главного свидетеля преступления – гражданина Сотникова. Убийство произошло буквально у того на глазах.

С убитым – предпринимателем Сергеем Осинским – они были давними друзьями. Сегодня Осинский пригласил его в «Древнюю цитадель» – свое любимое место отдыха. Хотел обсудить какой-то важный вопрос. Также были приглашены две знакомые дамы (большая просьба не сообщать об этом пунктике женам, ну, вы же понимаете?). Ничто не предвещало беды.

Но вот в какой-то момент, прямо из темной стены вдруг нарисовалось привидение. То самое, летающее. Как бы вальсируя, оно медленно приближалось.

– Все смотрели на подиум, где начался номер «Отрубленная голова», – продолжал Сотников. – Лично я не любитель подобных зрелищ. Я просто разглядывал зал, погруженный в полумрак. Привидение остановилось сбоку от Сергея. Тут и он его увидел. Вскинул голову и рассмеялся: «Ну, что, приятель, сколько ты хочешь за секрет этого фокуса? Эге, да ты как будто стал ниже ростом?» Привидение склонилось к его уху, словно желая что-то шепнуть, а руки, точнее, рукава своего балахона скрестило у него на груди. И, знаете, у него, то есть у призрака,

не было лица! Только пустота, из которой светились два красных зрачка. Сергей продолжал улыбаться. Чтобы не мешать их общению, я стал смотреть на сцену. Но боковым зрением заметил, что привидение отступает в темноту, а Сергей сидит неподвижно, при этом как-то странно запрокинув голову. И вдруг через минуту Вика, это его спутница, завизжала во всю силу своих легких. Она хотела спросить Сергея о чем-то, повернулась к нему, а у него уже вся рубашка была в крови! Тут уж я ударил в набат...

Вика до сих пор находилась в шоке. Да, она видела привидение. То самое, летающее. Но со спины. Оно уже удалялось от стола, а затем скрылось за колонной. Точнее, вроде бы растворилось в самой колонне. И еще. Сергей в последнее время чего-то опасался. Однажды обмолвился, что с него требуют старые долги. Собирался нанять телохранителя... Значит, не успел.

4

Расспросив непосредственных свидетелей преступления, Кунгурцев намеревался заняться артистом, исполнявшим роль летающего привидения. Но прежде вперед выступил администратор – высокий, лобастый мужчина в смокинге с галстуком-бабочкой:

– Разрешите сначала мне... – заметно нервничая, он пробормотал, что искренне рад помочь следствию, но просит взаимопонимания, поскольку речь пойдет о технических секретах этого заведения, секретах, разглашение которых может повредить ресторанному бизнесу.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся Кунгурцев. – Те люди, которые будут работать с нашими протоколами, болтливостью не отличаются. Спокойно излагайте ваши секреты.

– Так вот. Роль привидения на самом деле исполняют два брата-близнеца, гимнасты Долгорукие, – прошептал администратор. – Это старый трюк. Еще более ста лет назад его использовал великий Дуров. Балахоны сшиты из парашютного шелка. Лица гимнастов закрыты масками из черной ткани с вмонтированными светодиодами. Отсюда эффект светящихся, будто из пустоты, зрачков. Факелы у нас газовые. Их пламя легко регулируется оператором. Жуткий вой воспроизводится

также с пульта. Но главный наш секрет в другом, – администратор заговорил еще тише: – В стенах и в колоннах, которые отнюдь не каменные, а полые и лишь снаружи обшиты декоративным материалом, сделаны потайные дверцы – вверху и внизу, соединенные попарно винтовыми лесенками и переходами. Привидение летит прямо на «каменную» стену... У наших гостей – мороз по коже! Но гаснет свет, и никто не видит, что перед гимнастом-«привидением» раскрывается потайная дверца и он мягко приземляется на спортивный мат. Дверца за ним тут же захлопывается, опять вспыхивают факелы, и зрители видят вроде бы то же самое привидение в другом конце зала. Но это его брат. Пока этот, второй брат развлекает гостей, первый успевает перебежать к третьей точке и приготовиться к выходу через соответствующую потайную дверцу. Ну и так далее. Карусель! Для вас, вероятно, сейчас важно услышать, где братья находились после выступления? Так вот: оба были у себя в гримерной. Я лично готов засвидетельствовать их алиби. Да вы проверьте.

– Обязательно проверим. Но если все так, то получается, что роль привидения в зале сыграл сегодня кто-то третий? Кто-то, хорошо осведомленный о ваших секретах и подготовивший точно такой же балахон...

– В последнем нет нужды, – вздохнул администратор. – За всеми потайными дверцами у нас висят резервные балахоны.

– Зачем?

– У нас солидное заведение. С костюмом артиста может случиться всякое. На белоснежную ткань может сесть жирное пятно, какая-нибудь складка может зацепиться за гвоздь и так далее. А показываться перед гостями в неопрятном виде привидению не подобает по статусу. Поэтому резервный костюм всегда должен быть наготове и под рукой.

Капитан поднялся:

– Что ж, давайте проверим, каким из резервных балахонов воспользовался убийца.

5

Искать долго не пришлось.

Убийца взял балахон, который висел за дверцей в тайнике, устроенном в нижней части бутафорской стены башни. Адми-

нистратор тут же пояснил, что этим тайником артисты не пользовались, поскольку в нем производится ремонт. И точно, у фанерной стенки были сложены строительные материалы: пакеты с песком и цементом, коробки с гвоздями, банки с краской.

Да, именно здесь ждал своей минуты убийца. Здесь же он стянул с себя ставший ненужным балахон. Тот валялся сейчас на полу мягким комом.

Сыщики тщательно осмотрели свою находку.

– Ага! – воскликнул один, указывая на две небольшие равные дырочки на правом рукаве балахона. – За гвоздь он, что ли, зацепился?

– Это следы от булавки, – осенило Кунгурцева. – Братья-гимнасты – настоящие гиганты, балахоны пошиты по их габаритам. А преступник был невысокого роста, как подметил свидетель. Значит, рукав балахона свисал у него ниже пальцев и мог помешать нанести точный удар. Поэтому он подколол правый рукав у запястья английской булавкой.

– Гениально мыслишь, начальник.

– Пойдите, я вам сейчас выдам еще и не такую гениальную идею, – пообещал Кунгурцев, приглядываясь к дырочкам. – Видите крохотное бурое пятнышко? Это кровь убийцы. Он либо забыл про булавку, либо неловко раскрыл ее, и она царапнула ему палец. Полагаю, он чертыхнулся, рванул ее и швырнул прочь. Стало быть, орлы, она, эта булабочка, где-то здесь, у нас под ногами. Какая-никакая, а улика. Начинаем искать.

Булавка нашлась за ящиком с гвоздями. И точно – английская булавка, притом нестандартной формы.

6

Кунгурцев сидел за ресторанным столиком, на котором были разложены вещдоки – балахон, клиновидное лезвие без рукоятки, английская булавка – и мысленно подводил итоги оперативно-розыскных мероприятий.

Итак, убит крупный предприниматель Осинский. Это заказное убийство.

На роль исполнителя более других тянул киллер, который проходил по полицейским сводкам как Дюбель. Никто не видел его в лицо, и о нем было известно лишь то, что он небольшого роста. Впрочем, известен был и его почерк. Дюбель, с его

железными пальцами-клещами, мог убить человека любым заостренным предметом, хотя бы и щепкой. Словно дюбель вколачивал из монтажного пистолета.

Убийство произошло в многолюдном зале, камера слежения записала эту сцену, но зацепки нет ни малейшей. Такое впечатление, что убийцей было именно бесплотное привидение.

Ясно только одно: в этом деле не обошлось без наводчика. Дюбель знал все секреты заведения. Даже то, что один из тайников ремонтируется. Он учел всякую мелочь, не забыл, что длинный рукав надо будет заколоть булавкой. Профи.

Входной билет, надо полагать, он купил заранее, возможно, через кого-то. В зал вошел вместе с какой-нибудь большой компанией, и пока народ рассаживался, попросту спрятался в том самом тайнике, в дверце которого, кстати говоря, имелось потайное окошко для наблюдения за залом. По понятным причинам он пропустил номер «Летающее привидение», а когда народ стал смотреть «Отрубленную голову», спокойно вышел в зал, сделал свое дело, вернулся в тайник и сбросил балахон, повозившись немного с булавкой. Дождавшись момента, когда поднимется шум, на который сбежалась охрана, он выскользнул из тайника и, никем не замеченный, покинул зал. Оказавшись в холле, он мог подняться на второй этаж, пройти через зал аттракционов и выйти на параллельную улицу. А там ищи ветра в поле.

Уже завтра-послезавтра он будет где-нибудь далеко. На Кипре или в Молдавии. Человек-невидимка. Похоже, он снова обыграл всех.

Кунгурцев подозвал помощника:

– Отправляйте улики в лабораторию.

Тот ответил как-то странно, не по-служивому:

– Да уж время-то за полночь. Раньше завтрашнего утра там никто и не почешется.

– Не понял, – нахмурился старший оперуполномоченный.

– Тут такое дело... – замялся помощник. – Мы составили полный список сегодняшних посетителей ресторана. В списке – некий Пережегин, «народный эксперт», как он себя называет. Это тот самый мужик, который полгода назад каким-то хитроумным способом вычислил убийцу ночного мотоциклиста в проходном дворе. Он, то есть Пережегин, и сейчас здесь. Может, позвать его и ввести в курс дела? Мало ли что? А уж после отправим улики по назначению.

– Только колдунов мне здесь не хватало, – недовольно поморщился Кунгурцев. Он еще раз обвел взглядом интерьер ресторана, и ему вдруг подумалось, что вся эта мистическая обстановка требует для расследования именно необычного специалиста, каким был, если верить гулявшим полицейским байкам, этот самый Пережегин.

Капитан махнул рукой:

– Ладно, зови своего «народного эксперта». По большому счету, мы все равно уже опоздали.

7

С минуту Пережегин водил ладонями над вещдоками – балахоном, лезвием и булавкой, не прикасаясь, однако, к ним. Очень быстро его интерес сосредоточился только на двух уликах: балахоне и булавке.

– Между этим «костюмчиком» и булавкой существует очень тесная связь, – сказал он, наконец. – Какой-то период времени эти вещицы были, образно говоря, неразлучны.

– Даже так? – не поверил Кунгурцев. – А мы-то считаем, что убийца купил булавку по дороге сюда. Может, в галантерейном отделе этого же торгово-развлекательного комплекса. – Он перевел взгляд на помощника: – Прямо с утра надо опросить продавщиц. Не исключено, что они запомнили покупателя. Мужчины нечасто покупают булавки.

– Пустые хлопоты, – покачал головой Пережегин. – Убийца не мог купить эту булавку минувшим днем по той причине, что это старинная вещица, изготовленная, пожалуй, еще до войны. Посмотрите на ее размер, на оригинальную форму головки, на изгиб. Сейчас булавки просто штампуют. А эта булавка хоть и фабричного производства, но штучной работы. Знаете, ведь прежде была мода носить английские булавки в качестве амулета. Поэтому производители старались разнообразить их ассортимент... – Пережегин еще поводил ладонью, теперь уже только над булавкой: – Нет, этот амулет не принадлежал убийце. Иначе он не выбросил бы его. Ведь не похоже, что потерял, верно? Именно выбросил! Но как же он оказался у него? Загадка...

– Ничуть не сомневаюсь, что число загадок в этом гиблом деле будет только множиться, – со вздохом констатировал

Кунгурцев. Он поднялся: – Что ж, Петр Мефодьевич, извините, что потревожили. Очень уж хотелось поймать этого человека-невидимку по горячим следам.

– Не торопитесь с выводами, – остановил его Пережегин. – Ведь существует еще мощная связь между булавкой и балахоном. Булавка, булавка... Каким же боком она попала сюда? Булавка... В ней ключ ко всей этой истории. – Вдруг его глаза вспыхнули, и он с такой силой хлопнул тяжелой ладонью по столу, что Кунгурцев вздрогнул. – Портниха! – воскликнул «народный эксперт». – Конечно ж, портниха. Послушайте, надо немедленно узнать, кто шьет костюмы для ресторанных артистов. Быстро! Быть может, это вопрос жизни и смерти. – Складывалось впечатление, что Пережегин взял в свои крепкие руки нити следствия.

Вскоре в зал торопливой походкой вошел перепуганный администратор в сопровождении посланного за ним оперативника.

– Кто шьет костюмы для артистов?! – не дожидаясь его приближения, громовым голосом спросил Пережегин.

– Наша портниха-надомница Клава Лашкова, – скороговоркой выпалил тот. – Она же снимает мерки с артистов и вообще считается у нас своей. Замечательная женщина – добрая, отзывчивая, хозяйственная, но, увы, одинокая. Послушайте, неужели она могла...

– Адрес! – заорал Пережегин.

– Что? – растерялся администратор.

– Домашний адрес портнихи!

– Она живет где-то в пригороде, но точного адреса я не помню. Впрочем, можно посмотреть в нашей базе данных.

– Ну, так идите же и посмотрите. Быстро! – распорядился Пережегин. – Как? Вы еще здесь?

– Уже бегу...

Пережегин повернулся к Кунгурцеву:

– Товарищ офицер, настоятельно рекомендую вам поспешить за администратором. Как только он найдет адрес портнихи, немедленно вызывайте туда группу захвата. Да и сами поезжайте туда же. Вы имеете хороший шанс не только задержать убийцу, но и, быть может, спасти жизнь этой несчастной дурехи. При движении по городу включите сирену и жмите на всю железку, тут дорога каждая секунда.

Кунгурцеву, по логике вещей, следовало бы подняться и в командирском стиле положить конец этому спектаклю. Но он, сорвавшись с кресла, помчался вдогонку за администратором, на ходу приказав своим орлам ждать его в заведенной машине.

8

Дачный поселок тихо дремал на фоне хвойного массива.

В пустынном переулке, в глубине участка стоял старый деревянный дом в четыре окна по фасаду. В окнах, задернутых занавесками, горел свет. Вокруг дома и вдоль забора темной массой поднимались кусты.

– Действовать будем по обстановке, – отдал последнее распоряжение Кунгурцев. – Всем все ясно? Тогда – вперед!

Оперативники неслышно перемахнули через забор.

Кунгурцев первым подкрался к окну и заглянул в дом. Как он сам признавался позже, открывшаяся картина заставила действовать без промедления. А увидел он вот что: на кровати билась в судорогах полунагая крупная женщина, пытаясь сорвать с головы полиэтиленовый пакет. Ее намерениям препятствовал верткий, жилистый мужчина, который сидел на ней верхом и стягивал этот пакет все плотнее вокруг ее горла.

Кунгурцев подхватил снизу какое-то полено, с размаху вышиб им стекла и, оттолкнувшись от расшатанного ящика, запрыгнул в комнату, держа в вытянутой руке пистолет:

– Дюбель, это финальный акт спектакля! Руки за голову! Не то перебью оба локтя!

В комнате стоял сильный запах бензина.

9

Около месяца назад в жизни портнихи Клавды Лашковой, 38-летней разведенки, ласковой и мечтательной, произошло волнующее событие. В городе к ней обратился с вопросом один приезжий. Она ответила, он что-то уточнил, и так слово за слово они разговорились, а после он пригласил ее в кафе. Ну что тут долго рассказывать? Анатолий, так он назвался, стал у нее жить. Был он исключительно заботливым, деликатным, нежным, не скупился на подарки и по дому много помогал.

Идеальный мужчина. Поначалу она просто радовалась каждому часу нежданного счастья, а потом вдруг решила, что он – ее судьба. И, чтобы приворожить к себе милого дружка сильнее, прицепила с внутренней стороны его пиджака, к подкладке, свою заветную английскую булавку, которая до сих пор приносила ей удачу в портновском ремесле.

И это подействовало. Анатолий с каждым днем все живее интересовался ее работой, расспрашивал про ресторан, в котором, как он слышал от кого-то, показывают всякие чудеса. Клава охотно, с добродушным юмором рассказывала ему обо всем. О том, что все эти чудеса просто ловко подстроены, сама она узнала от своей подруги уборщицы Вали, которая убирала внутри башни, карабкаясь по всем этим лесенкам, площадкам и трапам.

Он все же заметил ее булавку в своем пиджаке и спросил, для чего она ее прицепила?

Клава не стала говорить всей правды, просто ответила, что эта булавка приносит удачу. Мол, береги ее, милый. Он рассмеялся: «Что ж, удача скоро мне понадобится!»

Женщина и в мыслях не держала, что ее новый знакомый – безжалостный бандит, киллер Дюбель. Не догадывалась даже, что их знакомство не было случайным.

Получив заказ на убийство, Дюбель начал слежку и вскоре пришел к выводу, что проще всего совершить акцию в ресторане «Древняя цитадель», куда Осинский, всегда окруженный людьми, ходил расслабляться по четвергам. Но требовался надежный информатор. Изучая обстановку вокруг ресторана, Дюбель приметил однажды крупную «домашнюю» блондинку, которую привечала охрана. Будучи хорошим физиономистом, он сразу же определил, что женщина одинока. Познакомиться с ней и очаровать ее для него не составляло труда. Вдобавок оказалось, что Клава владеет отдельным домом в ближнем пригороде. Идеальный случай. Даже ее булавка пришлась кстати. Дюбель уже знал, что рукав балахона окажется для него слишком длинным.

Акция прошла гладко. Вот только эта чертова булавка оцарапала палец. Он в сердцах отшвырнул ее прочь. Через секунду пожалел о своей нервной вспышке. Все же нужно было унести булавку с собой. Ладно, черт с ней! Кто будет ее искать, а если даже найдут, что с того? Он уже будет далеко.

Но оставалось последнее: заставить замолчать навсегда женщину, которая могла описать его внешность и привычки. Ее смерть следовало представить как несчастный случай: выпила немного крепленого вина для настроения, крепко уснула, а в доме возник пожар. Убийство с последующим поджогом он наметил на второй час ночи: именно к этому времени в соседних домах засыпали...

Стремительная атака оперативников стала для него полной неожиданностью.

От автора:

Редкий случай, когда в отчете Пережегина проблеснули эмоции. «Народный эксперт» так и записал: «Дурак он, этот, Дюбель. Ему же сказали: береги булавку, а он ее выбросил. Он не булавку, он удачу свою выбросил».

К чести Кунгурцева, он подробно доложил своему начальству о той роли, которую сыграл в этом деле «народный эксперт». Высокое начальство соизволило позвонить Пережегину и выразить ему устную благодарность. Однако ни в одном официальном документе нет даже намека на этот эпизод.

Кунгурцев пошел гораздо дальше. Он, как это принято у силовиков, «проставился». Но о том, где именно состоялось застолье, кто еще на нем присутствовал и какие речи звучали между тостами, имеющиеся в моем распоряжении файлы умалчивают.

В отчете Пережегина приводится лишь сам факт неформальной встречи, а вот какие-либо ее подробности отсутствуют.

Часть пятая РАЗБИТЫЙ АМУЛЕТ

1

Погожим июльским днем на прием к Пережегину пришла невысокая, изящная брюнетка лет тридцати с хвостиком.

Ее элегантно летнее платье, серьги с бриллиантами и несколько колечек с камнями говорили о достатке и обеспеченности, но большие с поволокой карие глаза выдавали страх, терзавший ее, похоже, уже продолжительное время.

– Зенцова, Татьяна Алексеевна, – представилась посетительница. – Можно просто Татьяна. А вы тот самый Пережегин, да? Экстрасенс, который видит все насквозь?

Владелец «Бюро находок» прокашлялся:

– Всем своим клиентам я честно объясняю, что я никакой не ясновидец и не маг и в тайники человеческой психики проникать не умею. Я просто наделен даром воспринимать энергетику предметов, видеть связь между вещами и людьми. Творить чудеса не могу, сектор моих возможностей весьма узок.

– И все же именно вы тот единственный человек, который способен мне помочь, – не без пафоса заявила посетительница.

– Что ж, давайте послушаем вашу историю, – жестом Пережегин указал ей на стул.

Посетительница молча достала из сумочки свернутый плащечек. Внутри находился разбитый на части плоский черный камешек размером с циферблат наручных часов.

– Это мой амулет, – ее голос дрогнул. – Вернее, то, что от него осталось.

– На вид самая обыкновенная речная галька...

– Верно, галька, только не речная, а морская, с тоненькой сквозной дырочкой, образовавшейся естественным путем. Такой камень называют «куриным богом». Считается, что он приносит удачу. Его нашел мой муж во время нашего свадебного путешествия в прошлом году, гуляя по морскому берегу после отлива. Камень оказался действительно счастливым и стал нашим семейным амулетом. И вот он разбит...

– Разрешите взглянуть. – Пережегин придвинул к себе осколки и пару минут сосредоточенно изучал их. Затем поднял на посетительницу серьезные глаза: – Как это произошло?

Она поежилась, словно от озноба:

– Чтобы все было понятно, я должна рассказать историю, случившуюся со мной в восьмилетнем возрасте. В то лето родители впервые отвезли меня к бабушке в станицу в одной из южных областей России. Однажды я гуляла вместе с подружками за околицей. Там тянулся неглубокий овражек, а вокруг него росли густые кусты. Вдруг из кустов прямо перед нами выскочил ужасный человек в зеленой шляпе, из-под ленты которой торчало гусиное перо. На нем была черная куртка с белой эмблемой на груди, а на поясе висел большой нож. Мои подружки бросились врассыпную, а я стояла как вкопанная.

Незнакомец медленно приближался ко мне. На его лице блуждала ужасная улыбка. По счастью, рядом пастух пас коров. Он, услышав шум, помчался на него, размахивая своим кнутом, и тогда этот ужасный человек, оставив меня, скрылся в овраге. Собрались мужчины, обшарили все вокруг, но не нашли никаких следов незнакомца. Уже позднее я узнала, что в тот год в соседних станицах были зверски замучены несколько девочек и будто бы там видели неизвестного мужчину в зеленой шляпе с пером. Его искали по всей округе, но тщетно...

Пережегин слушал, не перебивая.

Женщина перевела дух и продолжала:

– Тогда, в детстве, я удивительно легко справилась с этим стрессом. С годами это жуткое переживание почти забылось. Но вот примерно полтора месяца назад этот страшный человек снова появился в моей жизни. В той же зеленой шляпе с пером, в черной куртке с белой эмблемой на груди, с большим ножом на поясе. Я стала примечать его повсюду: то в толпе, то в проезжавшем мимо транспорте, то в глубине какого-нибудь переулочка...

– Он преследовал вас?

– Нет, он словно бы хотел напугать меня. Ждал, когда я замечу его, издевательски улыбался, а затем исчезал, словно проваливался сквозь землю.

– Вы рассказывали кому-нибудь об этом?

– Рассказала только мужу, хотя и не сразу. Не хотела его тревожить понапрасну. Но, увы, пришлось. А вчера этот жуткий фантом появился днем в нашем дворе. Я первой вышла из подъезда и ясно увидела его возле гаражей. Он даже чуть приподнял шляпу, как бы посылая мне издевательский привет. В этот момент из подъезда вышел муж. И в ту же секунду призрак исчез. Муж вместе с водителем обошли весь двор, заглянули во все щели, расспросили всех встречных, но человека в зеленой шляпе не видел никто, кроме меня...

– Муж поверил вам?

– Конечно. Он не считает меня истеричкой!

– Успокойтесь, Татьяна Алексеевна, и продолжайте эту действительно необычайную историю.

– Развязка наступила вчера же, вечером. Вернувшись с работы, муж нашел в почтовом ящике конверт, в котором находились вот эти осколки.

– То есть получается, что амулет у вас сначала похитили? Когда вы в последний раз видели его целым?

– Днем, после появления призрака в нашем дворе. Сразу же после этого я достала амулет из сумочки и подержала в руках несколько минут. Это меня успокоило, и я отправилась по своим делам, амулет же вернула на место, в сумочку. До вечера я больше не вспоминала о нем. Спихватилась только тогда, когда увидела эти ужасные осколки. Ума не приложу, как амулет мог исчезнуть из сумочки, ведь я не выпускала ее из рук! – Она задумалась: – Разве что в обувном магазине, когда примеряла туфли. Но сумочка находилась рядом со мной, на кушетке...

– Вы обсудили ситуацию с мужем? – сощурился Пережегин. – Ведь он, как я понимаю, располагает немалыми возможностями?

– Да, Виктор Иванович – член правления крупного банка, – с гордостью сообщила она. – Он, собственно, и предложил мне обратиться к частному профессионалу, который умеет держать язык за зубами. Навел справки, и кто-то из знакомых посоветовал обратиться именно к вам. – Она устремила на собеседника тревожный взор своих ясных глаз: – Умоляю, помогите.

– Быть может, удастся отвести беду, – проговорил Пережегин, не отрывая пристального взгляда от осколков. – Но что еще намерен предпринять по этому поводу ваш муж?

– Он сказал, что, начиная с настоящего момента, он постарается неотлучно быть рядом со мной и ночевать мы будем на даче, за городом, куда этот призрак вряд ли доберется, а если и доберется, то получит на орехи.

– Что ж, в этом решении есть резон, – кивнул Пережегин. – Однако дело слишком серьезное, чтобы полагаться на удачу. Разбитый амулет – это не шутка. Татьяна Алексеевна, позвоните мужу прямо сейчас. Мне нужно срочно встретиться с ним.

2

Виктор Иванович Зенцов вид имел моложавый и спортивный, и все же Пережегин не усомнился, что тот на добрых полтора десятка лет старше своей супруги.

Вежливо отказавшись от предложения выпить чашечку кофе, равно как и рюмочку коньяка, Пережегин без промедления перешел к расспросам.

– Могу я узнать, Виктор Иванович, кто именно рекомендовал вам обратиться к моей скромной персоне?

– Помилуйте, какие секреты, – отозвался тот мужественным баритоном. – Когда вся эта таинственная история, заставлявшая Танюшу страдать, зашла слишком далеко, я понял, что надо принимать экстренные меры. Но не обращаться же в полицию. Там просто посмеются над нашими страхами! Нанять парочку телохранителей? Но в этом деле требуются не крепкие кулаки, а аналитический ум. Поэтому я позвонил своему доброму знакомому, генералу Кирпичникову и попросил совета, не называя, разумеется, никаких подробностей. Генерал ответил, что тут нужен профессионал со стороны, умеющий как молчать, так и копать приватным образом, и назвал ваше имя.

– Ясно, – кивнул Пережегин. – Правильно ли я понял, что число людей, посвященных в вашу семейную тайну, минимально?

– Да вообще никто в нее не посвящен. Только мы с Танюшей, а теперь еще вы.

– Плюс призрак, – напомнил гость.

– Ну да, еще этот чертов призрак.

– Вы полностью исключаете вероятность того, что вашу беседу с женой мог кто-нибудь подслушать?

– На все сто, – кивнул Зенцов. – Разговор Татьяна впервые завела, когда мы были на даче. Я очень хорошо все помню. Мы сидели на веранде, пили чай, и тут она заговорила о своем детстве. Во всем доме мы были с ней одни. – Внезапно он встрепенулся: – Хотя накануне я попросил нашего сторожа Поликарпа Матвеевича прийти днем и поправить штакетник с тыльной стороны участка. Да-да, во время нашей с Таней беседы сторож точно находился на даче. Но, хотя окна веранды были распахнуты настежь, он вряд ли мог что-либо услышать. Смутно припоминаю, что все это время слышались удары молотка... – Банкир устремил на собеседника цепкий взгляд. – Так вы считаете, что старик мог иметь к этому какое-либо отношение? Послушайте, но он же заслуженный ветеран, я знаю его много лет.

– А я его не знаю вовсе, поэтому и утверждать что-либо определенное не могу, – спокойно ответил Пережегин. – Но проверить обязан, тем более что вы собираетесь искать убежище именно на даче.

– Пусть только этот тип посмеет сунуться на мою территорию. Пристрелю как бешеного пса, имею на это законное право! Что же касается вас, уважаемый Петр Мефодьевич, то очень надеюсь, что за выходные дни вы существенно продвинетесь в ваших расследованиях. Кстати, вас я тоже приглашаю в гости, приезжайте в любое удобное для вас время.

– Где расположена ваша дача?

– Недалеко от Зеленогорска, рядом с морем.

– Я так понял, у вас имеется оружие?

– Всего лишь спортивный арбалет.

– Современный арбалет, даже спортивный – это весьма грозное оружие, – заметил гость. – Он ведь, кажется, оснащен оптическим прицелом?

– Приезжайте ко мне на дачу, увидите сами, – кивнул банкир и добавил не без бахвальства: – Я, между прочим, мастер спорта по этому виду стрельбы, хотя уже давно не участвую в соревнованиях.

– Значит, в случае опасности за жену постоять сумеете?

– Не сомневайтесь, – он стиснул тугой кулак.

– Очень рассчитываю, что до стрельбы в этой истории дело не дойдет, – задумчиво проговорил Пережегин. – Нет, вашего сторожа я пока ни в чем не подозреваю, но ознакомиться с общей обстановкой на даче просто обязан. Буду вам благодарен, если вы прямо сейчас позвоните Поликарпу Матвеевичу. Предупредите старика, что я подъеду в течение часа. И пусть он оказывает мне всяческое содействие по всем тем вопросам, которые у меня возникнут.

3

Пережегин остановил свою издававшую виды темно-синюю «киа» у обочины и выбрался наружу.

Со стороны тихой дачной улицы участок был огорожен высоким, в полтора человеческих роста крепким деревянным забором с кирпичными стойками.

В глубине участка поднимались высоченные корабельные сосны, между стволами которых живописно проглядывала покатая черепичная крыша уютного особнячка. За раздвижными металлическими воротами раздался залиvisto-грозный собачий лай.

– Буян, замри, но будь рядышком, – слышался благодушный возглас.

Лай тотчас смолк, следом распахнулась калитка. В проеме стоял плотный и крепкий, лысоватый, с носом картошкой и ярким румянцем на щеках пенсионер. Его маленькие глазки лучились неиссякаемой житейской сметкой. Что-то в облике сторожа роднило его с «народным экспертом». Сбоку, в позе грифона сидел огромный лохматый пес.

– Если вы и есть Петр Мефодьевич, то хозяин велел принять вас со всем почетом, – объявил сторож. – Чайку прикажете? Или к рюмочке с устатку больше склоняетесь?

– Афганская овчарка, – кивнул Пережегин на собаку.

– Она самая.

– Верный пес.

– Точно. Верный и преданный. Вы, я смотрю, разбираетесь в собачках?

– Есть немного...

– Тогда должны понимать, что афганская овчарка при хозяине гостя без команды не тронет. Проходите без опаски.

– Спасибо за приглашение.

Войдя во двор, Пережегин огляделся. Двухэтажный особняк из белого кирпича с верандой и мансардой. пышная клумба перед высоким крыльцом. В центре – зеленая лужайка, окруженная соснами. Вдоль левого бокового забора – ягодные кусты. Справа от дома – гараж и хозяйственные постройки. А в глубине, перед могучим деревом, фанерный щит с прикрепленной к нему мишенью.

– Хозяин любит поупражняться с арбалетом, – пояснил сторож. – А уж пуляет так, что одну стрелу расщепляет другой, как Робин Гуд.

Совсем другая картина открылась гостю, когда он прошел в сопровождении сторожа, который не отставал от него ни на шаг, к дальней стороне участка. Соседний с тылу двор отделялся от зенцовского низеньким забором из свежих штакетин. Двор зарос высокой травой, был весь усеян хворостом и опавшими листьями. Двухэтажный деревянный дом старой, еще, очевидно, довоенной постройки, сильно покосился и явно был нежилым. Об этом говорили его окна, крест-накрест заколоченные досками.

– Чей это теремок? – осведомился Пережегин.

– Теперь тоже наш, – крикнул бравый ветеран. – То есть зенцовский. А раньше здесь жили старики Есауловы. Да уж лет пять как померли. Сынок их в Мурманске обитает с семьей. Приедут летом на две-три недельки, поживут-отдохнут и снова уедут. А ведь дому без хозяина никак нельзя, ветшает. Ну, Виктор Иванович переговорил с ними, они и согласились продать свою недвижимость, цена которой, честно говоря, суший грош. Хотя земелька в здешних местах, конечно, золотая.

– Если теремок теперь ваш, то зачем штакетник между участками?

– А чтобы гости без дела туда не шлЯлись. Там же все прогнило. Сломает кто-нибудь ногу по неосторожности, а нам отвечать. Ну ничего, в октябре этот дом начнут разбирать.

– Почему только в октябре?

– Виктор Иванович, а в особенности хозяйка, обожают дачный покой. Лето, оно ведь для отдыха предназначено, а не для ремонта. Да и сентябрь в наших краях обычно бывает мягким. Потому разборку этой халупы и отодвинули на октябрь.

– Давайте-ка подойдем к теремку поближе.

– Пожалуйте сюда. Я здесь калитку смастерил, чтобы, в мои-то годы, через штакетник лишний раз не перелезать.

4

Вблизи заброшенный дом производил еще более тягостное впечатление. Казалось, довольно одного толчка, чтобы он превратился в грудy трухи. Вход в сие ветхое строение располагался с обратной стороны от зенцовской дачи.

Пережегин взошел на невысокое крыльцо с резным навесом, покореженное от неравномерной просадки. На двери со следами синей краски висел массивный навесной замок.

С полминуты Пережегин сосредоточенно разглядывал его. Затем повернулся к сторожу, который по-прежнему держался рядом.

– Ключ от теремка у вас, любезный Поликарп Матвеевич?

– Ключи сразу забрала хозяйка. Где она их держит, понятия не имею, и никаких распоряжений насчет этой халупы никогда от нее не получал. Как и от хозяина.

– Понятно...

Пережегин вдруг как-то странно замер и поднес руку к груди.

– Ох! – выдохнул он и присел на ступеньку. – Воздуха что-то не хватает... Поликарп Матвеевич, не считите за труд; в бардачке моей машины лежит флакончик с желтыми таблетками; принесите, пожалуйста...

– Это я мигом, – встревожился ветеран и торопливо зашагал по тропинке.

Едва он скрылся за углом, как недомогание Пережегина словно рукой сняло. Пружинисто поднявшись на ноги, он пошарил рукой по притолоке и обнаружил там то, что искал: плоский ключ. Замок открылся легко, словно им пользовались совсем недавно.

Из пыльной прихожей на второй этаж вела крутая прогнившая лестница. Перешагивая через провалы, Пережегин поднялся наверх, оказавшись в мансарде, где не было ничего кроме двух-трех предметов мебели, совершенно рассохшихся, и добела выцветших рваных обоев.

Единственное окно выходило на зенцовскую дачу. Оно было серым от пыли, однако стекло в самом уголке кто-то аккуратно протер, причем совсем недавно.

Пережегин открыл дверцу стенного шкафчика. Внутри, на гвозде, висела легкая черная куртка. «Народный эксперт» расправил ее перед собой и увидел большую белую эмблему спереди. На верхней полке примостилась зеленая тирольская шляпа с вставленным под ленту гусиным пером. Под шляпой лежал большой, размером с тесак, нож в кожаных ножнах. И шляпа, и куртка были новыми. Складывалось впечатление, что их не надевали еще ни разу.

«Реквизит на месте, – пробормотал «народный эксперт», разглядывая находки. – Остается вычислить, для кого он предназначен»...

У штакетника появился сторож. Пережегин быстро спустился вниз, закрыл замок и сунул ключ на прежнее место, после чего снова уселся на крыльцо в страдальческой позе.

Не прошло и минуты, как из-за угла показался запыхавшийся Поликарп Матвеевич:

– Весь бардачок я у вас, извиняюсь, переворочил, а таблеток не нашел, – сокрушенно сообщил он.

– Должно быть, я оставил их в конторе, – посетовал Пережегин, поднимаясь. – Да шут с ними, уже отпустило, простите, что напрасно побеспокоил.

– Помилуйте, разве ж это беспокойство.

– Вы мне лучше вот что скажите: своего Буяна вы оставляете на ночь на участке? – переменял тему Пережегин.

– Никак нет, – покачал тот головой. – Хозяева обычно привозят с собой Маркиза, домашнего кота, чтобы тот порезвился здесь. Поэтому у меня четкий приказ: как только они въезжают в ворота, я тотчас увожу пса к себе домой. Я же тут поблизости живу, – пояснил он.

– А что у них за кот? Породистый, наверное?

– Не то слово. Китайский вислоухий кот апельсинового окраса. Большая редкость в Питере. Медалист. Кучу денег стоит. Они с ним нянчатся, как с ребенком.

– Хотелось бы взглянуть на этого красавца, но, увы, надо возвращаться в контору. Дела. Кстати, не покажете мне хозяйский арбалет? Никогда не держал в руках такого оружия.

– Да за милую душу.

Пройдя со сторожем в дом, Пережегин выяснил еще одну любопытную особенность: окна спальни Зенцовых выходили на заброшенный теремок.

5

Однако возвращаться в свою контору «народный эксперт» вовсе не собирался. Выехав из дачного поселка, он свернул в сторону соседнего Зеленогорска, где и расположился в тихом кафе недалеко от вокзала. Заказав кофе со слойкой, он достал сотовый телефон и включил особый междугородный номер. Абонент, находившийся далеко на юге, ответил без задержки.

– Валентин, мне срочно нужна информация по старой базе данных, – тихо проговорил в трубку Пережегин. – Записывай вопросы... Как только зацепишь что-нибудь стоящее, сразу звони, я буду ждать.

Он как раз допивал кофе, когда Валентин позвонил. Пережегин слушал внимательно, но, похоже, все же рассчитывал на более обстоятельный ответ.

– Попробуй копнуть вот еще где... – Он поставил собеседнику новую задачу, снова подчеркнув, что дело крайне срочное.

Когда «народный эксперт» вышел на улицу, солнце стояло еще высоко, хотя время было вечернее. Он снова достал трубку, набрав на этот раз номер Зенцова. Как выяснилось, супруги уже прибыли на дачу.

Пережегин сообщил, что продолжает расследование и что, возможно, завтра утром у него появятся новости. Татьяна Алексеевна он просил передать, чтобы она не волновалась, все закончится хорошо.

Затем он поехал к Центральному парку.

Оставив автомобиль на стоянке, прогулялся по тенистым аллеям, подкрепился шашлыком, полакомился мороженым и еще долго вышагивал вдоль песчаного морского берега, наблюдая за купальщиками и размышляя о своем.

Человек с юга звонил ему еще дважды, и новая информация все больше убеждала Пережегина в том, что основные события произойдут сегодня до рассвета, именно в тот краткий промежуток светлой питерской ночи, когда воцарится относительная темень.

Первые признаки сумерек появились в густеющем воздухе лишь во втором часу пополудни. Пережегин не без сожаления покинул уютный парк, в котором царила прохлада, вернулся к машине, завел ее и на малой скорости двинулся в сторону дачного поселка.

6

Параллельная улица, на которую участок с заколоченным теремком смотрел фасадом, была окраинной в поселке. По другую сторону от дороги тянулась полоса леса с кустами вдоль обочины.

Свернув в лесок, Пережегин пристроил машину на ровной площадке под соснами. Подумав немного, взял в бардачке наручники, которые использовал по назначению крайне редко. Пройдя к обочине, он прислушался.

Несмотря на поздний час, лето – светлое и теплое – диктовало свои законы. В дачном поселке спали далеко не все. То там, то здесь слышались приглушенные голоса, звуки музыки, в одном из дальних дворов проводилось какое-то торжество.

Но на участке, что примыкал к зенцовскому двору, царил покой. Пережегин перемахнул через забор и осторожно двинулся

вперед. Воздух еще не сгустился до сиреновой темноты, но, держась в тени зарослей сирени и черемухи, совсем нетрудно было оставаться незамеченным.

Добравшись до середины заброшенного участка, «народный эксперт» снова огляделся. Место было самым удобным для его намерений. Отсюда он одновременно видел дверь теремка с висевшим на ней замком, окно в мансарде, где находился «реквизит», а также окна зенцовской спальни, освещенные сейчас лишь бледным светом ночника.

С четверть часа ничего не происходило. Но вот неподалеку раздался шорох. На лужайку из кустов выбрался крупный рыжий кот. Мягкой поступью он прошел по траве, затем принюхался и бросился вперед, очевидно, за какой-то добычей.

«А действительно – Маркиз!» – констатировал наблюдатель.

Еще минут через десять с той стороны забора, у заколоченной калитки, остановился автомобиль с погашенными огнями. Вышедший из него человек помедлил немного, затем перевалил через забор и, крадучись, направился к крыльцу «теремка».

Темнота сгустилась уже настолько, что черты лица ночного визитера рассмотреть было невозможно, как и особенности его фигуры. Одет он был по-летнему, голова оставалась непокрытой.

Незнакомец уверенно поднялся на крыльцо, достал ключ с притолоки и открыл замок. Пройдя за дверь, которую он оставил открытой, поздний гость включил маленький фонарик и начал подниматься по лестнице.

Пережегин удвоил внимание, стараясь не пропустить ни одной подробности. Вот в мансарде дважды моргнул фонарик, словно подавая кому-то сигнал. И тут же, как бы в ответ ему, в спальне Зенцовых дважды моргнул ночник. Из «теремка» до тонкого слуха Пережегина донесся скрип ступенек.

Вот незнакомец снова появился на крыльце. Теперь он был одет в легкую куртку со светлой эмблемой на груди, голову венчала зеленая шляпа с гусиным пером, а на поясе висел тот самый «злодейский» нож в ножнах.

«Призрак» уверенным шагом двинулся к штакетнику, разделявшему два участка. Он был примерно на середине пути, когда на зенцовской стороне, в пятне света, отбрасываемого фона-

рем на столбе, вдруг возникла кряжистая фигура полуодетого банкира с арбалетом в руках.

– Не знаю, призрак ты или живой человек, но сейчас ты дорого заплатишь за свои фокусы! – рявкнул Зенцов, наводя заряженный арбалет на незнакомца.

И тут, очевидно, случилось что-то, не предвиденное банкиром. Он разразился площадной бранью, которую трудно было ожидать от столь благовоспитанного господина.

Воспользовавшись заминкой, «призрак» круто развернулся и бросился бежать к оставленной машине. Но уж тут на сцену вышел Пережегин.

Метнувшись наперерез, он сбил злоумышленника с ног. Завязалась отчаянная борьба, которая, впрочем, длилась недолго. Пережегин оседлал своего противника, защелкнул на его запястьях «браслеты» и отобрал у него нож.

– Виктор Иванович! – громко возвестил он. – Не натворите глупостей. Здесь я, Пережегин. «Призрак» в моих руках. Идите сюда.

7

Через считанные секунды подбежал Зенцов. Арбалет по-прежнему был у него в руках.

– Тетива лопнула в самый неподходящий момент, – пожаловался он. – Не пойму, как это могло случиться? Такое впечатление, что ее кто-то подрезал.

– Может, оно и к лучшему, – ответил Пережегин.

– Так вы схватили мерзавца? Дайте-ка, я взгляну на него. Нет, впервые вижу эту гнусную рожу. Кто ты такой? Отвечай! Впрочем, пора уже, кажется, вызывать полицию, – он полез в карман пижамы за трубкой.

– Дайте мне сначала десять минут, – попросил Пережегин. – Прежде чем передать этого человека в руки правосудия, я должен расспросить его кое о чем.

– Воля ваша, – развел руками банкир. – Не знаю, как это у вас получилось, но расследование вы провели блестяще, так что командуйте.

– А вы поскучайте пока здесь, – и Пережегин увел пленника в «теремок».

Отсутствовал «народный эксперт» и вправду недолго. На крыльцо он вышел один.

– А где «призрак»? – осведомился банкир.

– Я приковал его наручниками к железной кровати. Никуда он не денется. А нам с вами надо обсудить кое-что. Давайте пройдем к вам во двор.

– Я полностью в вашем распоряжении.

– Преступник признался мне во всем. Это мелкий мошенник по прозвищу Бублик. Он собирался похитить вашего любимого кота Маркиза и потребовать за него выкуп. В тот день, когда Татьяна Алексеевна откровенно рассказала вам о своих фобиях, Бублик сидел в кустах у веранды и слышал каждое слово. А затем он придумал оригинальный сценарий со всеми этими переодеваниями. Это очень изобретательный жулик, хотя и мелкотравчатый.

– Но, позвольте, – изумился Зенцов, – ведь человек в зеленой шляпе являлся Танюше гораздо раньше.

– Полагаю, вашей супруге два-три раза попадались на глаза обычные туристы в тирольских шляпах. Ну а далее – игра воображения и прочие женские штучки. А вот после того как Бублик подслушал вашу беседу, «призрак» действительно стал реальностью. Он же ловко похитил в магазине сумочку вашей жены, извлек амулет и подбросил конверт, рассчитывая, что это облегчит ему задачу.

– Боже мой! – Зенцов молитвенно сложил руки перед собой. – Сколько же этот тип собирался затребовать с меня за Маркиза.

– Поначалу пять тысяч зеленых. Но позднее, убедившись, как сильно вы привязаны к домашнему любимцу, решил повысить ставку до десяти тысяч.

– Что?! – У банкира даже лицо вытянулось. – Из-за такой ничтожной суммы этот негодяй заставлял страдать Татьяну? Да я его в порошок сотру.

– Успокойтесь, – сделал примирительный жест Пережегин. – Все относительно. В нашем городе, а в особенности за его пределами, живет множество людей, для которых даже десять тысяч деревянных рублей – предел мечтаний. Впрочем, давайте лучше обсудим практическую сторону вопроса. Хотите ли вы, чтобы в полицейские протоколы попала история о том, что случилось с вашей женой в детстве? Да или нет? Лично я рекомендовал бы вообще опустить всю мистическую часть этого происшествия. Ну, зачем вам, с вашим положением, сомнительные пересуды за спиной?

– Это мудрый совет, и я его уже оценил, – кивнул банкир.

– Тогда, с вашего разрешения, я попробую убедить в том вашу супругу. Она должна ясно осознать, что отныне ей не будут угрожать никакие «призраки». Полагаю, шум во дворе давно уже разбудил Татьяну Алексеевну. Наш с ней разговор тоже будет коротким, уверяю. А вы пока покараульте нашего пленника, но в дом не входите, ладно?

8

Зенцова сидела на веранде.

– Что там за шум? Я так крепко уснула... – Ее глаза были расширены.

– Довольно лгать! – резко бросил ей Пережегин.

– Что вы себе позволяете?

Он уселся за стол, налил себе стакан сока, выпил в несколько глотков и заговорил:

– Когда вы впервые появились в моей конторе и выложили на мой стол разбитый амулет, то мне хватило одного взгляда на него, чтобы ясно почувствовать: это дело ваших нежных ручек. Вообще, с амулетами и талисманами разбираться легче легкого. «Куриного бога» разбили вы сами кухонным топориком. А коли так, то и весь ваш «стр-р-рашный» рассказ о «призраке» в зеленой шляпе был фальшивым от начала до конца. Вы сочинили эту историю и постоянно подпитывали ее новыми байками, рассчитывая ввергнуть мужа в состояние постоянной тревоги. Но какую конкретную цель вы преследовали? Этого я определить так сразу не мог, но чувствовал, что запах смерти уже витает в воздухе.

Он отпил еще глоток и продолжал:

– Поначалу я решил, что вы задумали избавиться от мужа. Но эта версия отпала быстро. Муж, судя по всему, вполне устраивал вас. Нет, мишенью должен был стать другой человек – в зеленой шляпе и черной куртке с белой, хорошо заметной даже в сумерках эмблемой на левой стороне груди – мишенью в буквальном смысле слова. Но кто он, этот человек? Скорее всего, шантажист, предположил я. Он знает какую-то вашу тайну, чем создает опасность для вашего семейного благополучия. Быть может, речь идет об адюльтере? Какое-то время я всерьез анализировал именно этот вариант. И решительно отмел его

по ряду соображений, которые здесь опущу. Нет, понял я, тут какая-то давняя история, о которой знают только двое: вы и шантажист. Недаром же вы подсознательно повели эту страшилку от своих еще детских лет. Причем этого шантажиста вы должны были знать очень хорошо. Вы знали, что он от вас не отстанет и спокойной жизни вам не даст. Потому-то и возникла идея расправиться с ним руками мужа.

– Подобного бреда я в жизни не слышала, – возмутилась Зенцова.

– Погодите, я еще не закончил, – предостерегающе поднял палец Пережегин. – У меня есть надежный помощник на юге России, собравший богатейшую базу криминальных данных за многие годы. Время от времени я прибегаю к его услугам. Вот и на этот раз я обратился к нему. Зная, по вашей оговорке, что на заре туманной юности вы тоже обитали на юге России, я попросил Валентина поискать какую-нибудь зацепку в уголовных делах того региона, предположительно двадцатилетней давности. Идея, в конечном счете, оказалась плодотворной! Мой помощник нашел в своей коллекции одно старое дело по обвинению некоего Павла Лыжина, по прозвищу Бублик, в шантаже. Не спрашиваю, известно ли это имя вам. Знаю точно, что известно. Этот Лыжин был сутенером, а вы в ту далекую пору входили в команду опекаемых им девушек, вернее, девочек, поскольку еще не достигли совершеннолетия. У Лыжина, кроме всего прочего, имелось еще одно хобби. Он тайно фотографировал своих девочек с наиболее состоятельными клиентами, а позднее шантажировал этим последних. Долгое время его непристойный бизнес процветал, но однажды случился конфуз, и дело дошло до суда. Речь шла о фотографиях, на которых были запечатлены вы, Татьяна Алексеевна. Для вас, ввиду вашего малолетства, дело закончилось легким испугом, а вот Лыжин получил солидный срок, поскольку вдобавок выяснилась его причастность к педофилии.

Женщина за столом сидела с каменным выражением лица.

– Та история осталась в далеком прошлом, – снова заговорил Пережегин. – Вы взялись за ум и постарались забыть о грехах юных лет. Получили образование, кое-чего добились сами, а недавно удачно вышли замуж. Все складывалось замечательно. И вдруг прошлое напомнило о себе самым вульгарным образом. Этот Лыжин, который после первого приговора сидел

еще дважды, узнал, по чистой случайности, о вашем благополучии. Но самое кошмарное в том, что у него сохранились порочащие вас фотографии. И вот он разыскал вас и потребовал денег. Вы сразу решили, что он должен умереть?

– Да. Я ведь хорошо его знала. Откупаться от него бесполезно. Он будет приходить снова и снова. Ведь он считал, что это я потопила его, тогда, на суде.

– И вы повели свою игру. Пообещали ему заплатить, но не сразу. Мол, нужно время, чтобы собрать такую сумму наличными. Сами же составили план спасения и принялись энергично готовить мужа к акции возмездия. Все чаще начали рассказывать ему о мнимом преследователе в зеленой шляпе, о своих страхах и даже не остановились перед тем, чтобы разбить амулет.

– На Виктора это подействовало особенно сильно.

– Кроме того, вы поддержали предложение мужа обратиться к частному детективу. Вы ведь были на все сто уверены, что ни один сыщик в мире не сможет распутать придуманной вами истории. Зато я пригодился бы как полезный свидетель. Одновременно вы были вынуждены встречаться с Лыжиным, водя его за нос обещаниями вот-вот собрать деньги. Но как вы уговорили его облачиться в этот нелепый наряд?

– Я сказала, что стала плохо видеть и в темноте могу перепутать его с кем-то другим. Чтобы избежать недоразумения, он должен был надеть приметную зеленую шляпу с пером, куртку со светлой эмблемой и прицепить к поясу нож. Мол, все эти предметы я оставлю в мансарде старого дома, где мы уже встречались с ним для переговоров.

– Ах, вот оно что. Итак, поднявшись в мансарду, Лыжин подал в окно сигнал фонариком. Вы, естественно, не спали, ожидая его появления, и ответили своим условным сигналом. Лыжин, переоблачившись в навязанные вами маскарадные атрибуты, спустился вниз, предвкушая, как начнет тратить полученные от вас деньги. К этому моменту вы уже растолкали спавшего мужа и, прикидываясь насмерть испуганной, сообщили ему, что по участку ходит тот самый призрак и заглядывает в ваши окна. Ваш муж – отважный человек. Он тут же схватил арбалет и выбежал наружу, преисполненный решимости поставить в этом деле точку. «Призрака» он увидел сразу. Как и светлую мишень на груди. Несомненно, он послал бы стрелу в белый круг без промашки, но тут порвалась тетива.

– Это вы ее подрезали, – буквально простонала Зенцова.

– Может быть... – Пережегин достал из внутреннего кармана пиджака плотный конверт и протянул его собеседнице: – Здесь те самые фотографии, которые Лыжин имел при себе для обмена. Я их не смотрел. Они ваши, поступайте с ними, как сочтете нужным.

Зенцова как коршун схватила конверт и крепко зажала его в ладонях.

– А где сам Лыжин? Неужели вы действительно приковали его к железной кровати?

– Полагаю, он уже далеко. Я подумал, что в этой обстановке будет лучше для всех, если он совершит побег. И не беспокойтесь, больше вы его не увидите. Я напугал его до смерти. Кстати, вашему мужу я сказал, что злодей собирался похитить вашего кота Маркиза и потребовать за него выкуп. Будем считать, что мы с вами говорили об этой же версии.

Он вздохнул:

– А вот свой амулет вы разбили напрасно. Плохая примета... Не к добру это...

Часть шестая

НАЙДИ ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО

От автора. Расшифровывая в свободное время файлы, переданные мне Пережегиным, я невольно увлекся и вскоре обнаружил, что многие из «отчетов» «народного эксперта» вполне тянут на полноценный сюжет, который нуждается лишь в литературных вставках в виде диалогов, ремарок, идущих к месту описаний и т.д.

ТРУБЫ ИЕРИХОНСКИЕ

БЕСЧИНСТВА ПРИЗРАКА

С некоторых пор в дачном поселке Т., что под Питером, обосновались трое братьев Прухиных – продвинутых плечистых жлобов, привыкших брать от жизни все. На краю поселка, под лесом, поставили они просторный двухэтажный теремок, гараж на три иномарки, всякие-разные хозяйственные постройки,

обнесли все это высоким глухим забором, а после, глядь, – ну и теснотища во дворе! Не повернуться. А хотелось бы еще бассейна иметь под боком.

И тогда братья обратили взоры на соседний участок, где стоял небольшой, обшитый вагонкой домик. Обитала там пожилая пара: крепкий еще пенсионер-железнодорожник Иван Григорьевич Фалалеев и его простоватая супруга Валентина Федоровна.

Для начала братья навели справки. Круг общения стариков оказался весьма узок. По выходным их навещали дочь и внук из города. Иногда приезжал бывший сослуживец соседа Николай Андреевич, тоже пенсионер, длинный и сухой, как жердь. Они пили на веранде чай и вели душевные беседы о человеческих ценностях. Все эти люди выглядели совершенно безобидными и не располагали хоть сколько-нибудь серьезной защитой.

Ну а коли так, то чего с ними церемониться? Поселок считался престижным, и земля здесь была в немалой цене. Но зачем уговаривать да еще платить, если желаемое можно получить практически даром?

Посоветовавшись, братья придумали хитроумный план.

Странные вещи начали вдруг твориться на участке Ивана Григорьевича. И всё по ночам.

Какой-то злой шутник намертво привинтил длиннющими шурупами калитку к стоякам. Затем повалил секцию забора. Позже сбросил в дождевую лужу белье, сушившееся во дворе на веревке, потоптал грядки...

– Дед, у тебя в хозяйстве завелся призрак! – разъяснили Ивану Григорьевичу братья Прухины, едва маскируя издевку. – Сами видели. Он и бесчинствует. Весь синий, глаза горят, волосы оранжевые, кутается в белую простыню, покрытую кровавыми пятнами... Похоже, чем-то ты провинился перед сатаной.

Учти, старик, – сказали они далее, – с призраком шутки плохи! Запросто может спалить твой курятник. Вместе с тобой и твоей старухой. Послушай доброго совета: срочно продавай участок. Вот в Англии, говорят, дома с привидениями стоят дороже. Но у нас не Англия. Найти покупателя будет теперь трудновато. Но мы втроем посоветовались и решили помочь твоей беде... – Братья назвали смехотворную сумму, которую они готовы были выложить за участок Фалалеевых.

Слухи о жутком призраке, якобы терроризирующем Ивана Григорьевича, братья распустили по всему поселку. И хотя многие понимали, в чем тут соль, Прухины не просчитались в главном: на защиту стариков открыто не встал никто. Правда, зачастил к нему его приятель Николай Андреевич, так что за беда?!

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

– Не знаю, кому и жаловаться, – говорил Иван Григорьевич своему старинному другу Николаю Андреевичу. – Обратился я к нашему участковому, так лучше не делал бы этого.

Пенсионеры сидели на веранде и как всегда пили чай. Впрочем, на столе нашлось место и для небольших стопок, а также бутылки домашней настойки.

– На смех поднял? – предположил Николай Андреевич.

– Нет, выслушал внимательно, но заявил, что это, мол, шалют малолетки, которым некуда девать избыток энергии. Посоветовал приобрести сторожевого пса. Что же касается Прухиных, то это, дескать, уважаемые, серьезные предприниматели, притом что никаких конкретных доказательств их участия в произошедших безобразиях у меня нет. Одни только догадки. Правда, обещал переговорить с братьями, но чем закончится эта беседа, я могу предсказать наперед, зная слабость нашего участкового в отношении застолий.

– Иван, а может, тебе действительно завести подходящего пса?

– Эх, Коля! – вздохнул хозяин, наполняя стопки. – Во-первых, у моей Валентины аллергия на собачью шерсть, потому мы никогда и не держали во дворе собаку. Во-вторых, разве их это остановит? Пса они либо отравят, либо пристрелят, а затем действительно подожгут мой домишко, да еще подопрут дверь со двора колом, чтобы мы с Валентиной не успели выскочить наружу. Сделают они это чужими руками, а сами останутся чистенькими. И случится это, Коля, довольно скоро. Шутки уже закончились, в ход пошли угрозы открытым текстом. А устную угрозу к делу не подошьешь, тут наш участковый прав на все сто. Ума не приложу, куда обратиться за помощью, где искать управу на этих наглецов? Вот, ей-богу, сниму я однажды со стены свою старую двустволку и шарахну ночью по их окнам, посмотрим тогда, как они запоют. Ну, вздрогнем по маленькой!

– А вот этого, Иван, я тебе делать не советую категорически, – проговорил после паузы Николай Андреевич, отставляя в сторону пустую стопку. – Может, их план в том и состоит, чтобы вынудить тебя к противоправным действиям. Тут уж полиция явится без промедления, и тебе, друг ты мой, припаяют такой срок, что ты навсегда забудешь о своем домике.

– Да я и сам это понимаю, – скорбно произнес Иван Григорьевич. – Но что делать, если нынче правят бал такие вот Прухины? Видать, придется продать им участок. А ведь мы с Валентиной рассчитывали, что проживем в нашем доме до последнего вздоха.

– Ладно, еще не вечер, – бодрым тоном возвестил Николай Андреевич. – Может, выход есть, просто мы его не видим. А коли так, то надо обратиться за советом к человеку мудрому, зрячему и душевному. Дали мне один адресок. Пережегин Петр Мефодьевич. Называет он себя «народным экспертом». У него контора с вывеской «Бюро находок» в двух шагах от Сенной площади. По слухам, он творит чудеса.

– Сколько же он сдерет с меня за свой «мудрый» совет? – не скрывая скепсиса, сощурился хозяин. – Может, у меня и денег таких нет.

– Как мне рассказали, людям малоимущим, особенно пенсионерам, он помогает бесплатно.

– Так он благодетель? – в прежнем тоне продолжал Иван Григорьевич. – Ох, не доверяю я этим благодетелям! Насмотрелся уже на них. Мошенники первостатейные. Из той же породы, что и Прухины. Под видом благотворительности обдерут как липку.

– Ладно, не бурчи, дед. Попытка не пытка. Тут у меня записан номер его мобильного. Позвони прямо сейчас и договорись о встрече. Если хочешь, я сам позвоню. Вместе к нему и поедем.

– Звони ты, – без всякого энтузиазма отозвался Иван Григорьевич.

УДОБНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

Поприветствовав двух стариков-пенсионеров, вошедших в его кабинет, Пережегин не стал ни расспрашивать их о том, кто именно посоветовал им обратиться к нему, ни разъяснять методику работы «Бюро находок».

В доброжелательной манере он указал визитерам на стулья, а когда старики расположились напротив него, предложил подробно поведать о своем деле.

Иван Григорьевич, сразу же интуитивно проникшийся доверием к человеку, которого он видел впервые в жизни, рассказал ему все без утайки, не скрывая даже своего намерения выстрелить по окнам наглых соседей, если те и впредь будут запугивать их с женой.

– Нет, уважаемый, пускать в ход ружье, да еще по такому пустяковому поводу, нельзя ни в коем случае, – покачал головой хозяин кабинета. – Этот поступок обернется только против вас и сыграет на руку вашим обидчикам.

– Вот и я ему о том же толкую, – дождавшись момента, вклинился в разговор Николай Андреевич.

– Да разве же это пустяковый повод! – воскликнул разгорячившийся Иван Григорьевич. – Я уже которую ночь не сплю, сижу с топором у темного окна и жду поджигателя. Правда, в последние дни соседи что-то притихли. Не иначе, замышляют очередную подлость.

– Ну, не дураки же эти Прухины, чтобы поджигать ваш дом да еще подпирать дверь колом, – спокойно проговорил Пережегин. – Должны понимать, что первыми окажутся под подозрением. Полагаю, их расчет состоит в другом: сделать жизнь вашей семьи в поселке тревожной, даже невыносимой, и в конце концов добиться своей цели.

– Так ведь почти уже добились. Хрен-то, он не слаще редьки. Наши с Валентиной душевные силы, считайте, на исходе. Валерьянку флаконами пьем, у Валентины давление зашкаливает за красную черту, а вы говорите «пустяковый повод»! – Не сдержавшись, он стукнул кулаком по столу.

Пережегин обвел старинных приятелей задорным взглядом:

– Слышали поговорку: клин клином вышибают?

– Это что же, мне самому призраком наряжаться? – вопросом на вопрос ответил Фалалеев. – Стар я уже для таких маскарадов да и не потяну против Прухиных в их игре.

– Не горячитесь, – остудил его пыл Пережегин. – Вы ведь оба бывшие железнодорожники, так? Машинистами работали или, может, проводниками?

– Нет, мы по технической части, мастерами в депо.

– Тогда вам и карты в руки! – с веселой искоркой в глазах воскликнул «народный эксперт». – Связи-то с депо у вас сохранились?

– А как же! Наши бывшие ученики там сейчас в мастерах, уважаемые люди... Только какое отношение имеет наша профессия ко всей этой катавасии?

Пережегин достал из ящика стола лист чистой бумаги и шариковую ручку, придвинул их к Фалалееву:

– Нарисуйте мне план двух участков – вашего и соседского, где «теснятся» эти неугомонные братишки. Во второстепенные детали не вдавайтесь, но основные пропорции постарайтесь соблюсти.

– Мне бы линейку, – попросил Иван Григорьевич. – Руки дрожат, нервы совсем расшалились.

– Вот вам большой карандаш, чем не линейка?

Через несколько минут Фалалеев протянул владельцу бюро весьма примитивный чертеж.

– Если я правильно понял, здесь проходит забор, разделяющий ваши участки, тут ваш дом, а правее – обитель доблестных братьев? – уточнил Пережегин.

– Именно так, – закивали оба старика.

– Экспозиция как по заказу, – обрадовался чему-то «народный эксперт». – А теперь слушайте меня внимательно и постарайтесь исполнить все в точности, а главное, скрытно от братьев. – Он взял карандаш и принялся дополнять схему новыми фигурами и линиями. – Задача в том, чтобы обеспечить как можно более четкую наводку...

ФАНТОМ МЕНЯЕТ ПРОПИСКУ

Далеко за полночь, после плотного ужина с водочкой и шашлыками, братья сидели в гостиной и обсуждали ближнюю перспективу. Испекся старик или все еще нуждается в прессинге? Может, пугнуть его покруче? Дескать, призрак разбушевался, ха-ха! Всем троим было очень весело.

И тут раздались странные звуки. Кто-то мучительно стонал, звеня тяжелыми цепями. Самое странное, что звуки шли из подвала, где у братьев был оборудован винный погребок.

Втроем они спустились вниз, прихватив с собой бойцовую собаку. Осмотрели все до мелочей. Массивная дверь – на за-

сове, зарешеченные окошки плотно закрыты, сигнализация в полном порядке... Что за напасть такая?!

В этот момент на Прухиных обрушился настоящий кошмар. Кто-то неведомый рвался из кандалов, скрежетал зубами, стонал и хрипел. Звуки доносились будто из-под земли, преодолевая бетонный пол. Затем прерывистый голос просипел с нездешним акцентом: «Кайся, грешная душа!» Следом загремела какая-то варварская музыка, прерываемая протяжным воем.

Свирепый пес, находившийся с братьями, вдруг жалобно заскулил и бросился вверх по лестнице. Охнув, за ним помчался младший брат. Средний выглядел подавленным. И только старший не потерял хладнокровия:

– Дураки! Чего испугались?! Призраков не бывает! Похоже, кто-то из наших пацанов решил над нами подшутить и спрятал где-то здесь хитрый приборчик! Будем искать!

Искали до рассвета. Обследовали каждый сантиметр подвала, но ничего подозрительного так и не нашли. Таинственные звуки прекратились лишь на рассвете.

Однако, начиная со следующей полуночи, стоны и хрипы стали повторяться, как по расписанию. Теперь к ним добавились глухие удары. Словно некий могучий и злобный монстр пробивался на волю из... преисподней.

Стало невозможным приглашать гостей, привозить девиц. А хуже всего, что слухи о подземном фантоме неведомыми путями расползлись по поселку. Старожилы едко острили в адрес братьев: за что боролись, на то и напоролись!

Наконец, старший Прухин привез специалиста с миноискателем. Тот обследовал подвал и заявил, что под полом имеется некий продолговатый предмет. Наняли бригаду с отбойным молотком. На глубине полутора метров откопали обрезок трубы. Трубу выбросили, пол снова зацементировали. Не помогло – подземный демон взывал еще яростнее: «Кайся, грешная душа!»

Средний брат привел знаменитого экстрасенса. Тот обошел подвал с рамкой и заключил, что никакого полтергейста здесь нет.

Всю следующую ночь фантом хохотал как бешеный...

Младший брат пригласил батюшку. Тот совершил обряд изгнания нечистой силы. Но призрак подземелья продолжал буянить как ни в чем не бывало.

Прухины потеряли аппетит и сон, утратили кураж и, что хуже всего, перессорились между собой. Но решение продать дом было все же единогласным. Тем более подвернулся покупатель – некий торговец изюмом из Средней Азии. Он, правда, предлагал цену ниже рыночной, но братья согласились. Было не до барышей – лишь бы избавиться от дома с бесовщиной. Покой дороже! У нас ведь не Англия.

Про соседа-пенсионера они уже не вспоминали.

КЛИН КЛИНОМ ВЫШИБАЮТ

Два старинных приятеля сидели на крохотной веранде дома Фалалеевых, пили чай с домашней настойкой и наблюдали, как из соседнего особняка вывозят вещи.

– Я одного не пойму до сих пор, – продолжал волнительную тему хозяин. – Откуда Петр Мефодьевич вызнал про эту штуковину? Не иначе сам когда-то служил на железной дороге.

– Просто у человека особый талант: знать все о природе вещей.

– И платы с меня никакой не взял, – не унимался Иван Григорьевич. – Но ведь и я не лыком шит. Фалалеев умеет быть благодарным. Привез ему домашних солений, сушеных боровиков, а главное – предложил в любой момент приезжать в наш поселок на летний отдых, мансарда, сказал, всегда будет наготове для него. Он поблагодарил и ответил, что обязательно воспользуется моим любезным приглашением. «Любезным» – это его слово. Так-то!

– Хочешь, скажу тебе одну вещь? – сощурился Николай Андреевич. – Мефодьич, конечно, голова, но до этой штуковины мы с тобой и сами могли бы додуматься. Это же по нашему профилю.

– Могли бы, да не додумались, – возразил хозяин. – Притом что поначалу я и сам не верил, что наши старые станционные громкоговорители будут работать под землей так четко.

– Ну и зря не верил! Конструкция простая и надежная! Тут главным было догадаться взять не один рупор, а два. И закопать их у забора в разных концах, но под таким углом, чтобы звуковые волны сходились точно в центре прухинского подвала. Вот уж действительно получилась адская стереосистема!

И, что главное, источник звука невозможно определить никаким способом.

– Тебе, Николай Андреич, еще раз спасибо, что привел меня к Петру Мефодьевичу. И племянника своего, Костю, тоже поблагодари от моего имени. «Кайся, грешная душа!» Аж мороз по коже.

– Да он просто скачал звукозапись из Интернета. Старые голливудские ужастики. А что касается рупоров, то не спеши их откапывать, – предостерег Николай Андреевич. – Поглядим сначала, что за личность твой новый сосед...

ПЛАТОК НА ШТАКЕТНИКЕ

РАННИЙ ПРОХОЖИЙ

Уже под утро Вадим Воропаев, один из двух охранников, дежуривших ночью на даче состоятельного предпринимателя Песковского, вышел на крыльцо, чтобы посадить на цепь Джульбарса – свирепую овчарку, сторожившую двор от непрошенных гостей в темное время суток.

Но на легкий свист Джульбарс, вопреки обыкновению, не явился. Свистеть громче Воропаев не рискнул – в доме сладко почивали после вчерашнего пикника. Хозяин принимал долгожданных гостей: банкира Топилина с женой и сыном-подростком...

Воропаев бесшумно обогнул дом и окинул взглядом задворки участка. Собаки не было и здесь.

Однако в призрачном мареве нарождающегося дня охранник различил какого-то раннего прохожего, что шел по тропинке по ту сторону тыльной ограды. Грибник или ягодник – с лукошком, в резиновых сапогах, темной куртке и кепи с большим козырьком. Вообще-то, с трех других сторон дачный участок был обнесен высоченным сплошным забором с кирпичными стояками. И только с тылу тянулся самый обыкновенный, хотя и аккуратный, штакетник.

Прохожий находился сейчас спиной к Вадиму и видеть того не мог. Но сам он в течение двух-трех секунд был в поле зрения Воропаева. В какой-то момент грибник вскинул правую руку, совершив некое действие.

Сначала охраннику показалось, что тот из вредности бросил за ограду комок мусора. Но почти тут же Вадим понял, что грибок нацепил на штакетину какую-то мятую тряпку. Воропаев собирался крикнуть, чтобы тот забрал свое барахло, но дачник уже скрылся за кустами.

Догнать его было проще простого, но охранник махнул рукой. Не его это забота – отвечать за мусор во дворе. На то имеется уборщица, а также садовник.

Да, но куда же подевался пес? Гоняет за гаражами соседских котов? Воропаев направился к другому углу участка, и тут его кольнуло вдруг ощущение, что мятую тряпку на штакетине он уже видел раньше. Пару дней назад. На том же самом месте...

НОВАЯ ЭКОНОМКА

Он остановился, уловив чье-то легкое движение.

Открылась дверь черного хода, и из дома выскользнула, озираясь, новая экономка Спиридонова, костлявая молчаливая дамочка с повадками классической ведьмы. Взяли ее на службу всего пару месяцев назад, когда обкурившиеся наркоманы проломали голову прежней экономке – бойкой блондинке Верочке, возвращавшейся с поздней электрички.

Хорошо еще, что дело обошлось травмой. Вот именно, в этом элитном поселке тоже надо поглядывать в оба, держать ухо востро. Особенно в темноте. Потому и охрана в каждом особняке. Этой Спиридоновой хозяева вроде бы довольны. Но им, охранникам, общаться было не в пример приятнее с Верочкой. Уж та позволяла им пропустить после дежурства стаканчик-другой из хозяйских припасов. А от этой агрессивной мегеры дождешься, как же!

Размышления Воропаева были прерваны появлением Джильбарса, протиснувшегося наружу между Спиридоновой и полуоткрытой дверью черного хода. Так собака была в доме?! – опешил охранник. Эта ведьма привадила обученного пса? Ну и дела!

Тем временем экономка, все еще не замечавшая Воропаева, прошла к штакетнику, сдернула тряпку, оставленную грибом, и спрятала ее в карман фартука.

Затем снова огляделась исподлобья и только сейчас увидела Вадима. В ее взгляде отразилась такая острая досада, что охранник понял: тут что-то не так. Вовсе не для того она вышла из дома, чтобы убрать с аккуратного штaketника некрасивую тряпку. И еще его осенило: она не случайно завела Джульбарса в дом! Это как-то связано с проходом грибника...

Решительным шагом он подошел к ней и потребовал передать ему тряпку.

– Какую тряпку? – удивилась она.

– Ту, что вы спрятали в фартук!

– Это мой носовой платок, – насупилась она. – Я вывешивала его сушиться.

Прозевав он раннего прохожего, то поверил бы ей.

– Я должен взглянуть на ваш платок...

– Пожалуйста, – она потянула руку из кармана, затем вдруг с силой ударила собеседника носком туфли в косточку и рванула к черному ходу.

Теперь Вадим не церемонился. Догнав экономку, заломил ей руку (вполсилы) и завладел тряпкой. Дама бешено сопротивлялась, оказавшись неожиданно сильной. Расцарапала ему щеку до крови и едва не добралась до глаза. И все молча, явно не желая поднимать шум.

Воропаев затолкал ее в кирпичный сарайчик без окон, закрыл дверь на засов и вызвал по мобильнику Серегу, своего старшего напарника. Когда тот явился, объяснил ситуацию, особо подчеркнув: экономка все еще не догадывается, что он видел грибника, и потому врет напропалую, но какая-то связь между ней и ранним прохожим есть, это уже ясно.

Поначалу Серега слушал скептически, но узнав, что новая экономка сумела тайно прикормить Джульбарса, тоже призадумался. Ведь при нем она никогда даже не подходила к овчарке.

Затем оба стража изучили свой трофей.

Да, это был именно носовой платок. Причем, мужской. Клетчатый – синих тонов, старый, мятый, бывший, так сказать, в употреблении. Словом, тряпка на выброс, а не платок. Нормальный человек побрезгует такой в руки взять. Вдобавок один край надорван и наскоро заштопан белой ниткой.

Часть платка покрывали неровные белые стежки, как будто кто-то пытался на скорую руку наметить некий узор, но затем

бросил надоевшее занятие. Вот и все. Ничего подозрительного. По совести, такому платочку самое место на помойке. Почему же экономка с бешеной яростью дралась за него? Чего ради разыграла целый спектакль?

Оба понимали, что раскрутить Спиридонову им не под силу. Что ни говори, но эта ведьма – крепкий орешек. А платочек явно с секретом.

НЕОЖИДАННЫЙ ВАРИАНТ

Закурив, оба охранника начали совещаться.

– Что будем делать? – спросил Вадим.

– По инструкции, должны позвонить шефу и доложить обстановку, – ответил тот и следом сам же опроверг подобную перспективу: – Но шеф сейчас в Стокгольме со всем семейством. Давно, мол, обещал показать сынишке Аландский архипелаг и развод караула возле королевского дворца. Зачем же нам портить людям приятный отдых? Притом шеф предупредил, что отключит мобильник на время поездки.

– Может, в полицию сообщим? – не унимался младший.

– А что мы скажем? Дескать, теряемся в догадках, зачем новая экономка полезла в драку из-за старого, рваного платка? Да нас с тобой, дружище, поднимут на смех, а скорее всего, пошлют куда подальше. Притом что сегодня воскресенье, а в полиции страшно не любят, когда их дергают по пустякам в такие дни.

– Но ведь что-то надо делать, – продолжал настаивать Вадим. – Не нравится мне этот ранний грибник, ох, как не нравится!

Старший задумался. Похоже, какой-то ответ уже крутился у него в голове.

– Есть один вариант, – все еще колеблясь, произнес он. – Может, и не получится ничего, но почему бы не попробовать?

– Что за вариант?

– Где-то с месячишко назад зашел я к шефу по какому-то неотложному вопросу. В кабинете у него сидел мужик.

– Клиент?

– Я поначалу тоже подумал, что клиент. Но тут этот мужик, плотный такой, губастый, с крупной головой, коротко подстриженный, поднял на меня глаза, и я сообразил, что он сам

из тех, кто имеет своих клиентов. И вообще, они с шефом вели какую-то приватную беседу на равных и были весьма расположены друг к другу. Я понял, что пришел не вовремя. Сказал шефу, что зайду позже, и уже шагнул к двери, как вдруг Смуглов говорит: «Вот, Серый, познакомься, перед тобой уникальный специалист, который иногда помогает нашей конторе в деликатных делах. Он не просто профи, он настоящий колдун по своему профилю». – И назвал мне его полное имя. Помню, что Мефодьевич – отчество уж больно редкостное. Фамилия в голове тоже крутится, да никак не ухвачу...

– Ну, и что этот колдун?

– погоди, вот сейчас вспомню фамилию... Сейчас... Еще есть известный хоккеист с такой же фамилией. Ага, вспомнил – Пережегин!

– Ну, и что этот Пережегин?

– Подмигнул он мне и говорит: «Твой шеф пошутил, Сергей. Проверяет, насколько ты легковверен. Ну, какие в наше время могут быть колдуны?» Добавил еще что-то, с юмором. Тем дело и закончилось.

– Ладно, но какое отношение имеет все это к нашему платку?

– Самое прямое. Потому как вчера вечером я видел этого Пережегина у нас на озере. Правда, издали. Но даю голову на отсечение, это он. После купания направился к северной окраине. Значит, остановился у кого-то из местных, скорее всего, у Фалалеевых. Он и сейчас в поселке. Почему бы не обратиться к нему, раз уж у него какие-то общие дела с нашим шефом?

Вадим посмотрел на часы:

– Шесть утра. Да он дрыхнет, наверное, без задних ног.

– Разбудим.

– Ну, тогда сам и буди.

– Ладно, деваться некуда. А ты тут поглядывай зорче за нашей пленницей.

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР

Сидя на скамеечке перед старой дачей, Пережегин натягивал на ноги резиновые сапоги, предвкушая тот момент, когда он войдет с лукошком в просыпающийся, влажный от росы лес.

Внезапно у калитки обрисовалась фигура крепкого молодого мужчины:

– Здравствуйте, господин Пережегин! – вспомнить имя «колдуна» Сергей так и не смог.

Пережегин одарил его взглядом своих прищуренных сероватых глазок с притаившейся глубоко внутри хитринкой:

– И тебе не болеть. Никак Сергей из охранного бюро Смуглова?

– Он самый. Ну и память у вас!

– Как там поживает Леонид Петрович?

– Он в туристической поездке по Скандинавии. Но сейчас речь о другом. Рад, что вы меня вспомнили. Значит, разговор будет короче.

– Ладно уж, заходи, – вздохнул Пережегин. – С чем пожаловал?

– Тут такое дело... – Сергей присел рядом на скамейке и рассказал, как смог, о странном утреннем происшествии. Затем достал из кармана платок и протянул его собеседнику: – Хорошо бы определить, какой в нем секрет?

Пережегин искоса глянул на платок, затем взял его в руки, осмотрел со всех сторон, после чего распрямил перед собой и с минуту внимательно вглядывался в выцветшую клетчатую материю.

– А ведь дело серьезное, – сказал он, аккуратно складывая платок конвертиком. – Кому-то очень подфартило, что сегодня я волей случая оказался в поселке. И хотя ты, парень, испортил мне грибную охоту, сердиться на тебя я не стану, потому как ты исполнял свой долг и проявил разумную инициативу. – Он поднялся. – Посиди тут немного, а я зайду в дом, поколдую еще малость над этим весьма любопытным платочком.

ХОББИ ПОДРОСТКА

Вернулся Пережегин минут через десять.

– Айда к твоему напарнику.

По дороге «народный эксперт» молчал и только после того, как сошелся с обоими охранниками в тесный кружок, провел краткий инструктаж:

– Слушайте внимательно и все исполняйте в точности, поскольку речь идет о жизни или смерти одной из персон, находящейся в настоящую минуту в доме. Во-первых, никому из домочадцев – ни слова. Во-вторых, экономка, которую вы

незаконно удерживаете силой, и правильно делаете, что удерживаете, должна молчать как рыба. Предупредите ее жестко, что если она издаст хотя бы один громкий звук, то вы свяжете ее и заклеите ей рот скотчем до самого вечера. Не забудьте при этом покормить ее, ну и дайте ей в сарайчик какой-нибудь горшок или старое ведро, что ли... С этим ясно? На данном этапе это главное. Далее. Сейчас мы обменяемся номерами телефонов, поскольку вся связь будет идти через меня. Вот что еще: если кто-нибудь будет спрашивать об эконолке, не важно кто – мальчик на велосипеде, благообразный дачник либо невзрачная девчушка – отвечайте четко, но правдоподобно, что хозяин срочно отправил ее по какой-то надобности в город с двумя своими людьми и что вернется она только к вечеру. В доме сейчас много народу?

– Хозяин с супругой, семья Топилиных, да еще кухарка, – ответил Сергей. – Про эконолку вам известно. Остальная прислуга – приходящая, из местных, поселковых. Хозяин всех отпустил до понедельника.

– Во сколько обычно встают хозяева?

– По выходным – не раньше полудня. Ну а после вчерашнего пикника могут прокемарить едва ли не до вечера. Они и леглото всего часа полтора назад.

– А сын Топилиных? Он-то, полагаю, в пикнике не участвовал?

– Не участвовал, но лег тоже поздно. Полночи просидел за компьютером. Но проснется он, зуб даю, гораздо раньше своих родителей, еще до десяти утра.

– Откуда такая уверенность?

– Дело в то, что у мальчонки проклюнулось острое желание стать автогонщиком. Но ему-то еще и тринадцати нет, о правах думать рано. Как и садиться за руль в условиях города. Однако папаша во всем потакает своему сыночку. И вот что они придумали сообща с хозяевами. Может, вы тоже слышали о том, что в пяти километрах к северу от поселка расположен заброшенный пионерский лагерь, который давно уже пришел в негодность? Но туда ведет вполне сохранившаяся асфальтированная дорога, по которой сейчас ездят только грибники и ягоdniки, кто, конечно, владеет транспортом. Перед лагерем – довольно большая площадка, тоже заасфальтированная. Вот на ней-то Игорек, сынишка Топилиных, и устраивает ралли под присмо-

тром водителя банкира. Сегодня – очередной заезд. Водитель Топилиных должен подать лимузин к калитке ровно в 10.00. Об этом вчера шел громкий разговор. Так что, Игорек еще до десяти утра будет на ногах как штык, гарантия.

– Заброшенный лагерь? – сощурился Пережегин. – Места там, видимо, глухие?

– Я же говорю, иногда приезжают компании грибников. Оставляют машину на площади и идут в лес. А лес этот тянется километров на двадцать, до самой бетонки. Никакого жилья там и в помине нет, даже избышек лесника.

– Ясно... – Пережегин вытащил из кармана платок: – Где он висел?

Ему указали место, и «народный эксперт» повесил платок там же.

– Пускай здесь и висит. Не подходите к нему. Вы ничего не видели, ничего не знаете и ни о чем подозрительном не догадываетесь. Но все же поглядывайте одним глазком, кто придет за этой хитрой тряпицей. По возможности, сфотографируйте гонца на мобильник, но так, чтобы тот ничего не заметил. Следить за гонцом не надо. Но, когда он уйдет, сразу же позвоните мне.

– А вы сами где будете?

– Здесь, в поселке. «Тихая» охота на сегодня явно не задалась. Так что для начала пойду переобуваться. Ладно, парни, до связи.

Он удалился по узенькой тропинке между двумя штакетниками.

ВАЖНЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Через три четверти часа Пережегин позвонил Сергею.

– Платок на месте?

– Исчез! – воскликнул старший охранник. – Вроде бы мы постоянно держали его в поле зрения, а он возьми и пропади.

– Ничего страшного, – успокоил собеседника Пережегин. – Значит, события развиваются в заданном русле. Но вот какая незадача: мы с вами, братцы, совсем забыли про мобильник Спиридоновой.

– Никак нет! – в армейском духе отрапортовал Сергей. – Как только мы упекли эту ведьму в сарай, так сразу же разыскали ее мобильник. Он и сейчас со мной.

– Молодцы! Звонки на него сегодня были?

– Пока нет.

– Правильно, – отозвался «народный эксперт», явно удовлетворенный таким ответом. – Скорее всего, звонков не будет. Но все же держите трубку на контроле. Кстати, возникла новая, более правдоподобная версия неожиданного отъезда Спиридоновой. У нее проявился острый приступ аппендицита, и «скорая» увезла ее в больницу. В какую именно, вы понятия не имеете. Она сама оставила вам свой мобильник и просила извещать всех абонентов о постигшей ее беде. Между прочим, в течение ближайшего получаса к вашей даче подъедет машина «скорой помощи». Отдайте узницу санитарам. Машина въезжать во двор не будет. Санитары вынесут нашу тетеньку на носилках.

– А вдруг она начнет драться и кричать?

– Никаких драк и криков не будет. Санитары знают, как обращаться с буйными пациентами. Лишь бы ваш Джульбарс не поднял лишнего шума.

– Джульбарс – пес дрессированный и понятливый. Прикажем ему сидеть смирно, он даже не тявкнет.

– Замечательно, коли так. И еще. Со «скорой» прибудет один человек. Он останется в доме. Вы должны активно сотрудничать с ним и в точности выполнять все его указания. Передайте ему мобильник Спиридоновой. Операция «Платок на штaketнике» вступает в решающую фазу. Но это уже не моя епархия.

– Какая еще операция? – не понял Сергей.

– Этот человек все вам объяснит. А нашу с вами связь мы прерываем.

– Петр Мефодьевич! – взмолился Сергей, вспомнив вдруг имя «колдуна». – А как же...

Но в трубке уже слышались невнятные шорохи эфира.

«ГОСТЬ» ИЗ ПОЛИЦИИ

– Можете называть меня Евгением Константиновичем, – сказал охранникам гость после того, как проводил «скорую помощь», увезшую Спиридонову. – Я сотрудник управления полиции, о деятельности которого вы, полагаю, имеете представление, – он показал им удостоверение с гербовым оттиском.

В этом сухощавом, со спокойными манерами, сорокалетнем мужчине оба охранника почувствовали руководителя, имевшего право посылать своих подопечных в пекло, но и не прятавшегося за их спинами, согласно кодексу офицерской чести.

– В силу обстоятельств события развиваются молниеносно, – продолжал Евгений Константинович. – Мы вынуждены импровизировать буквально на ходу. В этой операции каждому из вас тоже отведена своя роль, хотя и косвенная. Главная ваша задача заключается в том, чтобы естественным образом изображать, будто в доме не произошло ничего экстраординарного, исключая, конечно, острый приступ недомогания у экономки.

– В какой операции мы должны участвовать? – едва ли не хором спросили оба.

«Гость» огляделся по сторонам:

– Тише, друзья. Сейчас я объясню вам основные моменты. Но прежде ответьте на вопрос: кто из вас должен сопровождать сына Топилиных в поездке к заброшенному лагерю?

– Я, – ответил Вадим.

Евгений Константинович смерил его пронизательным взглядом:

– Садясь в машину со своим подопечным, вы не должны выдавать ни малейших признаков тревоги. Обычная поездка по прихоти капризного «золотого» мальчика, только и всего. По всей видимости, за вашим отъездом будут наблюдать. Поэтому в вашем поведении не должно проскользнуть ни единой фальшивой нотки.

– Кто будет наблюдать?

– Кто-то из шайки бандита, известного как Полярник. Он спланировал дерзкую акцию похищения подростка Игоря Топилина с последующим требованием крупного выкупа от его отца. С целью отслеживания обстановки в дачный особняк Песковского, где часто гостят Топилины, была внедрена под видом экономки преданная шпионка Полярника Спиридонова, умевшая внушать доверие своей исполнительностью. Надо, однако, знать, что это весьма опасная дамочка, с богатым прошлым. Пристрелит, не моргнув глазом. Ради ее внедрения громилы тюкнули прежнюю экономку Верочку, симитировав нападение наркоманов. Спиридонова должна была вести себя настолько лояльно, чтобы исключить малейшие подозрения на свой счет.

Вместе с тем от нее требовалась оперативная информация о меняющейся обстановке в доме. Она передала главарю сведения о сегодняшней поездке «объекта» к заброшенному лагерю. Именно там шайка намерена осуществить похищение. Но мы готовим для бандитов неожиданный сюрприз. Похитители будут взяты с поличным, непосредственно в момент нападения, с оружием в руках.

– Погодите, – не сдержался Вадим. – Обо мне речи нет, я уже давно привык рисковать головой. Но ведь вы подвергаете опасности мальчишку, используя его как приманку.

– Ни подросток, ни вы лично не подвергнетесь ни малейшему риску, – жестко парировал «гость». – Все, что от вас требуется, это вести себя без бросающейся в глаза нервозности. На выезде из поселка ваш автомобиль разминется с точно такой же иномаркой, имеющей вдобавок такой же регистрационный номер. После этой встречи проинструктированный нами водитель Топилина свернет в противоположную от лагеря сторону. К лагерю же направится второй автомобиль с нашими оперативниками, а также с манекеном подросткового размера, максимально закамуфлированного под Игоря. Роль приманки сыграет не живой подросток, а наряженный в его одежду манекен, чувствуете разницу?

– Это совсем другое дело, – кивнул Вадим.

– Кроме того, в районе лагеря скрытно разместится группа захвата. Бандиты никак не ожидают, что нам удалось проникнуть в их планы. Фактор внезапности расставит все точки над «i».

– Можно вопрос? – подал голос Сергей.

– Да, слушаю вас, – кивнул Евгений Константинович.

– Если я правильно понял, по состоянию на сегодняшнее раннее утро, ваша контора понятия не имела о готовящемся похищении. Напряг вас Пережегин. А он получил информацию через тот платок, который Вадим снял со штaketника. Какой же такой секрет заключается в этом платке? Ведь мы с Вадимом вертели его так и эдак, даже на свет смотрели, но не нашли ни тайных знаков, ни надписей, ничего особенного. В чем же секрет платка?

– В настоящий момент это является тайной следствия, – сурово возвестил Евгений Константинович.

ЗВОНОК «КОЛДУНУ»

Операция по захвату похитителей прошла блестяще и завершилась без единого выстрела. В руках стражей порядка оказался также неуловимый главарь, много лет уходивший от возмездия.

Оба охранника – Сергей и Вадим – уже в сотый раз обсуждали перипетии сегодняшнего утра.

– Если бы ты не заметил грибника, повесившего платок на штaketник, то у нас были бы сейчас крупные неприятности, – говорил Сергей своему младшему напарнику.

– Нет, Сергей, твоя заслуга в этой истории весомее, – возразил Вадим. – Если бы накануне тебе не попался на глаза этот Пережегин, то и от платка было бы мало проку.

– Именно Пережегин закрутил всю эту карусель, – соглашался Сергей. – Но вот, хоть тресни, не могу понять, что же такого особенного разглядел он в этом платке? Причем он и голову долго не ломал, сразу же сказал, что дело очень серьезное. Слушай, а может, он и вправду колдун?

– Нет, Серега, он мужик нормальный. Он действительно увидел в этой мятой тряпке что-то такое, чего не заметили мы. А давай позвоним ему, а? Теперь, когда все позади, может, он откроет нам свой секрет? Выйди с ним на связь, Серега, ты, как ни крути, общался с ним дольше моего.

– Ладно, – вздохнул тот и сделал вызов.

– Слушаю тебя, Сергей, – послышался в трубке голос Пережегина.

– Петр Мефодьевич, мы вот все гадаем с напарником, что за секрет заключен в платке? Не согласитесь вразумить нас по этой части?

Непродолжительная пауза, затем «народный эксперт» ответил:

– Сказать по-честному, более простого дела, связанного со свойствами вещей, в моей практике не встречалось. Боюсь, если назову вам сейчас разгадку, то вы будете разочарованы ее простотой. Запомните на будущее: самая запутанная загадка всегда имеет элементарный ответ, который можно сформулировать двумя-тремя словами. А вот комментарии к ответу могут быть довольно пространными. Если я назову вам сейчас ответ, то у вас неизбежно возникнут новые вопросы, наша беседа затянется, а времени у меня в обрез. Давайте поступим так. Ког-

да ваш шеф вернется из поездки, то он обязательно навестит меня. И задаст, полагаю, те же самые вопросы. Я отвечу ему без утайки и попрошу, чтобы он передал суть моего ответа вам. Пусть интрига сохранится еще на день-другой, договорились? Ну, бывайте!

СТЕЖКИ С СЕКРЕТОМ

Во вторник утром Леонид Смуглов – начальник охранного бюро «Ахиллес» – подвижный, хотя и с заметной хромотой, худощавый мужчина средних лет, с пышной шапкой совершенно седых волос, смуглый от природы, как бы в подтверждение своей фамилии, вошел в кабинет Пережегина.

– Здравствуй, Петя, – приветствовал он владельца бюро как давнего знакомого.

– Привет и тебе, неутомимый путешественник! – бодро ответил «народный эксперт». – Присаживайся и рассказывай, как съездил.

– Расскажу чуть позднее. – Визитер расположился на стуле, затем извлек из внутреннего кармана своего летнего пиджака довольно-таки пухлый конверт и придвинул его к собеседнику: – Банкир Топилин просил поблагодарить тебя от его имени и передать это скромное пожертвование на развитие твоей конторы.

Пережегин, не заглядывая внутрь конверта, смахнул его в выдвинутый ящик стола.

– Этот богатенький буратино мог бы самолично выразить свою благодарность, – пробурчал он. – Как-никак, на кону стояла жизнь его сына.

– У толстосумов своя психология, – пожал плечами Смуглов. – Плюнь и забудь. Ты мне лучше объясни, как ты раскрутил это дело. Ведь полиция ничего не знала. Я спрашиваю не из праздного любопытства. Это чисто профессиональный интерес бывшего опера, честно протрубившего в органах два десятка лет. Мне мои парни все уши прожужжали о твоём «колдовстве». Но мне-то известны все твои методы. Я прикидывал и так и эдак, но алгоритма решения так и не нашел. Могу признаться, что теряюсь в догадках и жажду твоих откровений.

– Дело это проще пареной репы, а разгадка заключается в двух словах: азбука Морзе.

– Азбука Морзе?

– Добрая половина платка была покрыта перепиской между главарем банды и его агентом Спиридоновой. Переписка велась посредством вышивания знаков азбуки Морзе. Длинный стежок – тире, короткий – точка. Злоумышленники были настолько уверены в своем шифре, что не давали себе труда уничтожать предыдущие сообщения. Таким образом, передо мной оказалась полная переписка, в которой раскрывался весь бандитский замысел.

– Впервые слышу о том, что ты знаешь азбуку Морзе.

– В дни далекой молодости я служил в батальоне связи, и нас натаскивали так, что азбуку Морзе я помню до сих пор лучше, чем таблицу умножения.

– А я всегда считал, что азбукой Морзе давно уже не пользуются, что это архаика, оставшаяся в прошлом.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразил Пережегин. – Морзянкой и сейчас пользуются полярники – настоящие полярники, а еще летчики, моряки, геологи, метеорологи... В нашем бескрайнем Отечестве есть такие уголки, где только на морзянку и надежда.

– Теперь мне понятно, – прищурился Смуглов. – Прочитав переписку на платке, ты позвонил кому-то из знакомых силовиков, а далее колесо закрутилось само собой.

– Я исходил из того, что в криминальном мире крайне мало знатоков азбуки Морзе. Эти крутые ребята и родной-то азбуке не обучены. Моя догадка подтвердилась. В картотеке полиции числился некий Полярник. В молодости ему довелось поучаствовать в одной из северных экспедиций в качестве радиста. Позднее он любил бахвалиться этим в своем криминальном кругу, вот к нему и приклеилась кличка Полярник. Азбуку Морзе он освоил досконально. И заставлял выучивать ее своих подельников. На этот раз они нацелились на сына банкира Топилина, зная, что у папаши есть средства за рубежом и что он согласится уплатить огромный выкуп. Полярник просчитал, видимо, что похитить мальчонку проще всего в дачном поселке, когда банкир будет гостить с семьей у своего старого друга Песковского. Следуя плану, главарь внедрил к Песковскому своего человека – Спиридонову, а та выяснила, что у подростка есть хобби – гонки на уединенной площадке в лесу. Что ж, я взял на себя смелость подготовить ответ главарю от имени

Спиридоновой. Мол, все идет по плану, с мальчишкой будет всего один телохранитель. Полярник клюнул. Оставалось лишь устроить засаду.

– Действительно, никакого «колдовства», никаких чудес, – покрутил головой Смуглов.

– Если не считать удивительного совпадения обстоятельств, – поправил его Пережегин. – Твой Вадим случайно заметил подозрительный платок, я волей случая оказался в поселке, другой твой сотрудник – Сергей узнал меня на пляже... Все соединилось почти мистическим образом. Обычно так не бывает. А тут – сошлось. Госпожа Удача явила свою благосклонность. Чем-то приглянулся ей этот мальчонка Топилин.

– А ведь этот случай стоит в том же ряду, что и «Пляшущие человечки», – заметил Смуглов.

– Какие еще пляшущие человечки? – вскинул левую бровь Пережегин.

– Я имею в виду известный рассказ Конан Дойла, – пояснил гость.

– Конан Дойла?

– Ты хочешь сказать, что не читал, хотя бы в детстве, истории о Шерлоке Холмсе? – изумился Смуглов.

– А если и не читал, то что? Это преступление?

– Но, по крайней мере, сериалы о нем смотрел?

– Ты же знаешь, Леня, по «ящику» я смотрю сугубо специфические передачи.

– Но ведь само имя – Шерлок Холмс – ты ведь не мог не слышать?! – разгорячился Смуглов.

– Вроде бы где-то оно мне встречалось...

– Ну, Петя... – вздохнул гость. – Уж сколько лет мы знакомы, а я не перестаю удивляться тебе. Иногда мне кажется, что ты попросту прикалываешься.

Пережегин сощурил свои маленькие глазки:

– А ты, Леня, читал поэму Тита Лукреция Кара «О природе вещей»?

– Честно говоря, не доводилось.

– Тогда не надо спорить о литературных пристрастиях.

– Ладно уж... – Смуглов полез в карман, достал оттуда небольшой предмет и выставил его на стол. Это была фигурка викинга в полном вооружении, высотой сантиметров в семь. –

Сувенир из Стокгольма, – пояснил Смуглов. – А я теперь знаю, что тебе подарить на день рождения – трехтомник произведений о Шерлоке Холмсе.

– Вот и замечательно.

РАРИТЕТ В ЯНТАРЕ

1

Едва Пережегин ступил с лестничной площадки в коридор, куда выходили двери двух десятков мелких контор, как увидел в дальнем конце, у своего бюро, высокого и плечистого мужчину предпенсионного возраста, одетого в пятнистую униформу, и понял, что это клиент-«дикарь», явившийся на встречу без предварительной договоренности.

В течение двух-трех минут, пока Пережегин неторопливо вышагивал по темноватому коридору, мужчина не сводил с него взгляда, преисполненного какой-то лихорадочной надежды.

Не дожидаясь, когда «народный эксперт» подойдет ближе, визитер громко спросил:

– Извините, вы и есть Петр Мефодьевич? Ну, тогда здравствуйте! А я – Бойко Валентин Алексеевич. Пришел к вам за помощью.

Его почти детская непосредственность казалась наигранной. Вместе с тем в нем чувствовалась житейская сметка, затаянная хитринка и недюжинная физическая сила.

– Что у вас за дело? – спросил Пережегин, кивая в ответ и на шаривая в кармане своей легкой осенней куртки связку ключей. – Может, криминальное?

– Истинно так. Натуральный криминал, – радостно сообщил тот.

– Тогда вам не ко мне. – Пережегин ткнул своим толстым пальцем в вывеску на двери. – Умеете читать? Здесь «Бюро находок». Мы не занимаемся частным сыском. Мы ищем большей частью утерянные вещи, иногда похищенные, но при условии, что их поиском не занимаются правоохранительные органы.

– Вот-вот, – часто закивал Бойко. – Речь идет о похищенной вещи, которую полиция даже не собирается искать.

– А что за вещь? – Пережегин, наконец-то, достал ключи и, выбрав нужный, вставил его в замочную скважину.

– Понятия не имею, – развел руками странный посетитель. Некоторое время «народный эксперт» изучающе смотрел на него, как на блаженного.

– Так. Что же прикажете искать? Как в сказке: найди то, не знаю что?

– Ох! – «Дикарь» хлопнул себя ладонью по лбу и тут же скривился, словно от острой боли. Страдальчески выдохнув, он полез в карман своей армейской куртки, достал некий предмет желтоватых оттенков и протянул его собеседнику: – Вот. Это деталь от похищенной штуковины. Они ее потеряли.

Пережегин взял из его рук «улику» и осмотрел ее со всех сторон. Это была янтарная завитушка причудливой формы величиной с небольшую грушу, от которой наискосок как бы срезали четверть объема. В вершине «груши» имелся небольшой скол с неровными краями. Через ее массу проходили два сквозных отверстия крошечного диаметра. В одном из отверстий застрял кусочек медной, потемневшей от времени проволоки.

Пережегин подержал завитушку на ладони, словно любясь переливами ее цветов.

– От этой вещицы за версту пахнет дорогой старинной работой, – резюмировал он, хотя нюхать деталь явно не намеревался. Затем провернул ключ в замке и широко распахнул дверь: – Милости прошу, Валентин Алексеевич! Располагайтесь удобнее и рассказывайте, при каких обстоятельствах у вас оказалась эта завитушка.

2

Несмотря на некоторую манерность поведения, визитер весьма связно поведал о событиях последних дней.

Прежде всего он сообщил, что работает охранником в бизнес-центре, в семи минутах ходьбы от дома. Очень удобно, и это одна из причин, по которой он дорожит своим местом.

Когда-то в пятиэтажном здании, где он дежурит, размещалось управление могучим машиностроительным заводом, работавшим на оборонку. Выпускали магнитные приборы для оснастки боевой техники.

Но по мере того, как сжималась подобно шагреновой коже оборонка, еще быстрее съеживалось заводууправление, так и

не сумевшее найти свою нишу на новом рынке. Тем не менее контора еще держалась на плаву в ожидании лучших времен, сдавая в аренду и продавая площади различным фирмам и фирмочкам – секцию за секцией, этаж за этажом. Бурными волнами проходило сокращение штатов.

При заводе раньше имелся солидный научно-конструкторский отдел. Лет пять назад дошла очередь и до него. Отдел полностью сократили, а в его помещения въехала очередная торгово-посредническая фирма.

Все имущество отдела – старые шкафы и лабораторные столы, выдавшее виды оборудование и прочий хлам – сотрудники перетаскивали в пустовавший чулан. Конечно, было бы разумнее отправить эти списанные дрова на свалку, но для их вывоза требовалось заказывать транспорт, а в кассе, как на грех, было шаром покати. Поэтому руководство решило складировать это барахло в чулане. Временно, конечно. Там оно и находится вот уже более пяти лет.

Кстати говоря, чуланчик-то был не простой. Раньше в этом помещении размещалась лаборатория, проводившая опыты, требовавшие абсолютной темноты. Поэтому здесь отсутствовали окна, зато наличествовала влажность. По этой причине не находилось желающих арендовать бывшую лабораторию, даже в качестве склада. Словом, о чулане-лаборатории, запертом снаружи на большой висячий замок, в конторе как бы забыли.

В этом месте Бойко перевел дыхание, хлопнул себя по лбу, снова охнул и скривился, после чего продолжил свой рассказ:

– В прошлый четверг было мое дежурство. Администрация требует в ночное время не жечь зря электричество, поэтому верхний свет горел только в вестибюле, где, собственно говоря, находился и мой пост. Вестибюль, надо сказать, весьма просторный, при этом его пересекают два ряда неохватных колонн, а лампы-то слабые. Так что дальняя сторона вестибюля, откуда начинается парадная лестница, слева от которой, в закутке, расположен тот самый чулан, по ночам тонет в полумраке. Нет, я, конечно, могу врубить полное освещение в любую минуту, переключатель-то у меня под рукой. Но зачем? Темноты я не боюсь, мышей тоже, в ночных призраках не верю, а место у нас тихое, спокойное, за много лет никогда ничего не происходило. Не боюсь я и домовников. Слава богу, природа-

матушка не обделила меня силой, – он продемонстрировал хозяину кабинета свой увесистый кулак.

– Свет я зажигаю только во время ночного обхода, причем поэтапно. Сначала включаю светильники на парадной лестнице, затем поднимаюсь на верхний – пятый этаж, включаю там. Осмотрел – выключил, спустился на четвертый этаж – включил-выключил, и так до вестибюля. В ту смену я закончил обход где-то в начале второго ночи. Спустился в вестибюль, выключил свет на лестнице и направился к своему посту. И тут мне показалось, что за одной из колонн произошло какое-то движение. Словно бы какая-то тень промелькнула. Это было так необычно, что поначалу я подумал: померещилось. Но проверить все-таки нужно. Я включил фонарик, который на дежурстве всегда ношу на поясе, рядом с дубинкой, и двинулся к подозрительной колонне. Громко спросил: «Кто здесь?!» Сделал шаг-другой, вдруг – сильнейший удар по затылку, и я отключился.

3

– Так у вас травма головы? – сощурился Пережегин.

– Да, шандарахнули сзади пивной бутылкой, как установило следствие.

– Зачем же вы хлопаете себя по лбу?

– Старая привычка. Временами забываюсь, хлоп! – и в башке будто взрыв.

– Сочувствую. Как долго вы находились без сознания?

– Полчаса или около того. Далее действовал по инструкции: вызвал полицию, встретил наряд на крыльце, доложил о происшествии и снова отключился. Они, понятное дело, вызвали «скорую». В больнице я пролежал двое суток. Приходил следователь, я ответил на все вопросы. После выписки отправился в свою поликлинику, продлил больничный лист и сразу же в контору.

– Зачем?

– Ну как же! Надо ведь было узнать, кого из арендаторов и на какую сумму ограбили ночные гости?

– Узнали?

– А как же! Главным образом, от нашей уборщицы Марии. Ее-то, женщину в синем халате, с ее «уборочным комбайном», вроде как никто из начальства не замечает, оттого она в курсе

многих дел и делишек, что творятся в нашей коробке. Да и сыщики не таясь вели при ней свои разговоры. А глаз у Марии зоркий, слух тонкий, ум хоть и женский, но острый. Притом, меня она уважает. Понимает, что я пострадал и нуждаюсь в сочувствии и поддержке.

– Ну и какие же тайны открыла вам эта замечательная уборщица?

– Вот вы смеетесь, а она действительно навела меня на верный след.

– Разве похоже, что я смеюсь? – сощурился Пережегин. – Вот что, уважаемый: раз уж я согласился вас выслушать, то давайте без эмоций. Излагайте вашу историю по порядку.

– Извините, если что не так, – визитер опять хлопнул себя по лбу и снова скривился: – А, черт! В общем, так. Грабителей было двое. Один маленький и худенький, вроде подростка. Такой вывод сыщики сделали на том основании, что ночью тот пролез через узкую форточку служебного туалета, расположенного на первом этаже. Затем он открыл торцевое окно коридора и впустил второго грабителя, несомненно, более внушительной комплекции, – интуитивно Бойко приложил руку к затылку, как бы в подтверждение своих слов. – Эти бандиты проникли в здание в тот самый момент, когда я совершал обход. Затем они устроили засаду за колоннами, притаившись в их тени.

– Пойдите, – прервал его Пережегин. – Из ваших слов следует, что грабители знали не только о расположении помещений первого этажа, но и о времени вашего ночного обхода. То есть у них наверняка имелся наводчик-информатор из числа персонала бизнес-центра.

– Выходит, так, – вздохнул почему-то Бойко. – Но я продолжу в хронологическом порядке. В ту минуту, когда я выключил освещение парадной лестницы и в вестибюле сразу же стало темнее, до меня донесся сильный запах гари, которым тянуло из коридора. Понятно, я пошел проверять. Только пожара мне не хватало на моем дежурстве! Как выяснилось позднее, бандиты распылили в коридоре какую-то специфическую аэрозоль, а сами спрятались за колоннами. Один из них, очевидно, тот, что покрепче, пропустил меня вперед, а затем шарахнул бутылкой по затылку. Убедившись, что я вырубился, они связали мне руки за спиной скотчем и скотчем же заклеили рот. Такой, видимо, у них был план по нейтрализации охраны, и они реализовали

его на все сто. После этого сбили замок с двери чулана, в который никто не заглядывал пять лет, и включили там свет. Знали, шакалы, что выключатель находится под лестницей. Далее начали двигать старую мебель, как бы расчищая площадку у дальней стены, – тут Бойко оценивающим взглядом посмотрел на собеседника, будто взвешивая, серьезно ли тот относится к услышанному, затем пояснил: – Все эти подробности я узнал от Марии, которая из чисто женского любопытства крутилась возле сыщиков, начальства и уже допрошенных сотрудников, постепенно составляя общую картину преступления.

– Что ж, давайте быстрее перейдем к этой самой общей картине.

4

– В общем, сыщики пришли к выводу, что вовсе не чулан являлся целью грабителей. Дело в том, что на втором этаже, как раз над чуланом, расположена касса солидной торгово-посреднической фирмы, куда ближе к вечеру ежедневно стекается выручка из многих точек. Причем сейф у них расположен в бетонной нише, которую на ночь дополнительно запирают крепкой стальной решеткой.

Проникнув в чулан, грабители установили один из лабораторных столов непосредственно на линии проекции верхней ниши с сейфом, а на стол еще поставили тумбочку. Вот потому-то они и передвигали в чулане старую рухлядь. Очевидно, они рассчитывали, взобравшись на выстроенную пирамиду из предметов мебели, проделать в потолке дыру с помощью специальных инструментов либо взрывчатых веществ, а затем проникнуть внутрь хорошо защищенной ниши и добраться до сейфа. Но грабители просчитались. Не учли одной важной мелочи.

Потолки цокольного этажа очень высокие, гораздо выше, чем на верхних этажах. Грабители, как ни старались, не смогли достать своим инструментом до потолка и вынуждены были сматывать удочки не солоно хлебавши. По мнению сыщиков, действовали дилетанты, насмотревшиеся голливудских боевиков, но не совсем уж тупые. Они нигде не оставили отпечатков пальцев, видимо, работали в резиновых перчатках. Впрочем, это уже не важно, позже сами поймете, почему.

– Как вы освободились от пут?

– Когда очнулся, бандитов и след простыл. В заднем кармане брюк я всегда ношу небольшой перочинный ножичек. Очень полезная вещь. Огурчик ли порезать, бутылку пива открыть, шуруп отвернуть в бытовом приборе... Вот и в тот момент он пригодился. Изловчившись, я открыл лезвие и перерезал ленты скотча, после чего сорвал полоску этой липкой гадости с лица.

– Да вы просто герой, Валентин Алексеевич, – поощрительно заметил Пережегин. – Но когда же дойдет черед до янтарной завитушки?

– Погодите немного, самая малость осталась, – Бойко сделал успокаивающий жест. – Итак, во всем нашем бизнес-центре возобладало мнение, что полиция не будет заниматься этим делом. Да и зачем? Ничего не пропало, сейф на месте, ущерба практически никакого, заявлений от официальных лиц нет, единственный пострадавший, то есть я, отделался легким ушибом. Притом что у полиции есть дела поважнее. Пожалуй, я согласился бы с такой постановкой вопроса, если бы не слухи.

– Кажется, я догадываюсь, что это за слухи...

– Ну да. Личность наводчика. Того, кто передал бандитам полные сведения о том, как лучше подобраться к сейфу, но почему-то забыл предупредить о высоте потолков на цокольном этаже. Короче, владелец посреднической фирмы, он же хозяин сейфа на втором этаже, решил почему-то, что этим наводчиком был я. А моя травма – это, дескать, разыгранный спектакль, чтобы снять с меня подозрение. Ну и подослал ко мне своих «быков», когда я, значит, появился в конторе после выписки. Те заявили мне открытым текстом, чтобы я выметался на улицу, как только закрою свой больничный лист. Я ответил, что ни в чем не виноват и что их обвинения бездоказательны. Они только рассмеялись, мол, доказательства тут – дело десятое, достаточно одного подозрения. Мол, я теперь замарался и должен сваливать отсюда. И добавили, что мне надо радоваться своему счастью, потому что хозяин принял мягкое решение. А мог бы дать поручение отвезти меня в лес и заставить рыть могилу, пока не назову имен своих поделщиков. Сказать почестному, в первый момент я здорово перепугался, но затем взял себя в руки и решил стоять на своем. Правда-то на моей

стороне. А вот если уйду, то все так и подумают, что виноват. Нет уж, буду бороться за свое честное имя до конца. Но где мне искать защиту? В полиции? Да они пошлют меня подальше, только и всего. Вот я и пришел за помощью к вам.

– Сочувствую вашему положению, – сказал Пережегин. – Но вынужден повторить вопрос: мы доползем, наконец, до янтарной завитушки?

5

– Уже доползли, – со вздохом ответил клиент. – Еще когда я находился в больнице, в ушах моих регулярно повторялся какой-то звук, похожий то ли на шипение, то ли на шуршание. Я считал, что это последствия травмы, и старался не обращать на него внимания. Через пару дней мне стало немного легче, но звук все равно напоминал о себе. Значит, это не случайно, значит, это шуршание имеет отношение к делу. И вот после того как «быки» наехали на меня, и я начал лихорадочно размышлять о способах защиты, в моей пострадавшей голове что-то ослепительно прояснилось. Я вдруг понял, что это шуршание раздавалось в вестибюле в те минуты, когда я, связанный, валялся у колонны без сознания. Такой вот парадокс: сознание отключилось, а уши все равно фиксировали в памяти странные звуки, дабы в нужный момент те подсказали мне верный ход. Словом, загадка человеческой психики. Не знаю, как все это происходит в потаенном мире наших обрывочных видений, но загадку шуршания я расшифровал. Означало оно вот что: бандиты тащили нечто тяжелое на каком-то листе к открытому торцевому окну в коридоре. Этот лист и шуршал по цементному полу, понимаете? И вот когда я догадался об этом, то мне, мне одному открылась истина. Бандиты проникли в чулан, вовсе не для того, чтобы пробивать потолок! Им нужна была некая тяжелая вещь, хранившаяся в самом чулане! А мебель они двигали для того, чтобы открыть к ней доступ, освободить проход. Но от чулана до торцевого окна будет, пожалуй, метров семьдесят. Замучаешься тащить что-то тяжелое. Тогда они оторвали фанерный лист с тыльной стороны старого канцелярского стола, пробили в этом листе дыру, пропустили через нее найденную здесь же толстую проволоку и, как бурлаки, потянули свой груз к окну. Вот вам и шуршание!

– Да, но как же они вытащили свою ношу через окно, подумал я. Прошел к нему и осмотрел подоконник. На его выступающих планках ясно виднелись свежие темные полосы. Значит, грабители подняли добычу на подоконник, продвинули ее вперед, сами выбрались наружу и переместили то, за чем пришли, в кузов, предположительно какого-нибудь фургончика, который они заранее подогнали к окну. А куда подевался фанерный лист? подумал я. Все же это улика. Оставлять его на полу в коридоре было нельзя. Скорее всего, лист они увезли с собой, подумалось мне, но недалеко. Зачем им лишняя улика? Выкинули где-нибудь по дороге в мусорный контейнер или в кусты. На нашей улице, метрах в трехстах от бизнес-центра, стоит давно уже расселенный дом, вокруг которого поднялись высоченные заросли бурьяна. Я отправился в разведку и не прогадал. Точно, в бурьяне лежал лакированный лист четырехмиллиметровой фанеры размеров 85х45 сантиметров. Именно такими панелями в былые времена закрывали тыльную часть самых дешевых канцелярских столов. И дыра в листе была пробита, и даже проволока сохранилась. Тут уж не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что к чему. И все же главной уликой, попавшей в мои руки, стал вот этот янтарный завиток.

– Где же вы его нашли?

– Нашла его Мария. На полу, перед тем самым торцевым окном. Подумала, по ее словам, что, может, это какая-нибудь важная деталь, потерянная кем-то из сотрудников. Ну, и сунула завитушку в ящик своего «уборочного комбайна». Да и забыла о находке, находясь под впечатлением от ЧП в конторе. А позднее, когда я сказал ей, что через окно, похоже, тащили какую-то тяжесть, она вдруг вспомнила о завитушке и передала ее мне. Понятно, что эта деталь отвалилась от какой-то основы. Я уж вертел эту штуковину в руках и так и эдак, но куда она могла быть присобачена, так и не уразумел. Ясно одно: она именно оттуда, от той массивной штуки, за которой они приходили.

«Народный эксперт» снова внимательно осмотрел завитушку, разместив ту на своей ладони:

– Странно, однако, что оперативники не заметили ее. Они ведь первыми, еще ночью, осматривали место происшествия. Замечательная Мария, с ее «уборочным комбайном», появилась в коридоре, как я понимаю, уже утром.

– Да чего тут странного! – вскинулся Бойко. – Говорю же, ничего не украли, никого не убили. Ну, разбили голову какому-то там вахтеру. Так ведь бандиты, если только удастся их задержать, наверняка скажут, что вахтер сам виноват, первым полез в драку, а они, тихие ребята, действовали в пределах самообороны. Зачем полиции влезать в это дело, где преступникам и предъявить-то нечего? Думаю, сыщики осматривали окно и завитушку янтарную наверняка видели. Но если приобщать ее к делу, то надо вести расследование по пустяковому поводу. На кой черт им это сдалось?!

– Вам, уважаемый Валентин Алексеевич, в полиции бы служить или открыть частное детективное бюро. Ишь, как лихо раскрутили вы эту версию!

– Раскрутишь, когда беда припечет, – вздохнул Бойко. – Но, если честно, я не имею ни малейшего понятия, что делать дальше. Вот, пришел к вам за помощью. Мой ресурс исчерпан полностью. Я словно в каменную стену уперся. Голова пуста, как тыква, – он хлопнул себя по лбу и снова охнул: – Проклятая привычка!

– А где этот лист фанеры? – поинтересовался Пережегин. – Почему вы не принесли его с собой?

– Я его привез, – ответил охранник. – Лист находится в моей машине, а та стоит под окном вашего бюро. – Откуда мне было знать, встречу ли я вас, согласитесь ли вы говорить со мной? Зачем же я буду тащить сюда грязный фанерный лист? Но, если вы скажете, я мигом сбегаю за ним.

– Нет, тащить его сюда не надо, – остудил его пыл Пережегин. – Лучше мы вдвоем спустимся вниз и осмотрим сей предмет на месте.

6

В узком дворе стояла выдавшая виды кремовая «лада», казавшаяся рядом с «киа» Пережегина полнейшей развалюхой.

– Вы не смотрите, что машина поношенная, – сказал Бойко. – Зато внутри отлажена до винтика и работает как часы. А все потому, что есть грамотный уход.

– Вот тут я с вами полностью согласен, – отозвался Пережегин. – Если за какой-либо вещью есть надлежащий уход, то она чувствует это и служит своему хозяину долго и безотказно. А у вас, я смотрю, руки приделаны, как надо.

– Да уж, – не стал скромничать тот, – по части ремонта автотранспорта и бытовой техники к специалистам обращаться не стану.

Он открыл заднюю дверцу «лады» и вытащил из салона многократно завернутый в полиэтилен фанерный лист, с прикрепленной к нему проволокой. Лист он пристроил на капоте и развернул упаковку.

«Народный эксперт» тут же простер над фанерой правую руку, держа при этом на вытянутой левой ладони янтарную завитушку.

– Могу констатировать, что между янтарем и фанерой существует определенная связь, – заявил он через минуту. – Более того, янтарь тесно соприкасался одной своей точкой с листом при волочении. – Он достал прихваченную из бюро лупу и тщательно осмотрел края листа. – Так-так, любопытно... Наша янтарная завитушка располагалась на листе вот в этом месте и вот в таком положении, – он приложил деталь к листу верхней точкой выпуклости и покачал ее туда-сюда. – Видите, на листе сохранилась едва заметная вмятина. Ну что ж, ситуация несколько прояснилась. Эта янтарная завитушка служила одной из ножек похищенного артефакта, будем употреблять пока именно такой термин. Обратите внимание, на листе остались следы от трех других ножек, очевидно, полностью идентичных доставшемуся нам янтарю. Таким образом, мы можем судить о размерах и примерном весе главного артефакта. Размеры основания, к которому ножки были прикреплены своей плоской стороной, составляют не менее 75х35 сантиметров. Говорю – предположительно, потому что ножки могли быть установлены не по краям артефакта, а смещены к осевым линиям. Ножки крепились к основанию при помощи медных шпилек, пропущенных через отверстия в янтаре. Как видите, в одном из отверстий застряла часть обломившейся шпильки. Судя по глубине вдавливания в фанеру, сам артефакт весил порядка 20-25 килограммов.

Пережегин еще раз осмотрел завитушку.

– В центре плоскости имеется небольшой, но достаточно углубленный скол. Очевидно, здесь проходила вторая шпилька, соединявшая ножку с нижней плоскостью основания, или подставки нашего артефакта. Когда грабители тянули свою добычу по подоконнику, то от резкого движения ножка обломилась, че-

го они не заметили. Иными словами, вы, уважаемый Валентин Алексеевич, абсолютно правы: грабители не собирались проникать в кассу на втором этаже. Они явились за конкретным артефактом, хранившимся в кладовой на протяжении, очевидно, всех пяти лет. Похоже, они знали даже то, что этот массивный артефакт поместится на листе фанеры, снятой с канцелярского стола. Обратите внимание, как аккуратно проделано отверстие в листе. Оно не пробито случайно подвернувшейся под руку железкой, оно просверлено с помощью так называемого трехгранного шила, предназначенного для работы с деревом, и его, это шило, грабители, несомненно, принесли с собой.

– Я знаю, что такое трехгранное шило, у меня дома их целый набор, – вставил Бойко.

– Они, может, и дилетанты, но постарались предусмотреть каждую мелочь, – проговорил Пережегин, пропустив мимо ушей реплику визитера.

– Мы сможем их найти? – с надеждой спросил Бойко.

– Мы не будем их искать, это не наш метод. Мы будем искать артефакт, который они похитили.

– А разве это не одно и то же? И вообще, как можно найти какую-либо вещь, не вычислив прежде грабителей?

– Не стоит бежать впереди паровоза, – примирительным тоном отозвался Пережегин. – У нас в руках ключ – эта янтарная ножка. Задача – найти замок. – Он снова поиграл завитушкой. – Странно, однако, что для ножек выбран столь необычный материал, как янтарь. Если мне не изменяет память, то твердость янтаря, по шкале Мооса, оставляет порядка двух-трех единиц, то есть по данному показателю янтарь находится между гипсом и кальцитом. Иными словами, ему свойственна хрупкость, что и доказал эпизод с обламыванием ножки. Даже ножки из дерева были бы куда надежнее. Но заказчик артефакта выбрал все же янтарь. Почему?

– Наверное, для красоты.

– Но ведь их практически не видеть. Они буквально спрятаны под днищем артефакта. Притом янтарь – довольно дорогое удовольствие. Но заказчика не остановило это обстоятельство. Именно янтарь был необходим как материал для ножек. Тут какая-то загадка. Расшифровав ее, мы наверняка продвинемся к цели.

– Говорите: что надо сделать?

Пережегин снова произвел некие манипуляции с фанерным листом и завитушкой, после чего посмотрел на собеседника и произнес:

– Между фанерой – частью канцелярского стола и янтарной ножкой – частью неведомого нам артефакта существует более тесная связь, чем это представлялось мне минуту назад. Короче говоря, они находились рядом, в одном помещении, на протяжении не пяти лет, а гораздо дольше, еще со времен благополучного существования научно-конструкторского отдела. Отсюда и задание для вас, уважаемый. Хорошо бы найти кого-нибудь из старых сотрудников заводоуправления и попытаться выяснить, только очень аккуратно, что за штукавина с янтарными ножками стояла в отделе?

– Это вряд ли, – покачал головой Бойко. – Я слышал, что многие из них уехали – кто в Москву, кто на Запад, а некоторые и померли. Я поспрашиваю, конечно, но опасаясь, что это пустой номер.

– Ладно, подойдем с другой стороны, – не стал спорить Пережегин. – В этом деле есть еще одна странность. Отдел ликвидировали пять лет назад, остатки имущества – старую рассохшуюся мебель и устаревшее лабораторное оборудование, все эти железки-стекляшки-деревяшки, сотрудники перетаскивали в ничейную кладовку в закутке под лестницей первого этажа. В последующие пять лет все было спокойно. И вдруг кто-то организовал похищение хранившегося там артефакта. Почему именно сейчас? Почему не раньше? Тут кроется еще одна загадка, чьи корни тянутся к моменту ликвидации отдела. Хорошо бы выяснить, не случилось ли пять лет назад какого-либо ЧП? Например: не загремел ли в тот период кто-либо из сотрудников отдела на нары? Именно на пять лет. Или, может, кто-то уехал сразу же после ликвидации отдела за границу и вернулся совсем недавно.

– Понял, понял, – часто закивал Бойко.

– Работайте в этом направлении. Для сбора информации задействуйте свою подругу, замечательную уборщицу Марию. Может, она узнает что-нибудь по своей линии? Как только появятся новости, звоните мне.

– Ну, тогда я поехал?

– Счастливого пути!

Пережегин недолюбливал ранние звонки и в ряде случаев попросту не реагировал на них, потому что, как мы помним, был «совой».

Но звонок, раздавшийся в шесть утра, высветил на дисплее номер охранника Бойко, и Пережегин, хоть и с неохотой, утопил контактную клавишу.

– Послушайте, господин «народный эксперт», нам надо срочно встретиться, чтобы обсудить один неотложный вопрос, – с места в карьер пустился охранник, даже не поздоровавшись. В его голосе звучали непривычно агрессивные, даже угрожающие нотки.

– Случилось что-нибудь? – спросил Пережегин.

– Да, случилось! – резко ответил тот. – Очень даже случилось! И я обязан разобраться в этом, прежде чем позволить вашему превосходительству и дальше морочить мне голову. – Его голос то наплывал, то затихал, словно абонент раскачивался на неких гигантских качелях.

– Хорошо, встретимся через час, в моем бюро.

...У охранника был такой враждебный вид, словно он намеревался наброситься на Пережегина с кулаками.

– Присаживайтесь и выкладывайте свои срочные новости, – Петр Мефодьевич указал гостю на стул.

– Да уж, выложу, не сомневайтесь, – недобро сощурившись, тот буквально грохнулся на стул, затрещавший под его тяжестью. – Я, наконец, понял, куда вы клоните! Понял. Но этот номер у вас не пройдет! – И он погрозил собеседнику пальцем.

Пережегин окинул его фигуру взглядом и спокойно произнес:

– Вы, почтеннейший, никак подшофе? Да еще с вечера, верно?

– Да, – кивнул тот. – Пришлось приложиться, чтобы выполнить ваше задание. Зато голова прояснилась, и я понял ваш хитроумный план. Вы копаете под Марию, вот что! Мол, только она могла владеть всей информацией по этой штуковине с янтарными ножками, а грабители – ее сообщники. Так вот, я категорически заявляю, что все это – чушь собачья! Мария – честная и порядочная женщина, слышите, вы, большой хитрец?! И вы напрасно иронизируете, называя ее «замеча-

тельной уборщицей», – выдав эту пламенную тираду, он уронил голову на грудь.

Пережегин шумно хлопнул своей мясистой ладонью по столешнице, отчего Бойко сразу же выпрямился на стуле.

– Друг мой, – сказал ему Пережегин, – нехорошо из-за хмельных домыслов сдергивать человека с койки в шесть утра. Ваши мысли, как я вижу, не прояснились, а напротив, затуманились. Иначе вы давно бы сообразили, что я не могу подозревать Марию в сговоре с преступниками хотя бы по той элементарной причине, что она передала янтарную ножку вам в руки. И еще: я отнюдь не иронизировал, называя ее «замечательной уборщицей». Это похвала ее наблюдательности и неравнодушию. Ладно, будем считать, что мы объяснились. А сейчас ступайте домой. Вам надо проспать, друг мой. Встретимся во второй половине дня.

– Нет, погодите. Так вы действительно ничего не имеете против Марии?

– Мне перекреститься?

– А ведь правда, – Бойко трижды с силой хлопнул себя по лбу. – Сколько же тупости сидит в этой черепной коробке! Извините меня, Петр Мефодьевич. Похоже, я основательно перебрал вчера.

– Это очевидно.

– Но все же я действовал в интересах дела и получил весьма любопытную информацию. Она вас заинтересует.

– Вы сможете изложить ее внятно?

– Не сомневайтесь!

– Тогда начинайте, – вздохнул Пережегин. – Рассказывайте, что вы там накопили вдвоем с вашей замечательной Марией.

– Вы опять попали в самую точку, – признал Бойко. – Основную часть информации раздобыла именно она, Мария. Но начну по порядку. Вернувшись вчера днем после нашей с вами беседы в контору, я разыскал Марию и попросил ее подсобить мне в этом деле. Что касается чулана, то она сразу заявила, что за этим темным закутком, конечно, не следила, но дает гарантию, что, по крайней мере, в течение последнего года никто не совал туда свой нос. Она ведь моет полы под парадной лестницей тоже. Там за день оседает приличный слой пыли, на котором четко видны любые следы. Но никаких отпечатков обуви на квадратике пола перед дверью в чулан она никогда

не замечала, хотя, конечно, не особенно приглядывалась. И вообще, проникнуть в этот закуток незамеченным не так-то просто. В вестибюле, в противоположной стороне, но как раз наискосок от чулана, находится аптекарский киоск. Так что в дневное время чулан находится в поле зрения аптекарши, старой дамы, которая знает, что этим помещением давно не пользовались, и потому любое проникновение в него привлекло бы ее внимание. В вечерние часы закуток под лестницей свободно просматривается дежурным охранником. Кроме того, чулан отлично виден с парадной лестницы, по которой в рабочие часы непрерывно движется народ.

Мария твердо убеждена в том, что за последний год-полтора в чулан никто не входил, – повторил Бойко. – А раз уж эта женщина в чем-то убеждена, то с ней надо соглашаться. Затем мы перешли к вопросу о том, не случилось ли чего вокруг этого чулана пять лет назад, когда ликвидировали научно-конструкторский отдел. И вот тут-то Мария буквально огорошила меня. Оказывается, буквально за два-три дня до ликвидации отдела два ведущих конструктора – Хабарин и Черменский, видите, она даже помнит их фамилии, – попали в жуткую автомобильную аварию. Хабарин, находившийся за рулем своих «жигулей», погиб на месте, а Черменского с многочисленными переломами увезли в больницу. О его дальнейшей судьбе Мария ничего не знает, поскольку все сотрудники отдела получили расчет, и расспрашивать было уже некого. Впрочем, в администрации поговаривали, что он провел в больнице десять месяцев и выписался с сильной хромотой. Но в конторе он никогда более не появлялся.

– Как я понимаю, – предположил Пережегин, – кроме замечательной Марии, вы обратились еще к какому-то источнику.

– Так точно! – кивнул Бойко. – Надо ведь было раскрутить эту историю до конца. В администрации той конторы, которая осталась от прежнего заводууправления, есть завхоз по фамилии Суцев. На этой должности он работал еще при старой системе. Я рассудил, что Суцев должен знать какие-то подробности о той аварии. Правда, раньше я с ним тесно не общался. Он вообще-то человек разборчивый, даже чванливый, но большой любитель выпить, особенно за чужой счет. На этом я и сыграл. Остановил его в коридоре и пустил слезу: мол, душа горит, а пообщаться не с кем, все старые товарищи отверну-

лись от меня. Присовокупил сюда же парочку комплиментов в его адрес и предложил заглянуть после работы в чебуречную, добавив, что все расходы беру на себя.

Бойко вздохнул, осторожно потер свои виски, после чего продолжил:

– Короче, угостил я его на славу, ну и сам, конечно, хорошо принял на грудь, и только после этого осторожно перевел разговор на ту автомобильную аварию. Суцев купился на мой ход. Сразу же заявил, что очень хорошо помнит тот случай. Хабарин и Черменский поехали куда-то вместе, и это было удивительно. Ведь все заводоуправление знало, что два этих талантливых конструктора буквально ненавидели друг друга. Каждый из них считал себя гением, а своего конкурента бездарностью. В научном мире это не редкость. Они не подавали друг другу руки, пытались подколоть один другого, выступая на совещаниях, отводили в сторону глаза при случайной встрече в коридоре, словом, были на ножах. А тут вдруг поехали куда-то вместе, причем не по заданию руководства, а по каким-то личным делам. Те из сотрудников, кто видел их отъезд со двора, утверждали, что оба гения вели себя лояльно по отношению друг к другу. Хабарин, надо сказать, был очень осторожным и осмотрительным водителем, с большим стажем, никогда не лихачил, не шел на обгон, не проезжал на желтый глазок светофора. Но им в тот день жутко не повезло. В тихой улочке на Петроградской стороне из-под арки на полной скорости вылетел тяжелый внедорожник и смял «жигули», как консервную банку. Поговаривали, что за рулем внедорожника сидел сынок какой-то крупной шишки, вусмерть пьяный, но по части расследования аварии сведений у Суцева нет. Что касается конструкторов, то Хабарин действительно погиб мгновенно, а Черменский, сидевший на заднем сиденье (все же рядом с Хабариным он устроиться не пожелал, и это спасло ему жизнь), получил тяжелые травмы. «Скорая» увезла его в Военно-медицинскую клинику. Его дальнейшей судьбой Суцев не интересовался.

– То есть мы приехали к той же точке, где оставили Марию? – вскинул левую бровь Пережегин.

– Не совсем, – с простодушной хитринкой ответил Бойко, одновременно морщась от приступа головной боли. – Месяца полтора назад Суцев случайно встретил Черменского возле вестибюля метро «Электросила». В первую минуту даже не узнал

его. Всегда элегантно одетый, энергичный, острый на язык, бывший ведущий конструктор превратился в угрюмого старика. Он шел с тростью, сильно припадая на правую ногу. Но встрече с Суцевым Черменский явно обрадовался и предложил тому заглянуть в рюмочную, добавив, что расходы за его счет. Суцев признался, что пообщались они в тот вечер капитально. Черменский рассказал, что провел в больнице больше года, пока срослись кости. Едва выписался, занедужила и вскоре умерла его жена. Единственный сын уехал на заработки в какой-то нефтедобывающий район и с той поры не подает о себе весточки. Словом, остался человек один и без дела. Живет на пенсию по инвалидности, кое-что подрабатывает в небольших фирмах. Конечно, можно было бы найти работу солиднее. При его-то квалификации. Но он не хочет. Он, мол, не вписывается в этот отвратительный, мерзкий новый образ жизни, где верховным богом объявлен золотой телец. Он еще долго изливал свою желчь, так что Суцев заскучал и начал собираться домой. Черменский заказал «на посошок» еще по 50 граммов и, почувствовав, видимо, что надоел собеседнику своим стариковским ворчанием, переменял тему, поинтересовавшись, не встречал ли Суцев кого-либо из бывших сотрудников отдела и кто, мол, хозяйничает сейчас в помещениях бывших лабораторий? Суцев ответил, что старых сотрудников не встречал, что основные кабинеты отдела заняла торгово-посредническая фирма, затем добавил, что в бывшей лаборатории без окон доньше пылятся списанные приборы и мебель из всего бывшего отдела. При этих словах Черменский, который и сам клевал уже носом, вдруг живо встрепенулся, как будто у него за спиной выросли крылья. Его слезившиеся глаза вдруг молодо заблестели, на впалых щеках заиграл нервный румянец. Именно так, слово в слово, сообщил мне Суцев. Черменский с недюжинной силой вцепился костлявой рукой в плечо завхоза, требуя, чтобы тот подтвердил свои слова о том, что все старое оборудование перекочевало в чулан и что туда никто не заглядывал за минувшие пять лет. Словом, перемена в поведении Черменского показалась Суцеву очень странной, что, впрочем, могло объясняться ностальгией старика по минувшим временам.

– А что вы, Петр Мефодьевич, думаете по поводу добытых нами с Марией сведений? – спросил Бойко, мерно покачиваясь на стуле.

– Я думаю, что мне следует познакомиться ближе с господином Черменским, – ответил «народный эксперт». – Вот только где его искать?

Бойко достал из нагрудного кармашка небольшой бумажный прямоугольник и протянул его собеседнику.

– Черменский Семен Семенович приглашал Сущева к себе в гости, разъяснив, что до конца сезона он будет обитать на своей даче в районе платформы Дачное. Сентябрь в этом году выдался теплым, думаю, Семен Семенович все еще там. Если прикажете, буду сопровождать вас в качестве группы силовой поддержки.

– Вы, почтеннейший, идите-ка лучше домой да отоспитесь, – посоветовал ему Пережегин. – Свою часть работы вы исполнили, теперь за дело берусь я.

8

Обширное садоводство «Дачное» было разбито на участки квадратно-гнездовым способом, так что найти нужную линию, а на ней и делянку Черменского, не составляло особого труда.

Более того, высокую и худощаво-сгорбленную фигуру отставного конструктора, каким его обрисовал Бойко, Пережегин увидел еще издали. Прихрамывая и опираясь на массивную трость с набалдашником в виде головы льва, пенсионер в глубокой задумчивости прогуливался по своему владению.

Садоводство «Дачное», как, впрочем, и едва ли не все дачные поселки, расположенные в окрестностях Северной столицы, являло собой картину резких контрастов.

С одной стороны, здесь имелись уголки, застроенные особняками в два-три этажа, с балконами и террасами, с саунами и отапливаемыми гаражами, с ухоженными клумбами, аккуратными асфальтированными дорожками и прочими атрибутами комфортабельного загородного отдыха.

С другой стороны, иные кварталы между соседними линиями напоминали о былых временах, когда пригородная дача ассоциировалась с непременными грядками, согбенными спинами владельцев, пытавшихся вырастить чудо-овощи на скудной северо-западной почве, с ягодными кустарниками, крохотным яблоневым садом и невзрачными хозяйственными постройками из подручных материалов.

Вот в одном из таких патриархальных уголков и обитал Черменский.

Его двухэтажная дача, еще два десятка лет назад считавшаяся, видимо, эталоном комфорта, сейчас наводила на мысль о бренности всего сущего.

Это впечатление подкреплялось картиной соседней хижины, сгоревшей от пожара, по всем приметам, два-три сезона назад, и с той поры заброшенной, похоже, ее владельцем, о чем свидетельствовали буйные заросли бурьяна по всему участку. Яблони, избежавшие огня, были буквально осыпаны золотисторозоватыми плодами.

Пережегин остановил свой «киа» у невысокого штакетника, не доезжая до калитки, ибо в противном случае дом загородил бы собой фигуру пенсионера.

Выбравшись наружу, «народный эксперт» приблизился к ограде:

– Здравствуйте, хозяин! Не вы ли будете Семеном Семеновичем Черменским?

Тот обернулся, только сейчас заметив незнакомца. У него была совершенно белоснежная шевелюра и впавшие щеки. Полные затаенной печали карие глаза, кажется, все еще оставались зоркими. Хромал он очень заметно, переваливаясь при ходьбе с боку на бок. С таким увечьем не то что в форточку, но и в настежь распахнутое окно не пролезть.

– Да, это я, – ответил он. – Откуда вам известно мое имя, ведь мы не знакомы?

– Я Пережегин Петр Мефодьевич, предприниматель, хочу приобрести участок в здешнем закутке, – незванный гость естественно вошел в роль добродушного жизнелюба. – Обратился к руководству вашего садоводства, мне назвали несколько адресов. В том числе ваш.

– Здесь какая-то ошибка, – нахмурился Черменский. – У меня не было намерения выставлять свой участок на торги.

– Возможно, в дирекции что-то перепутали, имея в виду соседний участок, вот с этим сгоревшим домиком, – благодушно отозвался Пережегин.

Хозяин внезапно напрягся и заявил после паузы:

– Честно говоря, быть может, в скором времени я избавлюсь от этой обузы, – он кивнул на свой вставший в землю теремок. – Все завит от ряда обстоятельств, – произнес он

задумчиво. – Приезжайте недельки через три. Тогда я дам вам определенный ответ.

– Хорошо, – с покладистой улыбкой кивнул Пережегин. – Так мы и сделаем, притом что спешить некуда. Но уж коли я оказался здесь и сейчас, то, быть может, вы разрешите мне осмотреть вашу «фазенду»?

– Калитка не заперта, собаки у меня нет, проходите, – сухо отозвался Черменский.

– Благодарю вас за любезность, – еще шире улыбнулся Пережегин и двинулся к калитке. Левой рукой он сжимал в кармане своей легкой куртки янтарную завитушку.

Рядом с калиткой находились еще и ворота – также сложенные в виде штакетника. Хорошо накатанная колея вела через них к металлическому гаражу, установленному у тыльного забора.

– А какой у вас автомобиль? – поинтересовался Пережегин.

– «Москвич» старой модели. Он уже давно не ходовой. Продад бы, да такую рухлядь никто не возьмет.

– Может, покажете? У меня как раз есть приятель, который восстанавливает советские машины и продает их любителям старины. Неплохую деньгу делает, между прочим.

Хозяин горько вздохнул, как человек, которого подловили на неосторожном слове, и распахнул створки незапертого гаража: – Любуйтесь.

Внутри стоял красный «москвич»-фургон. Его шины были влажными. Значит, еще вчера, когда шел дождь, на нем куда-то выезжали.

– Машина с ручным управлением? – как бы невзначай продолжал допытываться Пережегин.

– Да, – односложно ответил Черменский.

– Вид у нее вполне еще приличный, – радостно возвестил гость. – Сегодня же сообщу приятелю об этом раритете. С вашего согласия, разумеется.

– Давайте пока повременим с этим, – поморщился хозяин. – Машиной интересовался один парень из автосервиса, хочет купить ее на запчасти. – Явно выкручиваясь, он противоречил сам себе, понимал это и злился на нежданного визитера, побудившего его юлить.

А визитер и виду не подал, что зафиксировал промашку собеседника.

– Ладно, как скажете. А вообще мне нравится расположение вашего въезда, – сообщил Пережегин. – Но, если мы договоримся о продаже участка, то я поставлю здесь другой гараж, утепленный. – С этими словами он буквально «обнюхал» металлическую коробку.

– Воля ваша, – отозвался Черменский. – Не угодно ли осмотреть дом? Хотя вы, конечно, пустите его под снос. А жаль! Знали бы вы, сколько оригинальных идей и нетрадиционных решений родилось под сенью этой обители! Впрочем, все это давно в прошлом. Сейчас в моде другие ценности. Что ж, рушьте, ломайте, сравнивайте с землей, на это вы, похоже, мастера.

– Так вы позволите войти в дом? – гость оставил без ответа взволнованную тираду хозяина.

– Я ведь уже сказал, – махнул тот рукой.

Пережегин обошел все помещения теремка, заглянул даже в подвал, мотивируя тем, что новое строительство начнет, скорее всего, с расширения подвала.

Он внимательно присматривался и принимался к каждой мелочи, заглядывал в любой закуток, где могло бы притаиться нечто, размером в основании не менее 75х35см и весом порядка полутора пудов, но его бесценный дар безмолствовал.

По ходу осмотра Пережегин то и дело пытался разговорить строгого хозяина. Но тот отвечал односложно, либо обтекаемо, причем в язвительной манере, и на контакт определенно не шел.

Затем Пережегин, добродушно балагурия, осмотрел все уголки делянки, но нигде не заметил даже намека на свежевскопанную землю.

При этом хозяин, несмотря на свою хромоту, не отставал от него ни на шаг. Пережегин ежеминутно ощущал присутствие пенсионера за спиной. А еще складывалось впечатление, что тот вроде бы успокоился в ожидании скорого ухода гостя.

Однако что-то неуловимо изменилось, когда Пережегин подошел к узенькому разрыву в сплошной стене ягодника, разделявшего участки Черменского и его соседа-погорельца.

Не требовалось быть «народным экспертом», дабы понять, что дыхание старика резко участилось.

Пережегин изобразил на своем лице самодовольную улыбку удачливого обывателя.

– А знаете, какая мысль мне только что пришла в голову? Что если мне прикупить еще и этот, погоревший участок? Тогда уж наверняка я сумею развернуться шире, ведь так?

– Вынужден вас разочаровать, – ответил Черменский, пожалуй, с излишней экспрессивностью. – Этим участком владеет молодой еще человек любвеобильной натуры, который явно не нуждается в деньгах, зато обожает пикники интимного характера, которые он регулярно устраивает в летний период. Он привозит сюда шумные компании, они разжигают мангал, включают музыку, пьют-хохочут, словом, веселятся, или, как сейчас принято выражаться в молодежной среде, «оттягиваются». Во время одного из пикников и сгорела эта дача, которую буквально по бревнышку построили ныне покойные родители этого балбеса. Хорошо еще, что пожарные приехали быстро. Иначе, чего доброго, запылал бы и мой теремок. А ему, молодому наследнику, хоть бы хны. Так и продолжает возить сюда своих приятелей и девиц определенного толка. Но теперь они ставят палатки, где и продолжают безобразия. Словом, перед вами вертеп, гнездо разврата, и владелец не станет его продавать.

– А может, я смогу уговорить его? – сощурился Пережегин. – Но сначала пойду все же посмотрю, в каком состоянии пребывает это гнездо.

Гость шагнул в сторону завала из крупных сухих ветвей, наваленных сюда явно недавно.

– Это называется «незаконное проникновение в частное владение», – сурово возвестил отставной конструктор, странным образом беря под защиту права своего шумного соседа-гуляки.

– Да вы не беспокойтесь, я потихоньку, я быстро, глазом не успеете моргнуть. – Говоря так, Пережегин лихо преодолел свежий завал и перешагнул через межу. – Я мигом, а после мы спокойно обсудим с вами финансовую часть нашей сделки. Вы даже до беседки в саду не успеете дойти, как я присоединюсь к вам. – И он помчался к сгоревшему домику, крыша которого полностью обвалилась, но почерневшие стены хоть и покосились, но все же продолжали стоять.

Секунда, и он исчез в этих развалинах.

С мрачным выражением лица Черменский ждал настырного визитера в решетчатой беседке, перевитой плющом.

– А вот и я! – радостно возвестил Пережегин, выбравшись прежним путем из-за затора.

Войдя в беседку, он устроился на деревянной скамейке и сообщил:

– А ваш гуляка-сосед все же аккуратный парень. Убрал за своей компанией все следы пикников. Вот что удивительно, – он склонился над столом, – ворота на его участке обмотаны ржавой колючей проволокой. Не похоже, чтобы их открывали нынешним летом. Правда, калитка на простой щеколде. Неужели он водил свою шумную компанию через эту узенькую калитку? Но главное, ваш сосед хранит внутри сгоревшего дома какое-то имущество. В подполе, в большом деревянном ящике, заброшенном сухими ветками. Неужели он не боится дачных воров? Нет, я понимаю, конечно, что на сгоревшую дачу мало кто позарится, даже из числа бомжей. Но, как говорится, береженого бог бережет. – Он трещал без умолку, одновременно наблюдая за реакцией старика, который, похоже, находился в состоянии некой прострации. – А кстати, Семен Семенович, – «народный эксперт» достал из кармана и выложил на стол янтарную завитушку, – смотрите, что я нашел на пепелище. Не знаете, что бы это могло быть?

Черменский оторвал тяжелый взгляд от стола и перевел его на собеседника:

– С той самой секунды, когда вы окликнули меня с той стороны забора, я понял, что вы из полиции. И явились за ней. Понял, что у вас есть какие-то улики против меня и вы предъявите их мне. Понял, что вы каким-то образом сумели вычислить ее. Но все же я надеялся, что вы не догадаетесь заглянуть на соседний участок и что я получу хотя бы несколько дней свободы под подписку о невыезде, что даст мне возможность уладить без спешки свои последние дела. Но когда вы перебрались через завал, устроенный мною несколько дней назад, когда вы не поверили в байку о соседе-гуляке, я понял, что проиграл начисто и не получу даже кратковременной отсрочки... – Он умолк.

– Продолжайте, – Пережегин побарабанил кончиками пальцем по столу.

– Пока вы ходили по соседнему участку, я перебрал в памяти всю свою жизнь. Ведущий конструктор, бессонные ночи, поиски и находки, взлеты и разочарования, триумфы и провалы... Всякое бывало в моей «полусекретной» жизни. Но разве мог я помыслить, что встречу свой последний день на пороге позора... – Внезапно в его потухших глазах вспыхнули живые огоньки: – Послушайте, Петр Мефодьевич, или как вас там, не знаю вашего звания и полицейского чина, но суть не в этом. Я расскажу вам без малейшей утайки всю эту историю, отвечу на все ваши вопросы, но при одном неременном условии. Дайте слово, что, когда мы уладим все формальности, вы предоставите мне возможность остаться наедине с собой на пять минут. Только на пять минут. Не волнуйтесь, я все сделаю аккуратно, ваше начальство не станет вас наказывать. Да поймите же вы, служака, что перед вами русский ученый, чье имя до сих пор не забыли в определенных кругах. Чего бы я там ни натворил, мне не место среди уголовников. В тюрьму я не сяду. Ну?! Даете слово?

– Хоть вы и великий ученый, но все же не бегите впереди паровоза, – посоветовал Пережегин. – И не спешите с выводами. Может, мы еще найдем консенсус. Начинайте свою историю.

– Воля ваша, – Черменский какое-то время сидел недвижно. Затем произнес, медленно роняя слова:

– Я так и знал, что этим закончится. Видать, богатство – не мой удел. Но, учтите, я просил их не причинять вреда вахтеру. Специально достал хлороформ. Но они посчитали, что пустая бутылка надежнее. Он ведь не сильно пострадал, да?

– Два дня пролежал в больнице. Да и сейчас жалуется на головные боли. Однако давайте перейдем к фактам.

– Что ж... – вздохнул конструктор. – Извольте, я все расскажу... Чего уж теперь скрывать? – Приняв для себя решение, он заговорил свободнее: – Вы, конечно, слышали о мировом рынке антиквариата, нумизматики, филателии и всяческих прочих коллекционных ценностей. Но есть совершенно особый сектор этого рынка, о котором знают немногие. Речь идет о старинных научных приборах, сделанных в свое время на заказ для известных ученых. Так вот, в лаборатории, которую я возглавлял, хранилась так называемая магнитная, точнее, электромагнитная машина Леонарда Эйлера, академика Петербург-

ской академии наук, современника Ломоносова, швейцарца по происхождению.

– Электромагнитная машина? Так вот почему ножки были изготовлены из янтаря, – подал голос Пережегин.

– По тем временам янтарь считался одним из лучших изоляторов, – подтвердил Черменский. – Так вот, о машине. Не знаю уж, какими путями она к нам попала. Никто никогда не рассматривал ее как товар. Это была некая научная историческая реликвия, и только. Никто даже не догадывался, что за границей ее можно выгодно продать, особенно в Швейцарии. Притом что вид у нее был совершенно невзрачный. Сотрудники привыкли к ней, ну, как привыкают к вешалке в прихожей. А иная вешалка, между прочим, тоже может быть исторической ценностью. Один только я знал об истинной стоимости машины. Но и у меня в ту пору не мелькало даже мысли о продаже. В условиях СССР это было нереально.

Но настали новые времена. Наше НПО, казавшееся вечным, рушилось на глазах. Лучшие сотрудники уезжали. Те, у кого имелась деловая сметка, уходили в бизнес. Тем, кто остался, платили жалкие гроши, да и то нерегулярно. Руководство воровало без стыда и без совести, перспективы никакой... Все, что прежде казалось нам святым, подвергалось осмеянию. Нет, я не оправдываюсь, просто пытаюсь объяснить мотивы. Словом, я решил продать машину Эйлера, о которой все забыли. То есть это мне казалось, что все забыли. Но выяснилось, что есть еще один человек, знавший о ее конкретной стоимости. Коллега Хабарин, мой вечный научный оппонент. Какое-то время мы следили друг за другом. Наконец, объяснились, условившись поделить выручку пополам.

Хабарин сообщил, что скоро наш отдел ликвидируют. Вот тогда-то под шумок мы и вывезем машину. А пока надо обхаживать покупателя. Есть, мол, у него на примете один швейцарец... К этому швейцарцу мы и поехали в тот злосчастный день. Но, видать, своей корыстью мы прогневили бога. В одном из тихих переулков на Петроградской стороне нашу машину смял неведь откуда вырвавшийся джип.

Очнулся я в больнице. Узнал, что Хабарин погиб, а у меня множественные переломы, с которыми я пролежу в гипсе не один месяц. Это означало, что отдел ликвидируют без меня, а магнитную машину попросту выбросят на свалку... Значит, не судьба.

Все пять лет я так и думал. И вдруг полтора месяца назад встретил на улице Сущева, нашего бывшего завхоза. Хоть одна живая душа из погибшей галактики. Ну, отметили встречу, и вдруг по ходу разговора он обмолвился, что остатки имущества нашего научно-конструкторского отдела до сих пор хранятся в кладовке, про которую все забыли! Разве это не чудо?! Я едва не сошел с ума от радости...

– Но ведь вы не сами забрали машину?

– Нет, конечно, вы же наблюдали за моей походкой. В больнице я лежал в одной палате с парнем, у которого тоже был перелом. Знаете, когда люди прикованы к постели месяцами, они невольно ведут всякого рода откровенные разговоры. Парень был явно из тех, кто не в ладах с законом. Тем не менее между нами возникли доверительные отношения. После встречи с Сущевым я нашел этого парня и попросил его об услуге, поставив только одно условие: чтобы никто не пострадал. Он согласился и привел ко мне своего напарника, мужчину лет сорока, похожего, однако, комплекцией на подростка. Я разжевал им весь план. Но они все равно сделали по-своему. Магнитную машину привезли, но оставили после себя уйму следов. Я сразу же понял, что однажды эти следы приведут ко мне, однако рассчитывал, что дней десять у меня еще есть. И вот позорный финал.

– Сколько же может стоять такая магнитная машина? – уточнил Пережегин.

– В Швейцарии? Сотни тысяч. Долларов. Но Швейцария далеко. Доступа в швейцарские представительства в нашем городе у меня тоже нет. Все это совсем не так просто, как могло показаться в горячке. Скорее всего, я не смог бы продать машину. Не стоило и затевать.

10

– Я выслушал вас со всем вниманием, теперь вы послушайте меня, – сказал Пережегин. – Насчет моего статуса вы сильно заблуждаетесь. Я не из полиции. Я не сыщик, не судья и уж точно не палач.

– Кто же вы и как оказались в этом деле?

– Я владею фирмой под названием «Бюро находок» и являюсь «народным экспертом», в буквальном смысле этих слов.

Мы не гоняемся за нарушителями закона и не отслеживаем их. Наша задача – поиск потерянных либо похищенных вещей. Да и то при определенных условиях. Сейчас я работаю на моего клиента, того самого охранника, которому ваши наемники разбили голову. Он поручил мне найти то, не знаю что. Как видите, я решил задачу. Теперь каждого ждет заслуженная расплата.

– Послушайте! – вдруг горячо воскликнул Черменский, будто осененный некой спасительной мыслью. – Вы что-то говорили о возможном консенсусе. Не знаю, правильно ли я вас понял, но я согласен.

– На что согласны?

– Мы продадим машину и всю выручку разделим на столько частей, на сколько вы укажете. Распределением этих частей займетесь вы лично. Я согласен на любой вариант.

На подбородке Пережегина резче обозначилась волевая ямка.

– Господин Черменский, не вы ли только что называли себя русским ученым? Как же у вас хватает совести делать подобное предложение «народному эксперту»?

– Я снова не угадал, – тихо вздохнул Черменский. – Последняя попытка тоже провалилась. Значит, вы все-таки сдадите меня в полицию?

– Следовало бы это сделать. Но я чту закон лишь в том случае, если он справедлив. К сожалению, сейчас многие законы толкуются судьями в пользу виновных. Поэтому я ставлю на первое место справедливость, а решение принимаю по совести. Так вот, моя совесть говорит мне о том, что вы уже наказаны судьбой, сурово. Продать машину вы не успели, и это ваше счастье. Но в этом деле есть один нюанс. Пострадал мой клиент. Не только морально – эта сторона дела как раз улажена, но и физически. Мне не важно, что вы советовали хлороформ. Член вашей шайки нанес ему травму и должен ответить за это. Вот его я с удовольствием сдал бы в полицию. Но ведь он на первом же допросе все свалит на вас. Понимаете?

Черменский взялся за трость, намереваясь подняться из-за стола.

– Прежде чем ответить на ваш вопрос, разрешите мне отлучиться ровно на одну минуту.

– Зачем?

– Надо закрыть вентиль газового баллона на кухне и открыть окно, – неохотно признался тот.

– Ах, вот как вы собирались обустроить свой последний акт! – вскинул левую бровь Пережегин. – Может, и меня намеревались прихватить за компанию?

– Нет, клянусь вам, – слабо запротестовал Черменский.

– Ладно, сократим вашу минуту вдвое. Где кухонное окно?

– Дальнее, с нашей стороны.

Пережегин стремительно прошагал к окну и распахнул его настежь.

– А газом-то несет уже вовсю! – Он подбежал к висевшему на столбике рукомойнику, смочил под струей висевшее тут же полотенце, после чего устремился в домик, распахнув также наружную дверь.

Вернулся и вправду через полминуты, откашливаясь:

– Оригинальный вы человек, господин конструктор. Неужели нельзя было придумать менее эффектную смерть? Видели когда-нибудь обгоревшие трупы? А ведь человек должен предстать перед высшим судьей в своем естественном обличье.

– Ну, перед высшим судьей предстает все-таки не телесная оболочка человека, а его душа. А вообще-то я атеист и не верю в загробную жизнь.

– Коли так, то не будем дискутировать о потустороннем мире, а вернемся к нашим баранам. Так вот, что касается телесной травмы моего клиента. Я вижу лишь один способ разрешить это противоречие малой кровью. Вы знаете, конечно, что такое закон талиона?

– Око за око, зуб за зуб.

– Так вот, я постараюсь уговорить моего клиента поступить с напавшим на него «быком» по закону талиона. Ваш «бык» должен смиренно явиться в указанное ему место в указанный час для встречи с господином Бойко, извиниться перед ним и выразить свое согласие на наказание по закону талиона.

– То есть, вы настаиваете на том, чтобы парень добровольно подставил свою голову под ответный удар бутылкой?

– Дело не во мне, а в моем клиенте, который может потребовать сатисфакции, дабы, в свою очередь, дать согласие на последующее разрешение ситуации мирным способом.

– Но, как ни крути, первым дать согласие должен парень, так?

– А это уже ваша проблема. Назначьте встречу и уговорите его. Объясните, что это наиболее оптимальный выход. Ибо, в противном случае, он будет в течение нескольких лет просыпаться по утрам на тюремных нарах. Найдите самые сильные слова, неотразимые аргументы. Это ведь и в ваших интересах. Объясните ему и то, что бежать либо прятаться бесполезно, это лишь намотает ему дополнительный срок. И уж, конечно, не вздумайте бежать сами. Вы даже из Питера не успеете вернуться с вашей тростью. Лучше порадитесь возможности дышать воздухом свободы, возможности, которую я гарантирую вам.

– Хорошо, я понял и все сделаю.

– Даю вам три часа. Ровно в 15.00 он должен быть у меня в бюро. Вот вам моя визитка с адресом и телефоном. Там вашего «быка» будет ждать мой клиент. С пустой пивной бутылкой. А ваш парень пускай прихватит с собой бинт и йод.

– Постараюсь уложиться, – вздохнул Черменский. – А что будем делать с магнитной машиной?

– Теперь о машине: Она должна стать объектом общественного внимания. Только в этом случае ее повторное похищение со стороны каких-либо чиновных структур станет маловероятным. Особенно после того, как будет озвучена ее реальная стоимость. Поступим так. Коробку с машиной вы все троим доставите до крыльца бизнес-центра, водрузите ее на парапет, а сами отбудете с божьей помощью по домам. Коробку из вашего «москвича» пусть перенесут парни, вы лично вообще не выходите из машины. Вы в данном случае – контролер, чтобы парни ничего не напутали. Эту акцию вы проведете сразу же после встречи Бойко с «быком». Надеюсь, «быку», с его крепким затылком, не придется отлеживаться в больнице, хотя бог не обидел моего клиента физической силой. Я, со своей стороны, устрою так, что в вестибюле бизнес-центра соберутся корреспонденты ведущих питерских газет, а также представители нашей славной полиции. В определенный момент я выведу их на крыльцо и продемонстрирую им старинный артефакт. Проведу импровизированную пресс-конференцию. Объясню, что нашел этот ящик, похищенный из пыльной кладовой, в зарослях бурьяна, руководствуясь собственным методом, секрет которого раскрывать не стану. Ну, и так далее. Но вас, господин конструктор, это уже не должно волновать. Живите мирно на

своей даче. А представившееся вам время используйте лучше на какое-нибудь изобретение. Вдруг получится?

– Боже мой... А ведь еще полчаса назад... – Черменский спрятал лицо в ладонях и зарыдал.

11

В тот же день, около трех часов пополудни, Пережегин и Бойко сидели в «Бюро находок», друг напротив друга. На столе стояла пустая пивная бутылка темного стекла, без этикетки.

Пережегин глянул на часы:

– Скоро уж должны подъехать.

Бойко шумно выдохнул воздух, как бы готовясь озвучить принятое им твердое решение.

– Петр Мефодьевич, я вас очень уважаю, но делать этого не буду, – проговорил он, наконец.

– Чего не будете делать? – не сразу понял Пережегин, погруженный в собственные мысли.

– Ну, лупить этого недотепу бутылкой по башке. Это если бы он мне сразу попался, то я показал бы ему кузькину мать, а заодно – куда Макар телят гонял. А сейчас все улеглось внутри, притом что пропажа нашлась. Теперь никто не посмеет раскрыть на меня варезку. По случаю этого события я окончательно решил объявить парню амнистию.

– А ведь он вас не пожалел.

– Так это он. А у меня своя линия жизни. Даже не уговаривайте, Петр Мефодьевич, бить не буду. Не по-русски это как-то.

– Так я и думал, – отозвался «народный эксперт». – Ладно, дело хозяйское. В конце концов, пострадавший – вы, и окончательный вердикт за вами, если, конечно, судить по закону талиона. Между прочим, я с вами отчасти согласен. Бить не стоит, но припугнуть необходимо. Преподать, так сказать, наглядный урок воспитательного и психологического свойства. Для его же пользы.

– Припугнуть – это другой компот, – кивнул Бойко. – Это можно.

Помолчали немного.

Пережегин снова глянул на часы:

– Еще пять минут в запасе у нас есть. Ладно, в сторону лирические отступления, давайте поговорим на серьезную

тому, Валентин Алексеевич. Вы, вероятно, уже сделали вывод о том, что в «Бюро находок» нет других штатных сотрудников, кроме самого Пережегина. Это и так, и не так. У меня немало помощников, причем из разных социальных групп, но никто из них, действительно, не числится в штатном расписании моей конторы. Я обращаюсь к кому-либо из этих людей лишь в тех экстренных случаях, когда мне требуется конкретная помощь.

– Для чего вы мне это рассказываете? – спросил Бойко.

– У вас, Валентин Алексеевич, природный аналитический ум, хотя, извините уж за прямоту, проявляющийся в узком диапазоне, острый глаз, медвежья хватка. Вы могли бы принести мне пользу в некоторых расследованиях, связанных с поиском исчезнувших вещей. Итак, я предлагаю вам сотрудничество.

– Сочту за честь! – Бойко даже выпрямился на стуле.

– Не торопитесь с ответом, – сделал предостерегающий жест Пережегин. – Сначала выслушайте условия, на которых...

В этот момент со двора послышался шум въехавшего из-под арки автомобиля.

Пережегин быстро поднялся и выглянул в окно.

– Ага, пожаловали голубчики. Ну-ка, Валентин Алексеевич, изобразите на своем лице свирепое выражение и переставьте бутылку ближе к себе. Игру надо довести до конца. Что касается условий нашего возможного сотрудничества, то эту тему мы обсудим позже.

Из дальнейших заметок Пережегина следует, что права на магнитную машину предъявил некий московский институт (не уточняется, учебный или научно-исследовательский), в котором первоначально хранился этот старинный раритет. Говорится также о том, что в свое время институт был включен в состав крупного отраслевого научно-производственного объединения, неоднократно подвергавшегося реорганизациям, в ходе которых магнитная машина каким-то чудодейственным образом оказалась в Ленинграде, хотя вроде бы продолжала числиться на балансе московского института, где ее стоимость исчислялась несколькими рублями.

Так или иначе, институт доказал свои права, и магнитная машина отправилась по месту своей первой «прописки». Дальнейшая ее судьба неизвестна. Что касается охранника Бойко, то он согласился со всеми условиями сотрудничества, предложенного ему Пережегиным.

УБИЙСТВО ПО НЕВИННОМУ АНЕКДОТУ

Семейные тайны... Именно в них кроются порой корни самых изощренных преступлений.

МАСКА УЖАСА В ЗАКРЫТОЙ КВАРТИРЕ

Тревогу подняла соседка Толкачевой по лестничной площадке. Вот, купила, по просьбе Натальи Анатольевны, пакетик ряженки, а хозяйка не открывает на звонок. Хотя всего лишь полчаса назад уверяла, что будет дома, поскольку сегодня у нее День писем.

Внизу, на скамейке у подъезда, сидели зоркие бабушки. Нет, – удивленно отвечали они, Наталья Анатольевна в этом промежутке на улицу не выходила. Интересно, а свет в ее окнах на третьем этаже горит? Денек-то хоть и летний, а пасмурный. Свет горел.

Уж не прихватило ли у старой дамы сердце? Правда, Толкачева никогда не жаловалась на здоровье, а ее кипучей энергии могли бы позавидовать и иные молодые девчонки, но все же 69 – это возраст!

Еще минут пять чуть не всем подъездом пытались дозвониться и достучаться до одинокой пенсионерки. Набирали ее номер и по городскому телефону, и по мобильному. Безрезультатно. Что делать? Позвонили в службу спасения.

Толкачева покоилась в глубоком кресле за столом. Перед ней веером лежали надписанные, но еще незапечатанные конверты. Вокруг кофейника теснились тарелочки и вазочки со сладостями. Тут же стояла едва початая бутылка вишневого ликера.

Хозяйка была мертва. Маска священного ужаса застыла на ее ухоженном, еще гладком лице. Из открытого рта свешивался посиневший до фиолетовых тонов язык. Пальцы, сведенные судорогой, вцепились в подлокотники кресла.

Между прочим, дверь была заперта изнутри, окна – на шпингалетах, открытые форточки затянуты марлей от комаров. Пожелтевшей марлей, местами присохшей к старой краске. Имелось, правда, одно открытое окно. В туалете. Узкое и маленькое, выходившее на боковую – глухую – стену здания. Даже подросток тщедушной комплекции мог бы протиснуться через такое окно не иначе, как стерев боками

с проема всю побелку. Но на свежей побелке не виднелось ни царапины. Да и дверь в туалет была закрыта со стороны коридора на миниатюрный засов, не носивший ни малейших следов взлома. Для полноты картины: чердачный люк в подъезде отсутствовал.

Словом, налицо имелся классический вариант убийства в полностью изолированном помещении.

ШАТКАЯ ВЕРСИЯ

Сыщики и эксперты свое дело знали.

Толкачева Наталья Анатольевна, пенсионерка 69 полных лет, скончалась в результате отравления сильнодействующим ядом. По первоначальной версии, отравление произошло предположительно при рассасывании жертвой желейной конфеты.

Конфеты этого сорта, по словам соседей, наиболее любимые пенсионеркой, горкой высились в небольшой хрустальной вазочке. Обертки от двух съеденных конфет пестрели на праздничной скатерти.

Эти обертки вместе со сладостями, ликером, кофейной чашечкой, конвертами и открытками, а также миниатюрным конвертиком, лежавшим под бутылкой, были направлены в криминалистическую лабораторию. Туда же поступили образцы биоматериала, взятого с рук и языка жертвы.

Из последующих расспросов свидетелей стало ясно, что преступление произошло именно в том получасовом интервале, когда соседка ходила в магазин.

Кроме того, выяснилось весьма настораживающее обстоятельство: минут за десять до выхода соседки из подъезда, оттуда выскочил сын Толкачевой Сергей.

Полгода назад он поскандалил с матерью и ушел из дома. За все это время не навещал ее ни разу и вдруг пожаловал. Мало того, бабушки на скамеечке отчетливо слышали, как мать и сын спорили о чем-то на повышенных тонах. Правда, слов было не разобрать.

А выбежал он из подъезда как ошпаренный, даже не попрощавшись с бабулями, знавшими его еще младенцем.

Очевидно, нервная вспышка стала причиной того, что, обуваясь в прихожей, Сергей выронил свою зажигалку, которая закатилась под тумбочку и была извлечена оттуда сыщиками.

Итак, версия, причем весьма стройная, вроде бы напрашивалась сама собой: Сергей Толкачев, у которого, судя по всему, был некий затяжной конфликт с матерью, подsunул ей, зная о ее гастрономических предпочтениях, желейную конфету с ядовитой начинкой, затем покинул квартиру.

Спустя несколько минут после ухода, точнее побега сына, мать отправилась в прихожую, чтобы запереть за ним входную дверь, но увидев соседку, которая как раз выходила на лестничную площадку из своей квартиры, попросила купить ей ряженку. Не забыв снова запереть дверь, Толкачева вернулась в комнату, уселась в свое кресло за столом и через каких-то пять минут умерла.

Но тут возникали вопросы.

Каким образом сыну удалось подsunуть матери отравленную конфету, да еще по ходу скандала с ней? Если он незаметно для нее замаскировал ядовитый гостинец в вазочке среди других таких же конфет, то шанс на успех злого умысла был весьма ничтожен.

Тем не менее Наталья Анатольевна, по какому-то роковому совпадению, выбрала именно ту конфету, в которой таилась ее смерть.

А может, Сергей принес всю эту горку желейных конфет, и все они были отравлены? Надо подождать результатов экспертизы.

Сыщики продолжали осмотр. Складывалось впечатление, будто убийца столь точно рассчитал свою акцию по времени, что она совпала с моментом, когда Толкачева закончила свое последнее письмо. Всего писем было десять. Девять из них – иногородние, адресованные в отдаленные края и веси, включая ближнее зарубежье. Все эти письма были написаны на открытках с видами Петербурга. Толкачева поздравляла своих бывших одноклассников с очередной годовщиной выпускного бала. На конвертах с рисунками, изображавшими уголки Северной Пальмиры, красовались большие многоцветные марки, также с видами города на Неве. На четырех конвертах к многоцветным маркам был добавлен ряд марок малого формата, очевидно, чтобы набрать необходимую стоимость пересылки.

Единственное местное письмо было написано на обычном листке бумаги и вложено в стандартный конверт с напечатанной неброской маркой. Толкачева сообщала некоему Евгению

Воротникову, что потеряла номер его телефона, и сейчас, мол, волнуется, почему он сам так долго не дает о себе знать.

По логике вещей, все эти послания были подготовлены накануне прихода Сергея. Не могла же старая дама одновременно надписывать адреса и скандалить с сыном!

Со слов тех же соседей, Евгений Воротников, Женя, доводился погибшей племянником. Этот любезный молодой человек, всегда приветливый и вежливый, навещал свою тетушку раз в две-три недели, помогая ей по хозяйству и, по сути, заменяя ей сына. Но со дня последнего визита Евгения прошло уже больше месяца.

ЭКСПЕРТИЗА ПОКАЗАЛА

Экспертиза показала, что Толкачева была отравлена сильнодействующим цианидом. Яд попал в ее организм примерно в то время, когда в квартире находился ее сын.

Желейные конфеты, прочие сладости, ликер, остатки кофе, конверты и открытки, наконец, обе найденные обертки были «чистыми».

И все же эксперты обнаружили микрочастицы яда. Они содержались в миниатюрном конвертике ручной работы, а также на некоторых марках малого формата. Те же частицы, как и предполагалось, нашли в образцах биоматериала.

Родилась вторая версия, пожалуй, еще более стройная.

Убийца, прекрасно осведомленный о привычках Толкачевой, обработал ядом клеевую поверхность маленьких марок, точно таких же, что и те, которые хозяйка держала в миниатюрном конвертике, вероятно, ею же изготовленном. Этим человеком мог быть только Сергей. В удобный момент он попросту подменил марки, после чего покинул квартиру, имитируя перед уходом скандал. Мать, оставшись одна, начала доклеивать марки на конверты, и вскоре яд вызвал паралич ее дыхания.

Итак, все сходилось до мелочей.

Соседки, которые, похоже, знали многие подробности из жизни одинокой пенсионерки, подсказали, что марки для своих писем Толкачева всегда покупала в почтовом магазине при местном отделении связи.

Следователь Самарин, которому досталось это дело, побывал там и выяснил, что Толкачева действительно приобрела

здесь марки всего пару дней назад. Она так долго и шумно выбирала товар, что ее, по словам молоденькой продавщицы, невозможно было не запомнить.

Самарин показал ей фотографию Сергея: «А этот человек заглядывал в ваш магазин?» Нет, продавщица не узнала в нем кого-либо из своих покупателей. Впрочем, это уже не имело значения. Стандартные марки, имевшиеся в любом отделении связи, убийца собственной матери мог купить где угодно.

Ясен был и мотив преступления: двухкомнатная квартира в хорошем городском районе, плюс обстановка, плюс сберегательная книжка Толкачевой, которая умела откладывать на черный день.

ВЛАСТНАЯ ОСОБА

Из показаний соседок вытекало, что одинокая пенсионерка отнюдь не походила характером на кроткую овечку.

По свидетельству почти всех, знавших ее, эта властная особа могла на пустом месте устроить громкий скандал в магазине, в троллейбусе или во дворе. Она постоянно ссорилась с соседками и никогда не шла на примирение первой. Одни ее сторонились, другие побаивались.

Старожилы вспоминали ее покойного мужа, человека доброго и терпеливого, который преждевременно сошел в могилу после страшного инсульта. Правда, случилось это давно – лет двадцать назад. Другого мужа Толкачева себе не искала, сосредоточившись на воспитании сына. Сергей рос послушным мальчиком, но слишком уж слабовольным, замкнутым, боязливым. Он окончил школу, институт, оставаясь в глазах окружающих взрослым ребенком, притом, что и фигурой походил на подростка.

Но полгода назад случился взрыв. Сергей привел домой молодую женщину, а та не глянулась матери. Между прочим, Наталья Анатольевна и прежде отваживала от дома избранниц сына. Мол, она тебе не пара, ей нужен не ты, а прописка. Сын всякий раз подчинялся воле матери. Но тут взбунтовался. Собрал вещи и ушел к невесте. Соседи так и решили, что мальчик, наконец-то, возмужал.

Его появление в тот роковой день стало для всех неожиданностью. Ну, а затем – громкие крики и очередное бегство Сергея...

Теперь о письмах.

О, это была ее страсть!

Еще при жизни мужа Толкачева начала слать письма бывшим одноклассникам, но только тем, кого судьба забросила в дальние края. Постепенно у нее выработался особый церемониал. Она загодя, с разбором, подыскивала красочные открытки, марки и конверты с видами города – каждый год разные, устраивала себе сладкий стол с ликером (желейные конфеты присутствовали обязательно!) и, священнодействуя, писала поздравительные тексты. Все посвященные знали, что в этот день Наталью Анатольевну лучше не беспокоить. Очень странно, что сын выбрал для своего спонтанного визита именно День писем.

Однако же, скандал скандалом, а убить родную мать Сережа не мог, понимаете, не мог! Не такой он человек, и нечего на него грешить.

УПРЯМСТВО ПОДОЗРЕВАЕМОГО

На первом же допросе Толкачев так путался в показаниях, что лишь усугубил подозрения на свой счет.

По его словам, в тот день ему позвонила незнакомая женщина и, представившись врачом «скорой помощи», сообщила, что у его матери острый сердечный приступ и та, мол, просит сына срочно прибыть домой для важного разговора. Ну, он и помчался. А вы как бы поступили?

Матушку он застал в добром здравии. Та как раз кропала свои ежегодные послания, по глоточку потягивая ликер. «Зачем ты пришел сегодня, Сергей?! Ты ведь знаешь, что именно сегодня я занята!» Он объяснил причину. «Зачем ты хитришь, мальчик?! Это она тебя научила, твоя кобра? Она все еще надеется заполучить эту квартиру?» «Мама, ну не надо так! Вера не сказала про тебя ни одного плохого слова!» «Бедный мальчик! Как же легко она вползла в твою душу!» Разговор становился все более взвинченным. Наконец, Сергей не выдержал и разразился нервной тирадой, после чего выбежал на улицу.

– Что было дальше? – спросил следователь.

– Я шел, не разбирая дороги, и вдруг понял, что мне нужно снять стресс. Завернул в ближайший бар, ну и... Словом,

перебрал в тот вечер. Со мной такое редко случается. Как называется бар? Понятия не имею. Нет, никого из знакомых там не встретил. Деталей интерьера тоже не помню. Я сорвался, понимаете?! Плыл, как ежик в тумане...

«Туман» в показаниях сгустился и дальше.

– Зажигалка? Вроде бы моя. Ах, мои отпечатки? Значит, точно моя. Но я уже давно ее потерял. Пару месяцев назад, или около того. Верно, у матери не был полгода. Нашли за тумбочкой? Понятия не имею, как она там оказалась...

– Вы знали, что ваша мать наклеивает на конверты еще и дополнительные марки небольшого формата?

– Конечно, знал. Ведь пресловутый День писем протекал перед моими глазами буквально с моих детских лет.

– Перед наклейкой очередной марки ваша мать всегда увлажняла ее клеевую сторону языком?

– Такая уж у нее была закоренелая привычка.

– Где вы достали яд, который нанесли на марки?

Этот вопрос привел подозреваемого в состояние протрации:

– Не понимаю, о чем вы спрашиваете. Какой яд?

И так – по всем прочим пунктам.

Если Толкачев «косил» под невинного простачка, то это получалось у него очень даже естественно. Сотрудничать со следствием он явно не собирался.

БЕСПЛОДНЫЕ ПОИСКИ

Может, нити злодеяния держала в руках гражданская жена Толкачева – Вера Журавская, решив избавиться от неуживчивой свекрови и втемную использовав в преступных целях своего простодушного муженька?

Но после беседы с молодой женщиной Самарин отказался от возможных обвинений в ее адрес. Во-первых, и это, пожалуй, главное, Журавская не зарилась на жилплощадь Натальи Анатольевны, поскольку владела собственной, куда более уютной квартирой, доставшейся ей по наследству от состоятельных бездетных родственников.

Во-вторых, экономическое образование Журавской никак не соотносилось с теми практически профессиональными познаниями по части ядов, которые проявил в этом деле убийца.

Наконец, эта пышная гражданка, весившая под центнер, отличалась жизнерадостным и приветливым характером, не вязавшимся со злодейскими замыслами.

А что если тут какая-то драматическая история, уходившая корнями в школьную молодость Толкачевой? Ведь случается, что у людей, перешагнувших пенсионный возраст, давние обиды вспыхивают с новой силой...

Самарин разыскал нескольких бывших одноклассников Толкачевой, проживавших в городе. Нет, что вы? – удивились те в один голос. Никаких взрывоопасных конфликтов вокруг Наташи в школе не происходило. И вообще, Наташа была образцово-показательной личностью: общественница, активистка, отличница... Вулкан энергии!

«Но, понимаете... – не без смущения добавляли некоторые. – Мы слышали, что она вела переписку с теми, кто уехал. Но с нами, одноклассниками, живущими в Питере, она практически не общалась. По той причине, что перессорилась со всеми еще лет пятнадцать назад. И знаете, что примечательно? Переписку-то она вела, а вот в гости никого не приглашала...»

И здесь осечка, понял Самарин.

А не заговор ли это соседей, взбешенных бесконечными эскападами Толкачевой?

Но эта версия тоже продержалась недолго, притом что с соседкой по лестничной площадке старая дама поддерживала ровные отношения.

Оставалось побеседовать с последним лицом, косвенно связанным с этой историей, – Евгением Воротниковым, который лишь сегодня вернулся, наконец, из длительной командировки.

ТЕТУШКИН ПЛЕМЯННИК

Воротников оказался общительным мужчиной спортивного телосложения, того же возраста, что и его двоюродный брат Сергей Толкачев. Он обстоятельно и вместе с тем охотно отвечал на все вопросы следователя.

Тетушка всегда была для него близким человеком. Бесконечно жаль, что она ушла из жизни по чьей-то злой воле. Он, ее племянник, даже на похороны не успел из-за этой командировки.

Значит, тетя Наташа перед самой смертью написала ему письмо? Потеряла номер его телефона? На нее это похоже. Могла бы, конечно, узнать у Сергея, да, видать, самолюбие помешало. Она ведь тяжело переживала разрыв с единственным сыном, просто виду не подавала.

Сам он, Евгений, родом из провинции. Из небольшого волжского городка. Рос без отца. В былые времена мать отправляла его на летние каникулы в Ленинград, в семью дяди Олега, ее старшего брата, и тети Наташи. У него, Евгения, сохранились самые теплые воспоминания о гостеприимстве этих замечательных людей. Жаль только, что с дядей вскоре случилась беда...

Окончательно он, Воротников, перебрался в Северную столицу после школы. Окончил институт. В период учебы жил в общежитии. Тетя Наташа не раз приглашала его к себе, но он не хотел ее стеснять. Да и не очень-то улыбалось находиться под строгой опекой, как двоюродный брат Серега.

Сейчас он, Воротников, работает в крупной нефтяной компании. Работа престижная, но много времени приходится проводить в разъездах. Последняя командировка растянулась почти на месяц. Потому-то дольше обычного и не навещал тетюшку. Надо было, конечно, предупредить ее о поездке заранее.

В последние годы ей приходилось нелегко. А тут еще конфликт с сыном. Серега, конечно, поступил не по-мужски. Ссора ссорой, но приди, помоги матери по хозяйству. Забей гвоздь, почини проводку, принеси картошки с рынка! Играть в оскорбленное благородство куда проще. А ты поищи пути примирения. Неправильно все это, не по-людски. Оксана тоже так считает.

Тут же пояснил:

– Оксана – моя подруга.

Он, Евгений, давно уже собирался помирить мать и сына. Эх, опоздал! Жаль.

Что касается якобы скандального характера тетюшки, то тут много от сплетен. Просто она не боялась говорить людям правду в глаза, а это не всем нравится. У него с тетюшкой, к примеру, никогда не бывало конфликтов.

Вопросов к свидетелю Самарин больше не имел.

В ИГРУ ВСТУПАЕТ ПЕРЕЖЕГИН

Итак, расследование преступления благополучно зашло в тупик.

С одной стороны, имелись неопровержимые улики, которые вроде бы однозначно указывали на вину Сергея Толкачева. С другой стороны, Толкачев упорно стоял на своем, юридически грамотно защищая свои позиции. Да и сам Самарин постепенно пришел к выводу, что его версия вот-вот рассыплется на отдельные блоки, состыковать которые уже не удастся.

Но если не Толкачев, то кто?

Кто тот человек, который сумел незаметно для окружающих ловко подменить марки, купленные жертвой в почтовом магазине всего за два дня до убийства. У Самарина не было даже предположений на этот счет.

Наверное, поэтому он серьезно отнесся к совету одного из своих коллег обратиться за неофициальной консультацией к «народному эксперту» Пережегину.

Самарин не считал зазорным даже лично посетить Пережегина в его «Бюро находок». Посвятив собеседника в основные детали проводимого расследования, Самарин честно признался, что заплутал в лабиринте ложных версий.

– Попробую вам помочь, – ответил Пережегин, – хотя полной гарантии дать, конечно, не могу. Но если и есть шанс на успех, то он кроется в собранных вами уликах. Я должен взглянуть на них, прежде чем делать какие-либо выводы.

– Мне рассказали о ваших методах, – кивнул Самарин, – поэтому я распорядился подготовить все вещественные доказательства к осмотру. Мы можем ехать прямо сейчас.

– Я готов.

Через три четверти часа Пережегин уже «колдовал» над вещами, изъятыми из квартиры Толкачевой для экспертизы.

Первым делом он отобрал конверты с марками, открытки, а также миниатюрный самодельный конвертик, и разложил их на приставном столике. Все эти вещественные доказательства были по отдельности запаяны в прозрачные пакеты.

Затем Пережегин добавил к ним практически пустой класер, в котором сиротливо приютились две маленькие марки с неразъезженными зубцами.

Минут пятнадцать «народный эксперт» водил над ними вытянутыми ладонями, хмурился и что-то неслышно шептал.

Затем перевел взгляд на следователя:

– Ну, что ж, для меня, по крайней мере, прояснились узловые моменты. Я установил систему связи между предметами, именуемыми вещественными доказательствами. Возможно, мои выводы помогут вам покинуть лабиринт.

– Я весь внимание, – не без волнения в голосе возвестил Самарин.

– Но сначала предлагаю совместно посетить почтовый магазин.

– Что-о?! – буквально взвился с места Самарин. – Так вы считаете, что в деле замешана продавщица?

– Этого я не говорил, – уклончиво ответил Пережегин. – Речь идет всего лишь о повторном визите в магазин. Возможно, там мы узнаем нечто интересное. Однако если позволите, говорить с продавщицей на этот раз буду я.

– Едем немедленно!

– Кстати, прихватите с собой кляссер.

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

– Как вас зовут, девушка? – спросил Пережегин у скользящей красотки, занятой изучением маникюра на своих ухоженных ногтях.

– Вика, а что? – Она без особого интереса окинула взглядом двух мужчин, находившихся, по ее мнению, у порога старческого возраста.

– Надо кое-что уточнить по факту продажи марок гражданке Толкачевой.

– Ах, снова вы! – Вика состроила недовольную гримаску. – Но я же все объяснила вам в прошлый раз. – Похоже, она спустила Пережегина с Самариным.

– И все же, Вика, надо ответить на несколько вопросов. Иначе мы пришлем вам повестку, и тогда уж точно вы потеряете целый день. А сейчас я отниму у вас не более пяти минут.

– Ладно уж, спрашивайте, – снисходительно вздохнула она.

– В прошлый раз вы говорили, что Толкачева выбирала у вас марки долго и шумно, так?

– Ох, и надоедливая старуха! Ничем ей не угодишь.

– Сначала она выбрала яркие, многоцветные, крупноформатные марки с видами Петербурга, верно? А затем еще при-

купила десять стандартных марок, вот таких, – Пережегин раскрыв перед ней кляссер.

– Нет-нет, – покачала кукольной головкой продавщица. – Таких марок она не покупала. Только те, с дворцами и памятниками.

При этих словах Самарин прикусил себе губу. Вот так-так! С самого начала он был абсолютно уверен в том, что Толкачева покупала все марки в одном месте. Потому даже мысли не допускал, что маленькие марки приобретены отдельно в каком-то другом месте. А ведь это обстоятельство существенно меняло расклад...

Между тем Пережегин продолжал расспросы:

– А скажите-ка, Вика, как давно вы работаете в этом магазине?

– Да уж полгода, – снова вздохнула она, словно речь шла о тяжелой каторге.

– А кто трудился на этом месте до вас?

– Одна заслуженная старушенция.

– Почему – «заслуженная»?

– Она, как рассказывали, пахала за этим прилавком не то тридцать, не то даже сорок лет. Уму непостижимо, – девушка поправила свою прическу. – Ее провожали, как какую-нибудь кинозвезду.

– Провожали на пенсию?

– Ой, что вы! – рассмеялась Вика. – Ей было уже лет под семьдесят. Совсем древняя старушка. Но вот типа заболела, и сын настоял, чтобы она ушла с работы.

– И как же звали эту достойную даму?

– Сейчас вспомню. Я же принимала от нее товар... Ага, Роза Семеновна Швыдкая, вот как!

– Благодарим вас, Вика. Вы нам очень помогли. Желаем и вам найти себе место по душе.

– Ой, да ну вас!

Пережегин и Самарин вышли на крыльцо.

– Спасибо за наглядный урок, Петр Мефодьевич, – проговорил следователь. – Я действительно допустил непростительный зевок. Оттого и оказался в лабиринте. Но каким чудесным образом вы сумели так быстро вычислить слабое звено в деле?

– Об этом мне рассказали марки, – ответил Пережегин. – А я передам смысл этого «разговора» вам, после того как вернем-

ся в ваш кабинет. Один совет: не занимайтесь самобичеванием. Зевнуть может каждый. Я и сам в свое время зевал через раз. Главное, вовремя исправить промашку. Вот что еще: зафиксируйте в своей памяти это имя – Роза Семеновна Швыдкая. На суде она может оказаться весьма ценным свидетелем.

– Об этом вам тоже рассказали марки?

– Вы обо всем узнаете, как только мы вернемся на место.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ МАРКИ

Пережегин расположился за тем же приставным столиком и еще какое-то время манипулировал с прежде отобранными им вещественными доказательствами.

– Хочу напомнить о своем статусе, господин следователь, – сказал, наконец, обращаясь к Самарину. – Я – эксперт, притом «народный». В сущности, мой скромный дар позволяет мне выполнять ту же работу, которую делают специалисты криминалистической лаборатории вашего ведомства. Вся разница в том, что они получают результаты, благодаря всевозможным приборам, я же действую на основе внутренних ощущений, которые, однако, порой оказываются более тонкими, чем показания сверхчувствительной аппаратуры. Вот и на этот раз я установил некие связи, мимо которых прошли ваши эксперты. А теперь конкретно.

Он придвинул к себе несколько писем.

– Все марки, находящиеся передо мной, имеют определенные связи с кляссером, разнящиеся, однако, между собой. Иными словами, все марки хранились в кляссере до наступления Дня писем. Вот эти яркие, большие марки пролежали в нем всего несколько дней, что соответствует показаниям не только экстравагантной Вики, но также Сергея Толкачева. Если я правильно понял, то он утверждал, что к очередному Дню писем его мать всегда покупала новые марки с видами города.

– Да, это так, – кивнул Самарин, напряженно внимавший каждому слову неординарного консультанта.

– А вот эти две маленькие марочки, сцепленные между собой, пробыли в кляссере порядка трех лет, – продолжал Пережегин.

– Трех лет?! – изумился Самарин.

– Это и понятно, – подтвердил Пережегин. – Зачем ежегодно покупать марки, которые всего лишь выполняют функцию доплаты? Не проще ли сразу приобрести целый блок этих стандартных марок и пользоваться ими по мере надобности? Похоже, Толкачева так и поступила три года назад. Полагаю, что Роза Семеновна Швыдкая сможет подтвердить это. Не сомневаюсь, что она очень хорошо помнит Толкачеву, свою постоянную покупательницу на протяжении двух-трех десятилетий. Так вот, к нынешнему Дню писем у Толкачевой оставалось еще двенадцать малоформатных марок. Десять из них требовалось для наклейки на письма, а две, как говорится, переходили уже на следующий сезон.

– Иными словами, маленькие марки, наклеенные на конверты, куплены три года назад?

– По идее, должно было бы быть именно так. Но парадокс в том, что эти десять марок попали в кляссер всего лишь полтора месяца назад. Причем лежали они внутри маленького самодельного конвертика.

– Вот и я говорил – подмена! – воскликнул Самарин.

– Да, подмена, – кивнул Пережегин. – Только произошла она не в День писем, а за полтора месяца до события. Но это еще не все. Толкачева, с ваших слов, основанных на показаниях свидетелей, имела ясный, практичный ум. Если бы подмена произошла без ее ведома, то она, раскрыв кляссер, очень удивилась бы, увидев, что десять марок, предназначенных для наклейки, лежат в каком-то странном конвертике. Но, судя по всему, она отнеслась к этому факту безмятежно. И даже не известила об этой странности посетившего ее сына.

– Чую, куда вы клоните, но не могу в это поверить, – признался Самарин.

– Располагая этими данными, мы можем реконструировать ход событий, – размеренно продолжал «народный эксперт», не обращая внимания на эмоции собеседника. – Убийца, замывший это злодеяние, приступил к исполнению своего замысла полтора месяца назад, о чем свидетельствуют наклеенные на конверты маленькие марки. Несомненно, это был человек, близкий к Толкачевой, пользовавшийся ее полным доверием, знавший все подробности ритуала Дня писем. Он купил десять точно таких же стандартных марок, нанес на клеевую основу яд и с осторожностью поместил свою смертоносную заготовку в

им же изготовленный конвертик. Во время очередного визита к Толкачевой, он напомнил ей, что маленькие марки лежат у нее уже три года. Вдруг их обратная сторона потеряет клеящие свойства? И предложил, для подстраховки, поместить десять марок в конверт, который он якобы склеил сам для этой цели. Толкачева охотно согласилась с доводами человека, которому доверяла. Буквально на ее глазах будущий убийца произвел хитрую манипуляцию. Он взял десять марок из классера и, будто вкладывая их в конвертик, незаметно смял их в ладони и спрятал в карман. А конвертик, где уже находились отравленные марки, вложил в классер.

– Но зачем эта возня с конвертиком? – спросил Самарин. – Не проще ли было заменить марки непосредственно в классере?

– Не проще, – строго ответил Пережегин. – В этом случае в классере остались бы следы ядовитого порошка, которые сразу могли привести к правильной версии. А конвертик, оставшийся на столе после смерти Толкачевой, указывал на то, что подмена произошла будто бы в День писем, то есть служил уликой против Сергея.

– Да-да, я уже и сам понял это.

– Вам надо искать человека, которому Толкачева бесконечно доверяла и впускала его в дом, человека, который посетил ее примерно полтора месяца назад и оставил отравленный гостинец, зная, что старая дама слижет яд в назначенный день и час. Надо полагать, он также устроил себе «железное» алиби, подставив при этом под удар ни в чем не повинного Сергея. Этот неизвестный и есть убийца.

– Почему же неизвестный? – уже гораздо спокойнее парировал Самарин. – Есть на примете такой персонаж. Я просто не говорил вам о нем. Но если вы задержитесь ненадолго, то сможете лицезреть этого мастера по части плетения интриги.

– Учтите один момент, – предостерег Пережегин. – Никаких материальных улик у меня нет, одни эфемерные ощущения. Ни один суд не признает моих показаний.

– Неважно, – ответил Самарин. – Я уже выбрался из лабиринта. С вашей помощью, между прочим.

– Ну а коли так, то распорядитесь освободить из-под стражи Сергея Толкачева и принесите ему надлежащие извинения.

– За этим дело не станет. Но сначала надо выполнить некоторые формальности.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Минут через двадцать в кабинет ввели Евгения Воротникова в наручниках.

– Садитесь, – Самарин указал на стул. – Не будем терять время понапрасну. Вы все задумали весьма изощренно, но допустили ряд мелких оплошностей, неопровержимо доказывающих вашу вину. Вы вольны все отрицать, чем лишь усугубите свою участь. Но если вы начнете искренне сотрудничать со следствием, то суд, несомненно, смягчит свой приговор.

Воротников, надо отдать должное, встретил удар судьбы без истерики. Попросил сигарету, затянулся несколько раз, затем заговорил:

– Ну чего уж теперь отнекиваться? Если попал, как кур во щи, то надо держать ответ по-мужски. История эта берет начало в давние времена. В прошлый раз я слил вам подслащенную водичку. А суровая правда жизни имеет куда более неприглядный вид. По-настоящему родным человеком в этой семейке был для меня только дядя Олег, мамин брат. Но еще мальчишкой я понял, что живется ему рядом с тетушкой Наташей худо, изменить же что-либо он не может из-за мягкости своего характера. Тетка вечно затевала с ним скандалы, пилила и унижала его даже на людях, а Сережка из трусости предавал отца. Помню свой приезд к ним после окончания восьмого класса. Дядя отвел меня в сторонку и прошептал: «Хочешь жить в Ленинграде? Мы это устроим...»

Наутро я проснулся от истошного крика. В соседней комнате спорили дядя и тетя. Речь шла обо мне, и поневоле я прислушался. Дядя доказывал, что они просто обязаны взять меня в дом, потому что моя мама очень больна и вряд ли доживет до нового года. Тетя кричала в ответ, что у нас в стране прекрасные интернаты для сирот, что я, такой-сякой, бездельник и хулиган, плохо влияю на Сереженьку. Градус скандала повышался. Я уже был забыт. Тетя принялась обвинять дядю во всех смертных грехах, оскорбляя его как мужчину. А затем дядя как-то странно захрипел...

Буду лаконичен. Дядю Олега разбил инсульт, после которого он уже не поднялся. Я потерял взрослого друга, который искренне любил меня и заботился обо мне.

В то лето я быстро вернулся домой. Бросился к матери, умоляя ее выздороветь. Быть может, мои заклинания помогли.

Она прожила еще десять лет. А вот дядя Олег вскоре умер. И тогда, хотите – верьте, хотите – нет, я поклялся, что когда-нибудь поквитаюсь за него с теткой. Пусть она ответит за свой злобный язык!

– Что заставило вас вернуться к этой мысли двадцать лет спустя?

– Попробую объяснить. После школы я все-таки обосновался в Питере, самостоятельно, но к тетке – ни ногой! Окончил институт, устроился на работу. Желание отомстить за дядю Олега отодвинулось куда-то в дальний уголок подсознания, но окончательно не исчезло. И вот пару лет назад я встретил женщину...

– Оксану Минич?

– Да, чего уж отрицать. Однажды за бокалом шампанского я рассказал ей про дядю Олега и про намерение отомстить тетушке. Оксана вдруг загорелась: «Слушай, я когда-то сама натерпелась от злобных родственников. А давай сыграем в игру «Как пристукнуть тетушку»? Понарошку, для разнообразия». Я согласился, считая это своего рода развлечением. Мы перебрали чертову уйму вариантов, но найти беспроектный план пока не удавалось. Между тем игра затягивала, как наркотик. Следуя ее логике, я, всем своим видом демонстрируя смирение и почтительность, навел тетушку, осыпал ее подарками и вскоре стал желанным человеком в доме. Нашел ключик и к Сергею. Про дядю Олега они не заговаривали при мне никогда. Ну, и я помалкивал. Серега оставался все тем же маменькиным сынком, а вот тетка превратилась в законченную фурию. Она была просто переполнена ядом и желчью. Я умело поддакивал ей. Игра, чистая игра! Но внутри у меня начал пробуждаться вулкан. А затем мне явился дядя Олег. Во сне, но так ярко, словно это было наяву. Вроде тени отца Гамлета. «Не тушуйся, сынок! Сделай, что решил! Пусть она ответит за свой ядовитый язык! Языком за язык, ядом за яд, ты меня понял?!»

Я понял, но, видимо, не до конца. В словах дядюшки таился некий подтекст, но расшифровать его я пока не мог, и это меня нервировало.

То, что случилось через несколько дней, относится, несомненно, к области мистики.

Поздним вечером я ехал в метро, размышляя о привидевшемся мне сне. На очередной станции в вагон ввалились двое подвыпивших мужчин. Устроившись рядом, они принялись наперебой рассказывать друг другу бородатые анекдоты, покачиваясь при этом от хохота. Я старался не слушать, но не получалось.

В нескончаемой череде анекдотов прозвучал еще один, совсем коротенький. Я так и подпрыгнул на сиденье, а затем, не сдержавшись, потянул рассказчика за рукав: «Повторите, что вы сказали?!» «Что, здорово?» – ухмыльнулся тот.

Короткий и невинный, состоявший буквально из нескольких слов анекдот в один миг высветил передо мной весь план покушения. Одновременно мне стал ясен тайный смысл пожелания дяди Олега.

Начиная с этого момента, игра перестала быть только игрой. Оставалось решить один деликатный вопрос: подставлять Сергея или нет? Я долго колебался. Притом что он совершил первый мужской поступок в своей жизни – осмелился возразить своей матушке. Я готов был простить его. Но решил провести еще через одно испытание.

– Если бы Сергей был осужден за отравление, то кто вступил бы во владение квартирой? – сощурился Самарин.

– Понятия не имею. Впрочем, не исключаю и собственной персоны, – ответил Воротников. – Других-то родственников у покойной не осталось. А-а, понимаю, куда вы клоните. Но, поверьте, я сделал это не из-за квартиры.

– В чем конкретно заключался ваш план?

– Еще с детства я знал, что ежегодно, за две недели до годовщины выпускного вечера, тетка устраивает День писем – готовит сердечные послания бывшим одноклассникам, осевшим в других городах. С таким расчетом, чтобы они, эти письма, дошли до адресатов накануне праздничной даты. Я долго размышлял о природе этого хобби. Наконец, понял. В школе у нее было все тип-топ, а вот во взрослой жизни не сложилось. Эти письма – словно весточки в светлое прошлое, где все считали ее хорошей и правильной девочкой, умницей и душой класса. Ритуал написания этих писем был для нее, как живительная порция кислорода. Открытки, конверты и марки она покупала заранее, выбирая их с необыкновенной придирчивостью. Наконец наступал День писем. Сначала она надпи-

сывала открытки, затем вкладывала их в конверты, после чего писала адреса и лишь тогда, в последнюю очередь, наклеивала марки. По старой привычке, увлажняя клеевую сторону языком. Мне оставалось всего-навсего заблаговременно подготовить те марки, которые меньше всего бросались в глаза. То есть стандартные малоформатные марки для доплаты, на клеевую основу которых требовалось нанести тончайший слой яда, а затем подменить их. После этого я мог спокойно отправляться в дальнюю командировку хоть на год, зная, что тетка слижет яд в строго определенный день, а у меня будет абсолютное алиби. А чтобы следы от яда не остались в классе, я придумал трюк с маленьким самодельным конвертиком. Этот ход позволял перевести стрелки на Сергея.

– Где вы достали яд?

– Ну, сейчас за деньги можно найти все. А информацию о свойствах ядов легко скачать с Интернета, притом что Оксана имела фармацевтическое образование. На каждую марку мы с ней нанесли минимальную дозу. Смерть должна была наступить лишь после наклеивания последней марки. Мы считали, что в процессе наклеивания, тетка сама же уничтожит наши и без того едва уловимые следы. Оставалось подставить братишку Серегу, слишком быстро забывшего своего отца. Звонок с городского таксофона сделала Оксана, которая оставалась в городе. С таким расчетом, чтобы Сергей навестил мать до того, как она начнет наклеивать марки. Во время своего предыдущего визита я засунул под тумбочку его зажигалку с отпечатками его пальцев, которую умыкнул у него заранее. Но это было всего лишь испытание характера. Я знал, что все обвинения против Сергея рано или поздно рассыплются. – Воротников вздохнул: – Вот только не думал, что среди местных сыщиков найдется свой Шерлок Холмс, который распутает весь клубок.

– Опять этот Шерлок Холмс, – пробурчал себе под нос Пережегин, после чего спросил:

– Ну, и как же звучит анекдот, который озарил вашу светлую голову?

– Самое парадоксальное, что я знал его еще со школьных лет. Коротенький такой анекдотец в виде объявления, якобы опубликованного в газете: «Требуется специалист, хорошо владеющий языком. Для наклеивания почтовых марок».

РАЗОРВАННЫЙ РИСУНОК

От автора:

Сколь ни странным это покажется, но Пережегин, человек, не единожды декларировавший свою отрешенность от «мира прекрасного», то и дело оказывался втянутым в разборки, связанные, в частности, с похищением произведений живописи различных форм.

Мне показалось логичным, что если уж повествование о «народном эксперте» началось с истории о выкраденной картине, то и завершающим аккордом должен стать рассказ на ту же тему.

1

Раздался треск, и осколки стекла одного из окон на четвертом этаже полетели во все стороны. Но первой на мостовую шлепнулась большая чугунная сковорода, которой, очевидно, и вышибли стекло. Лишь чудом сковорода не задела ни одной из машин, двигавшихся в плотном транспортном потоке. Следом в проеме разбитого окна показалась обнаженная молодая женщина, громко кричавшая: «Он убил его! Убил! Спасите!»

...Перед полицейскими, прибывшими по вызову в «нехорошую» квартиру, предстала жуткая картина. В комнате, на постели, залитой кровью, лежал раздетый мужчина с пулевым отверстием во лбу. Несколько пальцев на руках у него были сломаны самым варварским образом. А на кухне, у разбитого окна, билась в истерике женщина, звавшая на помощь. Один из сыщиков накинул на нее банный халат. Осознав, наконец, что рядом с ней находятся стражи закона, женщина взяла себя в руки и сбивчиво рассказала следующее.

Ее зовут Юля. Юлия Владимировна Вершинская. Там, в комнате, лежит ее гражданский муж Антон Марченко. Они вместе уже три года, и все это время были счастливы. Работают тоже вместе, в компьютерной фирме, и по роду службы нередко берут работу на дом. Вот и сегодня они выполнили с утра довольно обширную программу, а затем решили немного передохнуть. Она принимала душ, когда из комнаты донеслись пугающе странные звуки. Но она решила, что муж смотрит по телевизору боевик. И считала так, пока не вошла после душа в комнату.

Телевизор даже не был включен. Крики издавал Антон. Скрученной простыней он был привязан за шею к спинке кровати. А над ним склонился какой-то незнакомец со жгучей черной бородой, выкручивавший ему пальцы на руках. От неожиданности Юля вскрикнула. Бородач метнулся к ней. Словно какой-то голос шепнул ей: беги на кухню, заклинй дверь шваброй, бей окно сковородой и зови на помощь! Так она и поступила.

Женщина закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

Между тем сыщики делали свою работу.

Все указывало на то, что в квартире побывал профессионал. Чтобы нанести такие увечья, которые получил Марченко, мало было одной физической силы. Тут чувствовался почерк специалиста «по развязыванию языков». Очевидно, преступник хотел получить от Марченко какую-то важную информацию. И он получил ее. А затем хладнокровно произвел «контрольный» выстрел. Женщину, похоже, спасла лишь ее расторопность.

Но чего преступник добивался от Марченко? Судя по обстановке, жили супруги скромно, врагов, по словам Юлии, не имели. Что же могло привести к кровавой развязке?

Сыщики опросили соседей, жильцов дома, находившихся во дворе. Никто не видел подозрительного человека со жгучей черной бородой. Он словно сквозь землю провалился.

Правда, покидая квартиру, преступник совершил один необъяснимый поступок.

На торцевой стене комнаты висело несколько картин маслом, а также карандашных рисунков на плотной бумаге – все в рамках и под стеклом. Не вызывало сомнений, что все рисунки сделаны одной рукой. Одно из стекол было разбито, а сам рисунок грубо вырван из рамки. Вырванную – центральную – часть рисунка преступник унес с собой. Уцелели лишь угловые фрагменты листа, прижатые рамкой.

На вопрос о рисунках Юлия ответила после легкой заминки, что все они сделаны другом Антона – уличным художником Виталием Травкиным, который зарабатывает на жизнь, продавая туристам пейзажи, срисованные с открыток. Что было на вырванном рисунке? Да тоже какой-то пейзаж – уголок леса, поляна... Это и не рисунок даже, а беглый набросок карандашом... И, в самом деле, на уцелевших клочках виднелись контуры стволов двух-трех деревьев, да еще в правом нижнем углу сохранилась подпись: «Шишкин». Очевидно, Травкин перекопировал пейзаж с репродукции картины известного художника.

Но почему же из двух десятков картин, висевших на стене, убийца выбрал именно этот рисунок «на скорую руку»?

Решили прямо сейчас позвонить художнику: авось он что-нибудь прояснит. Номер его домашнего телефона после еще одной странной заминки дала Вершинская.

И вот тут-то сыщиков ждала непредвиденная новость.

На том конце провода трубку подняли коллеги, тоже оперативники.

Выяснилось, что кто-то проник в квартиру Травкина, привязал его к креслу и пытал несчастного, прижигая сигаретой и ломая тому пальцы, а затем, получив, видимо, нужную информацию, убил выстрелом из пистолета в голову. Дверь в квартиру убийца оставил открытой. Труп обнаружила уборщица.

Последовал обмен вопросами, и обе группы согласились с тем, что действовал один и тот же преступник.

На какое-то время про Юлю забыли. Она же, вслушиваясь в реплики полицейских, становилась все бледнее, затем вскрикнула и упала без чувств.

2

Чем дольше размышлял следователь Ключников об этом запутанном деле, тем определеннее склонялся к выводу, что Вершинская говорит меньше, чем знает. Он уже выяснил, что хотя та фактически проживала в квартире Марченко, но у нее имелась и своя жилплощадь – комната в коммунальной квартире, комната, которая сейчас стояла закрытой. Своего рода запасной аэродром.

Ключников побывал по месту прописки Вершинской – и снова сюрприз!

Оказалось, что именно в тот день, когда произошла вся эта цепочка преступлений, в коммуналку приходил мужчина средних лет, назвавшийся родным дядей Юлии. С черной бородой? Нет, что вы! Никакой бороды. И вообще, он – светлый, скорее даже рыжеватый, а лицо усыпано веснушками. Очень такой приличный дядечка, хорошо одетый, с уверенными манерами. А главное, у него были ключи от ее комнаты. Ну как же было его не пустить? Он пробыл в комнате немного, минут десять, затем вышел и сказал, что они с племянницей созвонились и решили встретиться в другом месте. Вот и все. С тех пор он больше здесь не появлялся. Как, впрочем, и Юлия.

Что ж, выстраивалась весьма логичная версия. Преступник что-то искал. Этот поиск он начал с посещения квартиры художника. Травкин под пыткой навел его на Марченко. Марченко указал адрес коммуналки, где была прописана его подруга. Очевидно, у Марченко же преступник взял ключи от коммуналки. Там, надо полагать, он нашел то, что искал. По ходу своих действий преступник не останавливался перед убийствами. Вершинская тоже была на волосок от гибели и понимала это. Потому и перепугалась до нервного срыва.

Да, все логично, кроме одной детали: зачем злоумышленник вырвал рисунок из рамки, предварительно разбив каким-то тяжелым предметом стекло? Простенький карандашный рисунок...

Скорее всего, пострадавшая знала ответ на этот вопрос.

Клюшников поехал к ней в больницу.

3

Поначалу разговор складывался трудно. Но постепенно Клюшникову удалось добиться доверия Вершинской. И вот она заговорила.

...За три дня до роковых событий они с Антоном отправились в гости к Травкину. На лестнице разминулись с человеком, который только что вышел от художника. Это был высокий и поджарый, модно одетый мужчина в расцвете лет, с коротким рыжеватым ежиком волос и скуластым лицом, усыпанным веснушками.

Виталия они застали в приподнятом настроении. Улыбаясь до ушей, он показал им несколько крупных кредиток: «Видали?! Заказчик только что расплатился! Да вы с ним, наверное, столкнулись на лестнице...» Затем рассказал, что накануне этот человек подошел к его лотку на улице и спросил, сумеет ли он, Виталий, написать картину с фотографии, но так, чтобы были в точности соблюдены основные пропорции. Виталий дал понять, что это и есть его главный метод работы.

Тогда незнакомец достал из внутреннего кармана пиджака цветную фотографию уголка леса и сказал, что через два дня ему понадобится картина, сделанная с этого снимка в масштабе 1:5. Если художник обязуется закончить полотно в срок (а ему, заказчику, известно, что многие живописцы, к сожалению, подвержены запоям), то он, заказчик, готов прямо сейчас вы-

платить аванс. Правда, в пейзаж придется внести некоторые изменения.

– И вот картина написана, она перед вами! – Виталий провёл своих гостей к мольберту.

На холсте был изображен довольно привычный для северо-запада пейзаж. Поляна в лесу. В просвете между деревьями поблескивает озеро, перед ним белеет станционное здание пригородной платформы. А на переднем плане – смолистая ветка с тремя сосновыми шишками, выступающая со стороны зрителя.

– Почему же твой щедрый заказчик не забрал полотно, раз оно уже готово? – поинтересовался Антон.

– Он сказал, что за картиной завтра придет другой человек, которому она предназначена в подарок.

– Станный подарок! – заметил Антон. И добавил, приглядевшись: – Тебе не кажется, что шишки немного не на месте? Ведь поляна образована только дубами и березками. Откуда же взялись шишки?

– Согласен, – кивнул Травкин. – Но эти шишки дорисованы по желанию заказчика. На фотографии их не было. Там на переднем плане торчала какая-то вешка, от которой падала длинная тень. Заказчик попросил нарисовать вместо вешки сосновую ветку, но так, чтобы тень от нее в точности совпадала с тенью от вешки. Еще он попросил, чтобы на здании платформы перед озером я написал мелкими, но разборчивыми буквами название станции – «Можайская». А еще, чтобы четко выписал станционные часы, расположив стрелки в положении 12.15. Кроме того, в углу картины надо было написать слово «Шишки». Не «Шишкин», а именно «шишки». Ну и непременно вернуть ему фотографию. Я все выполнил в точности. Между прочим, он проверял все детали добрых полчаса. Наконец сказал, что доволен моей работой, расплатился и ушел. Перед самым уходом попросил меня держать рот на замке и подкрепил свою просьбу довольно-таки выразительным жутким взглядом. Ну да плевать! Вы мои друзья, и от вас у меня нет никаких секретов.

– Виталий сбегал за пивом и креветками, – продолжала свой рассказ Юля, – и принялся нас угощать. Я уже и думать забыла о картине, но Антон то и дело подходил к ней и подолгу всматривался в ее детали. А затем вдруг воскликнул: «Послушайте, а ведь это закодированное послание! Тень от ветки явно указывает на тайник. Саму поляну легко найти, зная, что

с нее озеро и платформа просматриваются под обозначенным углом. Время тоже имеет значение. Именно в 12.15 тень от ветки лежит в нужном направлении. Наконец, слово «шишки» подсказывает получателю, от какой печки ему следует плясать, расшифровывая этот код... Люди, мы проникли в чужую тайну. Может, это ерунда, а может, и нет. Предлагаю завтра к полудню поехать на станцию «Можайская» и проверить эту версию».

– Вообще, Антон отличался аналитическим умом, заранее угадывал концовки самых запутанных детективов, играючи расправлялся с самыми сложными кроссвордами и головоломками...

Словом, мы еще выпили пива и составили план. Ехать на поиски тайника должны были мы с Антоном, ведь Виталию надо было дожидаться того, кому предназначалась картина. Визит получателя ожидался после двух часов дня, таким образом, нам не грозила нежелательная встреча в лесу. Однако же поиски тайника были невозможны без самой картины. Но и взять ее с собой мы не могли по понятным причинам. Поэтому Виталий сделал для такого случая беглый карандашный эскиз, проработав лишь ключевые детали.

– Вообще-то, я до последнего момента считала, что это просто игра, что Антон дал волю своей фантазии, – призналась Юля. – Но оказалось, что все гораздо серьезнее...

– Вы нашли тайник?

– Да.

– Что же в нем находилось? – спросил Ключников.

– Голова барса, из чистого золота. Величиной с мужской кулак. Вместо глаз – два крупных алмаза. И клыки из цветного камня. Да, мы забрали находку с собой, оставив в опустевшем тайнике бутылку из-под пива. Глупость, конечно, ужасная! После того как вернулись домой, позвонили Виталию. Он тут же примчался. Сообщил, что заказанную картину забрали. Приходил за ней какой-то невысокий старичок-толстячок в очках и в кожаном жилете. Затем Виталий осмотрел нашу находку и сказал, что это очень ценная вещь. Настолько ценная, что даже делается страшно. Это, мол, валютная сумма со многими нулями. В период расцвета Великого шелкового пути такие барсы служили пропуском для пересечения владений персидского шахиншаха. Если богатый купец не хотел неприятностей, то он должен был купить в казне такую голову.

Мы решили, что спрячем находку у Антона. Но позднее, когда Виталий уже ушел, Антон сказал, что безопаснее хранить ее в моей комнате в коммуналке. Там уж точно искать не станут.

– Два дня прошли тихо, – всхлипнула Юлия. – Мы уже совсем было поверили, что наша дерзкая авантюра удалась. Антон даже вставил этот пейзаж в рамку, под стекло. Но мы рано успокоились. На следующий день произошел весь этот ужас...

– Зачем вы придумали грабителя со жгучей черной бородой?

– Да как же вы не понимаете! Ведь это был тот самый – рыжеватый, с веснушками, которого мы встретили на лестнице! Заказчик! Ужасный человек! Он кричал мне через дверь: «Я все равно тебя достану, сука! Попробуй только шепнуть ментам хоть слово об этом деле!» А позднее, когда я увидела, что на гвоздике в прихожей нет моих ключей от коммуналки, я поняла, что он узнал все. Но как он догадался, что это сделали мы, ума не приложу...

Итак, весь сыр-бор разгорелся из-за средневекового раритета. Но вот что удивительно. Никто не заявлял о пропаже. В деле фигурировал наглый, решительный, изобретательный и безжалостный преступник. Когда его самого попытались обокрасть, он быстро разобрался в ситуации, вычислил «шутников», безжалостно наказал их и вернул себе потерю. Для последующей перепродажи, надо полагать. Старичок в кожаном жилете, явившийся за картиной, несомненно, и есть покупатель золотого барса. Теперь, по всей видимости, преступник залег на дно. Опытный, умный, матерый преступник, не оставивший никаких следов. Не считая фрагментов разорванного рисунка, приобщенных к делу.

Но надо быть воистину ясновидцем, чтобы по таким ничтожным уликам найти убийцу.

От автора

Здесь я должен сделать небольшое отступление.

Дело в том, что в файле «Разорванный рисунок», одном из наиболее подробных отчетов Пережегина, отсутствует некий логический кусок. То ли целая страничка была стерта по какой-то причине, то ли мэтр попросту поленился записать все детали проведенного им расследования.

Если конкретно, то в отчете отсутствует объяснение того, каким образом следователь Ключников установил контакт с Пережегиним, зато присутствует совершенно несвойственное «народному эксперту» стремление подпустить в эту историю немного таинственного тумана.

Честно говоря, я мог бы попытаться присочинить этот кусок самостоятельно, но посчитал, что не вправе допускать какую-либо отсебятину по отношению к глубоко почитаемому мною самородку.

Рассчитываю при этом на снисхождение терпеливого читателя, который, как хотелось бы надеяться, поймет мотивы несколько неожиданного перехода к следующей главе.

Но что делать, если именно такой переход предопределен записями самого Пережегина?

Еще одно необходимое пояснение.

Улица Шкапина, о которой речь пойдет ниже, протянувшаяся вблизи Балтийского вокзала, являла в середине 90-х годов классический образец многоэтажных трущоб.

На Шкапина немецкие киношники снимали эпизоды фильма «Закат» о последних днях Третьего рейха. В своей благополучной Европе подходящего городского пейзажа для военных сцен они не нашли, а в Северной Пальмире – пожалуйста! При этом расходы на декорации были минимальны. Окна в обветшавших домах крест-накрест заклеили бумагой, разместили вдоль улицы кучи мусора, битого кирпича и осколки стекол, установили «ежи» из сваренных рельсов, между которыми перебегали автоматчики-статисты в гитлеровской форме.

Получилась убедительная картина разрушенного Берлина конца апреля – начала мая 1945 года.

Позднее городские власти приняли решение о тотальном сносе всего этого ветхого жилья и о застройке улицы Шкапина современными зданиями.

В наше время часть этих планов реализована. На Шкапина выросли высотки.

Но был такой момент в истории многострадальной улицы, когда ее вид сделался еще более ущербным, чем даже в период съемок «Заката». На ней печально застыли лишь несколько расселенных зданий, зиявших пустыми глазницами выбитых окон, а между этими каменными уродцами громоздились зверсты строительного мусора – все, что осталось от свежеснесенных коммуналок.

С наступлением темноты разрушенная до основания улица превращалась в пугающее, мрачное, молчаливое пространство, в направлении которого нормальный человек поостерегся бы сделать даже шаг.

Именно в этот период полной разрухи здесь развивались драматические события, зафиксированные Пережегиним в отчете по делу о «Разорванном рисунке».

4

Замечательный дар Пережегина привел его к расселенному дому по улице Шкапина. Дом был окружен глухим деревянным забором, в укромных уголках которого, впрочем, имелись дыры. Ключников велел водителю ждать на привокзальной площади. Машина отъехала.

Следователь и «народный эксперт» проникли в захламленный двор. В дальнем его углу, у бетонной ограды, возвышались стены выведенной из эксплуатации и наполовину разрушенной котельной. К ней и направился Пережегин, распрямив свои мясистые ладони.

Войдя внутрь, Петр Мефодьевич осмотрелся, затем решительно шагнул в угол, где горкой лежала пропыленная ветошь. Наклонившись, разворошил ее, подняв большую, со смятыми боками, жестяную банку. Из нее он выудил полиэтиленовый пакет, а из того в свою очередь достал сложенный вчетверо мятый лист плотной бумаги. Это был тот самый рисунок – карандашная копия пейзажа, изображенного Травкиным.

– Ну вот, я нашел то, что обещал. Впрочем, в банке есть еще что-то, и довольно тяжелое. Сейчас посмотрим.

На свет появилась золотая голова барса с алмазными глазами.

– Этого я не ожидал! – даже растерялся следователь.

– Почему же? – сощурился «народный эксперт». – Разве я не обещал вам найти центральный фрагмент карандашного рисунка, вырванный преступником из рамки? При этом я честно предупредил, что если преступник попросту выбросил его в ближайшую урну, то мою консультацию можно считать завершенной. Но если злодей для какой-то особой цели отнес этот фрагмент в свою берлогу, тогда у нас появляется шанс. И вот шанс реализован, берлога перед вами.

– Да, но как вы это сделали?

На лице Пережегина заиграла ироничная усмешка.

– Все очень просто. Вещи и предметы, так или иначе связанные с убийством, обладают очень сильной энергетикой. Последнее особенно справедливо по отношению к вещам, насильственно разъятым на части злоумышленником при совершении им тяжкого преступления.

– Да вы мне просто голову морочите! – воскликнул Ключников.

– Может, и так, – не стал спорить Пережегин. – Но теперь мяч на вашей стороне. Организуйте поблизости засаду. А моя миссия на этом завершена.

Ответить следователь не успел.

Через маленькое окошко они увидели, как во двор тем же ходом вошли два господина весьма контрастной наружности. Один был высокий, поджарый, с рыжеватыми короткими волосами. Второй – невысокий, пузатенький, в очках и в кожаном жилете – имел более солидный возраст.

Оба направлялись прямехонько к котельной.

– Верните все на место, – прошептал следователь. – Быть может, сейчас наступит момент истины.

Замаскировав в том же виде жестянку под ветошь, оба выскользнули во двор, благо, дверной проем находился с тыльной стороны котельной. Чуть поодаль возвышался штабель старых бетонных плит. За ним и притаились пришедшие первыми.

5

Парочка остановилась перед входом в котельную.

– Послушайте, Борис! – недовольным тоном произнес низенький. – Этот двор чудес, куда вы меня затащили, не слишком ли опасное место, чтобы хранить здесь столь ценное произведение искусства? Ведь тут, наверное, полно бомжей?

– Бомжи здесь только ночуют, господин Просольцев, – ответил Борис. – Притом в этот угол они вообще не заглядывают. Не беспокойтесь.

– Я перестану беспокоиться лишь после того, как барс окажется в моем сейфе! – нервно воскликнул Просольцев.

– Ждать осталось совсем немного. – Борис вошел в котельную и через несколько секунд вышел с жестянкой в руках: – Вот он, владейте!

Минута тишины. Затем послышался восторженный возглас человека в кожаном жилете:

– Да! Это он! Теперь я вижу, что вы все-таки выполнили заказ. Но лишь со второй попытки. А это противоречит нашей договоренности.

– Произошла нелепая накладка, форс-мажор, – возразил поджарый. – Собственно, из-за этого казуса я и решил впервые в своей практике нарушить собственные правила и встретиться с заказчиком лично. Моя репутация под сомнением, и я обязан объяснить, что моей вины тут нет.

– Однако же вы заставили меня изрядно понервничать. С моим-то больным сердцем!

– Вот послушайте! – горячо заговорил Борис. – С тех пор как я начал работать по заказам коллекционеров, я вывел для себя несколько простых, но обязательных правил. Никаких личных контактов! Особенно при передаче заказанных изделий. Потому как среди вас, состоятельных собирателей всякой чепухи, немало людей неуравновешенных, непредсказуемых, способных на любые безумства ради какого-нибудь редкостного экземпляра. Иными словами, первостатейных психов. Постепенно я выработал четкую схему: по телефону получаю заказ, жду, когда на мой расчетный счет переведут аванс, затем добываю раритет и прячу его в тайнике, информацию о котором заказчик получает в виде закодированной картины. Так безопаснее для всех, согласитесь.

– Хм, но в моем случае ваш способ не сработал. Хотя я все сделал, как мы улавливались. Пришел к художнику Травкину, забрал у него пейзаж, определил по вашим указаниям место тайника... Но каково же было мое разочарование, когда вместо барса я обнаружил там пустую бутылку из-под пива! Я решил, что это ваши штучки, Борис, и, откровенно говоря, уже собирался нанять «бригаду возмездия». Не люблю, знаете ли, когда меня держат за дурачка.

– Повторяю, это досадная нелепость, – сказал поджарый. – На беду художника, у него нашелся чересчур смекалистый приятель. Он по какому-то наитию расшифровал загадку и втянул в авантюру своих спутников. Вот, взгляните, они даже сделали второй рисунок с моей фотографии. Я специально принес вам показать. Впрочем, это им не помогло. Я разобрался со всеми. Кроме женщины. Но и ей нанесу сегодня вечером визит. Не

волнуйтесь, не останется никого, кто по нелепой случайности держал этого хищника в руках. Владейте им спокойно. И согласитесь, что я очень четко восстановил статус-кво. Позвонил вам сразу же, но вы не отозвались.

– Мне просто пришлось уехать из города на несколько дней, – ответил Просольцев. – Ну что ж! Я рад, что все разъяснилось. С вами можно иметь дело, господин Щапов. Оставшуюся сумму я переведу сегодня же, не беспокойтесь.

– Буду весьма вам признателен, – кивнул изысканный грабитель. – Всегда к вашим услугам. Но только не в ближайшие три месяца. На этот период я должен исчезнуть.

– А вот этого не выйдет. Руки за голову! – с этими словами следователь выскочил из-за штабеля и навел на заговорщиков пистолет.

Низенький вздрогнул, комично прижав золотого барса к животу. Высокий же молниеносным движением схватил своего спутника сзади за ворот и брючный ремень, толкнул изо всех сил на следователя, а сам бросился к проходу в заборе. Но уж тут ему наперерез метнулся Пережегин. Они сцепились в яростной схватке. Борис был очень силен и ловок, но и «народный эксперт», вопреки его реноме «чистого аналитика с особым даром», не уступал ему ни в чем. Пыль поднялась столбом.

Но на помощь своему странному консультанту уже спешил следователь.

Задержанный оказался неким Борисом Щаповым, по кличке Гриб. Это был профессиональный грабитель частных коллекций, не брезговавший, впрочем, и музейными экспонатами.

Заказчик, некий господин Просольцев, поручил ему украсть голову барса из коллекции своего собрата по хобби, известного собирателя древних ценностей Михаила Гладких.

К моменту задержания обоих, сам Гладких все еще находился в отъезде и даже не знал, что у него похищен самый ценный экспонат коллекции.

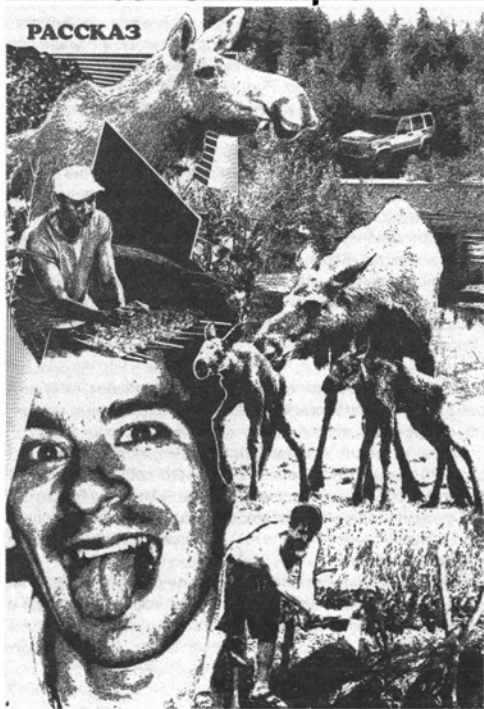
Следствие продолжается. Оно должно ответить на вопрос: какие еще «подвиги» числятся за ловким, изобретательным и беспощадным преступником.

Андрей РАКША

ОТМЕННОЕ

МЯСЦО

РАССКАЗ





ашина шла, таща за собой бесконечный шлейф белесой пыли, плотно забившей обрамленный соснами узкий коридор щебеночной дороги. Тончайшая, намеленная шинами пыль легко поднималась и могла висеть в воздухе часами, поддерживаемая интенсивным ходовым потоком. Сквозь эту марь солнце виделось раскаленной медной блямбой, на которую можно было смотреть совершенно свободно, как сквозь закопченное стекло в минуты затмения.

Несмотря на кажущуюся несерьезность, оно палило столь же жаростно, как и при ясном небе, однако зной сейчас не бил прицельно огнеметной струей из идеального зенита, а заполняя объемно все поднебесное пространство, словно в камере тигля для обжига горшков, обволакивал материальным жестким жаром каждый предмет – будь то живое существо, бездушная скала или недвижимая зеленая былинка.

Дорога была сплошь усыпана крупным гравием. Даже не гравием, а угловатыми желтыми булыжниками размером с мужской кулак, которые противно скрежетали под колесами и иногда, высоко подпрыгнув, выбитые шиной, гулко долбали в днище. Серега сдавленно матерился и сбрасывал скорость. Болезненное содрогание прекращалось, переходя в тупые толчки. Машина медленно ползла, переваливаясь с боку на бок на высоких жестких кочках, и тогда можно было ясно рассмотреть запорошенные пылью, пожухлые от жары листья придорожного орешника; настороженную рубиновую стрекозу, радужно блестящую на сухой былинке легчайшей пленкой узорчатых крыльев, и даже созвездие бордовых точек инертных божьих коровок, неведь зачем устроивших расширенное

собрание на широких ассиметричных сковородках листьев гигантского репейника, вымахнувшего на обочине двухметровый стебель, увенчанный гроздьями созревающих фиолетовых шишек собственно репьев.

Однако падение автодинамики порождало отчетливое чувство, что теперь этот дорожный кошмар будет продолжаться без конца. К тому же пыльное облако быстро догоняло машину, забиваясь в салон дымными клубами через окна, открытые по причине потекшего кондиционера, и Серега снова, убегая от него, давил педаль акселератора, разгоняя машину до относительно комфортных пятидесяти.

Спустя несколько минут, он бессознательно, желая быстрее вырваться из «дробного» отрезка, доводил скорость до семидесяти километров, но тогда высокая волна «стиральной доски» снова начинала жестко бить в колеса, сливая удары в нестерпимую вибрацию, отчего казалось, что детали подвески, несмотря на внедорожную укрепистость, вот-вот, не выдержав тяжелого наката, просто разбегутся, как тараканы, во все стороны.

Достойную «тачку» Серега мечтал приобрести уже давно. Худосочные детища отечественного автопрома, на которых он катался до сих пор, уже не казались ему верхом изящества и приемистости, как это было раньше, когда он только-только получил водительские права, и ему было все равно, за какую баранку держаться, лишь бы активно пёрло с ревом форсированного движка и визгом шлифующих асфальт покрышек.

С приобретением как жизненного, так и дорожного опыта он быстро понял, что личная машина, кроме традиционного призвания в качестве «средства передвижения», является еще и «роскошью», обладая способностью определять как социальный, так и материальный статус ее владельца. Раздутый джип на широкой резине – это тебе совсем не вазовский «конструктор». А когда тебе всего лишь двадцать пять, то весьма немаловажно, в какой «автоодежке» ты прогазуешь в собственном дворе, откуда свирепо глянешь на неуважительно подрезавшую машину-каракатицу и где потискаешься с интересной девчонкой, рассчитывая на перспективу дальнейшего знакомства.

Однако мечты остаются мечтами, пока не совпадут во времени с текущими возможностями. Возможности, наконец-то,

появились, и Серега реализовал их неделю как назад, купив по случаю подержанный, но еще весьма крепкий внедорожник «гранд чероки», а черты характера, соответствующие обладателю значительной машины, он сформировал загодя.

Страдающая под ногами кудлатая собачонка по кличке Зелёнка начинала жалобно повизгивать, терзая лапами колени, и тогда могучая, будто монументальная «колхозница» Светка, сидящая позади между мужем и братом, одной рукой придерживая восьмимесячный живот, колотила Серегу по плечу, и он, очнувшись, отпускал педаль.

– Тех, кто делал эту дорогу, убивать надо! – подал голос Светкин муж Семен. – Причем с особой жестокостью и цинизмом. На площади прилюдно разрывать за ноги пострадавшими машинами. Чтобы другим неповадно было. Давай, гаси. Хотя ты мне и друг, преждевременные роды не прощу.

Он наклонился вперед, прижимаясь тощей грудью к спине сиденья водителя, внимательно следя поверх плеча Сереги за зеленой стрелкой спидометра.

– Аутодафе, – блеснул эрудицией Серега, когда стрелка остановилась на отметке «сорок». Что означает это слово, он толком не знал, однако ассоциации, неведомым каким образом засевшие в памяти, намекали на его прямую связь с понятием публичных наказаний. К тому же слово было однозначно из разряда «умных», звучало веско, а продемонстрировать свой интеллект ему сегодня хотелось как никогда ранее.

– Ауто чего? – удивился Семен.

– Того самого, – Серега не стал вдаваться в подробности, о которых сам не ведал.

– Во-во, я и говорю, – продолжил Семен, сделав вид, что все понял досконально. – Сначала всех авто, а потом дафе, дафе, дафе, пока не признаются куда, суки, деньги на ремонт дороги дели.

– Дорога из желтого битого кирпича, – изрекла меланхоличная Алевтина. – Видимо, обещанных чудес мы не дождемся. Великий Гудвин покинул эту несчастную страну, и желтый туман ложится на ее просторы.

Ей было удобнее всех. Она завозила на переднем сиденье, упираясь в пол босыми ногами. Плотные сидящие шортики, сделанные из старых джинсов, были обрезаны, что называется «выше некуда». Мышцы напряглись, рельефно очерчивая

форму округлого бедра. Привязной ремень натянулся, уминая блузку, ложась плотнее наискосок через грудь, и Серега, бросив в сторону случайный взгляд, невольно одобрительно и с предвкушением причмокнул.

С Алевтиной Серега познакомился лишь пару дней назад, близко пообщаться не успел и теперь очень рассчитывал на пикничок с ночевкой, красочно расписав прелести места, в которое они сейчас малой скоростью и направлялись, тем более что в данном случае он нисколько не кривил душой.

– Это который Гудвин? – озадачился Семен, мучительно припоминая детскую волшебную историю. – Какой великий и ужасный? Какой всех дурил, а сам сидел за ширмой и за веревки дергал. И я бы так не прочь, да Светка вот не позволяет, приходится пахать на благо семьи, теперь уже как Папа Карло.

Он повернулся, с неожиданной искренней нежностью приник к жене, осторожно положив другую руку на ее живот.

– Говорят, двойня будет, – очевидная мужская гордость звучала в его голосе.

– Не парьтесь, господа, – подал голос Серега. – Мы скоро свернем с этого пасынка дорогостроения, а чудеса природы нас уже с нетерпением ждут. Что же касается счастья, то его кратковременное наличие мы себе легко обеспечим путем употребления соответствующих напитков.

– Эх, ты витиевато завернул, сразу и не понять, будто под кредитом расписался, – ухмыльнулся Семен. – Скажи попроще, роднее будешь.

Он, снисходя к положению беременной жены, уже четвертый месяц пребывал в «полной завязке» и теперь, предполагая, что уж отдых-то на природе под контролем Светки не входит в зону алкогольного запрета, собирался максимально компенсировать дни вынужденного простоя, дабы потом вновь возвратиться на трезвую стезю будущего папаши.

– Куда уж проще, – Серега крутанул баранку, объезжая выбоину. – Через полчаса будем на месте, треснем «крепкого», по-быстрому заделаем шашлычок, а ночью приобщимся к вечному, приняв нагишом под звездами очистительную ванну. Это ли не счастье?

Он живо глянул на Алевтину, проверяя ее реакцию, но девушка не подала вида, что поняла «толстый» намек на перспективу дальнейших отношений.

– Теплая водка?! – скептически скривился Светкин брат. Его имя было Александр, но все, по примеру благоприобретенного родственника, звали его то шурином, то Шуриком, смотря какое сочетание первым попадало на язык. – Опять же, потные бабы, – добавил он ехидно, заранее отодвигаясь от сестры, однако Светка, занятая своим животом, пропустила мимо ушей его пошловатую остроту.

– Все учтено могучим ураганом, – снисходительно объяснил Серега, – в прошлом году, когда открыли это место, закопано мной была на глубочайшую глубину пара пузырей «слезы Христовой». Представляете, год выдержки в условиях природной чистоты! Так что прибытие нам будет чем отметить, а там, глядишь, под шашлычок, и теплая пойдет.

– Кстати, шурин, – бросил он через плечо, – тебе общественная благодарность. Мясо отменное.

– А то, – довольный похвалой, осклабилась тот. – Хотя все умные люди загодя стараются, а ты понес с утра: «Экспромт, экспромт, поехали на воду!» – пришлось напрячься, последний кус на рынке ухватил, промежду прочим. Отбил, практически рискуя жизнью.

– Ладно, ладно, не переживай, – кивнул Серега, – будет тебе медаль из картошки за твой гражданский подвиг, глядишь, и лишнего нальем.

– Водка? Осталась? После пикника? – с сомнением покачал головой Семен, несколько запоздало, осознав сей, с его точки зрения, весьма курьезный факт. – Так не бывает. Ее, родимой, вообще никогда много не бывает.

– Вот так случилось, можно сказать, помрачение ума, наложенное на частный случай, когда оказалось ее ну очень много. – Серега сбавил скорость. По его подсчетам, где-то здесь должен быть съезд со «щебенки». – Тебя, мой друг, как собутыльника, в тот год мы потеряли, потому как кинул ты нас ради исполнения уникального генетического эксперимента во благо подъема отечественной демографии.

– Какого еще эксперимента? – озадачилась Светка. – Почему генетического?

Понятие эзоповых иносказаний было ей неведомо, и она, смешно построив домиком густые брови, пыталась разобраться в словесных дебрях Серегиной трепотни, который, разогретый перспективой долгожданного пикника, остро приправленного

присутствием Алевтины, впал в нервное состояние «предстартового мандража», болтая без умолку, своим развязным речитативом стараясь произвести на нее выгодное впечатление.

– Ну как же, – невнятно продолжил он, рыская глазами по обочине, – предварительный результат многотрудных ночных научных опытов мы уже имеем счастье лицезреть, а через месячишко увидим и их плод.

– Дурак! – сказала Светка, наливаясь свекольной краснотой. На ее бледном, как у всех рыжих, усыпанном веснушками лице, смущение выглядело трогательно, будто у трехлетней девчушки. – Скажи ему! – Она локтем попыталась инициировать некрепкую мужнину защиту, но Семен в ответ только игнорирующе хмыкнул. Серега с детства был лидером в их дворовой компании, однозначно доминируя в любых ребячьих авантюрах, и даже сейчас, когда все они изрядно повзрослели, его авторитет порой давил, не позволяя проявить собственное мнение, казалось бы, в самых простых обыденных вопросах.

Внезапно порхающая тень ворвалась в тесноту салона, и ярко-желтое нечто, толкая воздух короткими взмахами, пометавшись вокруг испуганных голов, вдруг разом стихнув, опустилось за баранкой на панель. Серега, вжимаясь в спинку сиденья, ударил по педали тормоза. Машина клюнула бампером.

Бабочка сидела, бесстрашно распахнувшись, чуть подрагивая лимонными, с черной каймой крыльями, похожая на замысловатую изящную вещицу, своими непривычными размерами вызывая легкую оторопь, переходящую в испуг. Два пятна на нижних крыльях горели бордовыми огнями.

– Ни хрена себе снежинка, – оценил момент опомнившийся Серега, снова нажимая на акселератор.

– Окна закрой! – сдавленно просипел Светкин брат.

Стекла с легким шипением поползли вверх.

– Ты лови его, лови! И дави его, дави... – мелко забормотал Шурик. Повинуясь остаточному детскому инстинкту неистового энтомолога хватать все яркое красочное, что привлекает внимание, он осторожно полез вперед, ввинчиваясь между боком сестры и спинками переднего сиденья.

Почувствовав опасность, бабочка вновь заметалась по салону, и он, хлопая ладонями, в азарте ловли заполнил суетящимся собой все его тесное пространство.

Машина дернулась, соскакивая с колеи, скрипнула бортом по сухостою.

– Идиот! – выругался Серега, вырुливая обратно на дорогу.

Светкин брат, плюхнувшись на свое место, осторожно раздвинул сомкнутые ладони. Щенок под ногами, взбудораженный суетой, негромко тявкнул.

Махаон, сложив, словно склеив бархатные, пронизанные узором черных прожилок, крылья, плотно поджав суставчатые ножки, лежал на ладони неподвижно и плоско, казалось, безвозвратно утратив живую прелесть, превратившись в изъеденный мертвым тленом покособившийся желтоватый лист.

– Ну вот, сломали такую красоту, – с сожалением сказала Алевтина. – А между прочим, знаете, у многих народов считается, что бабочка – это душа умершего ребенка.

– Типун тебе на язык! – немедленно завопил суеверный Семен. – Какая душа?! Это ж насекомое. И вообще... Надо же такое ляпнуть! У меня тут баба на сносях...

Он замолчал, искательно заглядывая в глаза жене, переживая свой выплеск, желая быть оцененным и, соответственно, прощенным за недавнее, хоть и незначительное, но все ж таки предательство.

Алевтина промолчала. Ей, в малознакомой компании, было немного неудобно вступать в полемику с друзьями новоиспеченного приятеля.

– Не поэтичный ты человек, Семен, – Серега постарался сгладить для Алевтины неожиданную грубость друга. – Тебе бы только чурки строгать. Джузеппе ты, Синий Нос, а не Папа Карло.

– А вот этот – однозначно Буратино, – он мотнул головой в сторону Шурика. – Дерево недоотесанное. Отпусти животное, душегуб!

Он нажал разом на кнопки, снова опуская все стекла, Шурик хотел было что-то возразить, но, глянув на скомканные крылья махаона, молча пожал плечами и небрежно швырнул его в окно.

Бабочка, подхваченная воздушными завихрениями, летящими за машиной, еще какое-то время моталась позади, похожая на обрывок пакета из-под чипсов, и, наконец, канула, растворившись в пыльном тумане.

– Ну, слава богу, – сказала Алевтина, – отпустили душу на покаяние. Хотя какое может быть покаяние у совершенной красоты?..

Подтянувшись повыше на сиденье, она быстро черкнула тонким пальцем, набросав на пыльной панели стилизованные очертания бабочки.

– Не болтайте ерундой, – отозвался Светкин брат, отирая о колени пожелтевшие от пыли ладони. Ему было слегка неудобно за свой очевидно детский поступок, и он, чтобы окончательно замять произошедшее, продолжил:

– Я вот тут резкий анекдотец в Интернете наметил раскопал. По-моему, в тему. Короче, поймали пьяные мужики ночью в реке русалку. А наутро, когда выяснилось, что это был сом, всем стало очень стыдно...

Семен немедленно заржал, по достоинству оценив скабрезную историю. Серега, дабы не показаться пошляком, только сдавленно хрюкнул. Алевтина скривила губы.

– Я не поняла, – сказала наивная Светка. – А за что им было стыдно?

– Ну, как бы это, – беспомощно развел руками Шурик, словно извиняясь за простодушие сестры, – рыба все-таки, скользкая и воняет.

– Наконец-то! Вот и наша тайная тропа! – сказал Серега, углядев впереди сползающую вправо с главной дороги едва заметную колею.

Машина пошла ровно, как по мягкому ковру, только изредка постукивая шинами по пересекающим дорогу извилистым корням. В сравнении с открытым зноем в тени высоких «корабельных» сосен воздух воспринимался, чуть ли не полуночной прохладой, насыщенной крепким, сухим хвойным духом. Солнце, все же местами пробиваясь сквозь сетчатый навес колючих крон, теряя при этом свою жгучую силу, дрожало созвездьем ярких пятен на разлапистых кустах бузины, шуршащих зелеными ладонями по бокам машины, стелило под широкие колеса короткие половички ослепительного света.

Алевтина вывесила руку в открытое окно, пропуская через пальцы скользящие вдоль борта пушистые метелки высокого травостоя. Ей было хорошо и спокойно. Серега, несмотря на

возбужденную болтливость и лукавую скабрёзность в выражениях, казался ей, в отличие от предыдущих дружков, достаточно содержательным и симпатичным человеком, способным, если и не определить виды на семейное счастье, то, во всяком случае, составить интересную компанию в ближайшее время. Хотя немного беспокоила едва заметная хищноватая цепкая хватистость, порой мелькавшая в манерах парня, однако она отбрасывала невнятное сомнение, относя его на счет недостаточности знакомства.

Она подняла глаза и вздрогнула, уловив взглядом сквозь чередящее мельтешение стволов очертания какого-то большого, темного, но странно знакомого силуэта, как будто изъятая из детского бесхитростного рисунка.

«Корова? – подумала она первое, что пришло на ум, и тут же удивилась собственному воображению. – При чем здесь корова? Откуда в лесу домашняя скотина?»

– То ли видится мне, то ли кажется... – сказала она вслух и только загадочно улыбнулась в ответ на удивленные взгляды спутников.

Колея дороги резко изогнулась влево, сплошная стена светло-коричневых стволов, отбитая бордюром лиственного подлеска, стала подтаивать, становясь прозрачнее, глубже, и через пятнадцать минут машина, бесшумно и плавно выкатившись на опушку бора, хрустнув сухой веткой, остановилась недалеко от края двухметрового обрыва, отвесно падающего на широкий пляж. Белая полоса кварцевого песка, переливаясь мелкими разноцветными искрами, полого стелилась от его подножия к сапфировой линзе большого озера.

Светка энергично заработала локтями, и оба родственника, потирая руками ушибленные ребра, поспешно высыпались из машины.

Земля, покрытая толстым слоем опавших сосновых игл, упруго пружинила под ногами. Восторженная Зелёнка, вырвавшись из пыльного салона, с ликующим визгом носилась короткими кругами, пуская веером из-под лап мелкий лесной мусор, то вдруг, затормозившись, юзом, надсадно сопя, въезжала любопытным влажным носом в побуревшую от жары земляничную резную поросль.

– Вот уж не знала, что у нас неподалеку существует филиал турецкого курорта, – восхищенно выдохнула Светка.

– А то! – Серега не мог скрыть своего удовольствия от произведенного эффекта. – Турция отдыхает. И вообще, еще не вечер, основное действо впереди.

Он поднял тяжелую крышку багажника и полез копаться среди сумок и прочего автомобильного барахла.

– Говорят, хорошо, где нас нет, – Семен пару раз присел и длинно, со вкусом потянулся. – Брехня! Вот я здесь, и мне шибко хорошо, а очень скоро, имею подозрение, – он прищурился на истертое лезвие саперной лопатки, тускло блеснувшее в руках Сереги, – будет совсем уж благостно.

Алевтина, легко выпрыгнув из салона, осторожно ступая бо-
сыми ногами по горячей земле, прошла к обрыву и теперь стоя-
ла, закинув руки за голову, вызывая прогнувшись навстречу
ветерку, короткими легкими порывами поддувавшему с озера.

– Родимый, не томи, очнись, – Шурик помахал ладонью
перед замороженной физиономией Сереги. – Займись архео-
логией, а живое и так никуда не денется.

Она была совсем не крупная. Стройная, трогательная
в своем материнстве, в отличие от впечатляющей корявой
мощи взрослого быка, очаровательная странной, уродливой
прелестью. Это был ее первый приплод. Парная беремен-
ность являлась довольно-таки редким случаем для двухлетки,
но что выпало, то выпало, и она, протаскав по жесткой корке
оседающих мартовских сугробов оттянутое брюхо, каким-
то чудом благополучно разрешилась в середине мая двумя
здоровыми лосятами. Все поначалу было хорошо – и сочная
весенняя трава на лесных полянах, и нежная, глянцевая, еще
не задубевшая листва деревьев, и вдоволь мест, где можно
без труда напиться, – однако зной, опустившийся на лес к
середине лета, нарушил хрупкий баланс того, что можно по-
читать за счастье в диком мире.

Июльское солнце высосало почти всю воду из небольшого
лесного озерца. Такие мелкие водоемы, словно специальные
естественные поилки, природа для нужд разнообразного
зверья частенько разбрасывает по своему хозяйству, однако
теперь оно было больше похоже на мутную лужу, которая
малым зеркальцем воды тем не менее призывно поигрывало

солнечными бликами посредине широкого кольца подсохшей потрескавшейся грязи, похожей на среднеазиатский пустынный такыр. Лосиха, раздвигая палки камышей, попыталась сунуться вперед, но копыта, пробивая хрупкую корку, уходили в вязкую глубину, и она, испуганно выдергивая ноги, неуклюже раскачивалась на месте из стороны в сторону. Лосята топтались сзади, прядая длинными ушами, торкаясь в ее круп еще коротенькими, слегка похожими на жеребьячи, мордочками.

Пить хотелось невыносимо. Уже много суток они не встречали открытой воды. Грязевые ямы, оставшиеся на месте мелких бочажин, словно дразнили, источая притягательную влагу. Лосята, широко расставляя тонкие тростинки ног, понапрасну тыкались губами в мокрую грязь. Конечно, материнское молоко помогало терпеть, но отсутствие воды терзало и лосиху. Молока было мало, и оно к тому же, изрядно загустев, слабо облегчало жажду. Трава, которую они совсем недавно приучились щипать, опускаясь на передние коленки, становясь при этом похожими на живые складчатые столбики, потеряла влажную насыщенность, превратившись в невкусный пересоший папирус.

Толкая крупом растерявшихся детенышей, лосиха выбралась на берег. Грязь покрывала до самого брюха ее ноги, отчего казалось, что на них надеты длинные черные колготки. Она еще немного потопталась на месте, будто надеясь на какое-то чудо, ведь вода была так близко, однако затем, очевидно, найдя нужное решение, повернулась и потрусила в лес, ведомая куда-то звериным чутьем, обостренным к тому же материнским инстинктом. По-детски нескладные, точно вырезанные из корявых корешков, лосята поскакали следом. Они бездумно доверяли своей матери, уверенные в ее способности защитить и накормить свое потомство.

«Владимирский централ – ветер северный...», – надрывно гудело из пустоты салона. Все дверки и крышка багажника «гранд чероки» были распахнуты, отчего машина стала похожа на растопырившего крылья уродливого зеленого жука.

– Третий раз подряд заводишь, – усмехнулась Алевтина, глядя на Серегу с тревожным любопытством. – Ностальгия истерзала?

– Да нет, слава богу, не приходилось, – Серега несколько смутился, но вида не подал. Сорокаградусная «прохлада», успешно изъятая из недр, уже сработала соответственно, дав нужную настройку, и ему теперь хотелось благодушно по-кокчетничать с предметом своего прямого интереса, – Звучит душевно, да и поет мужик всамделишный.

– Никогда не понимала любви к тюремной лирике, тем более у людей, не имеющих к ней прямого отношения. По мне, так настоящий мужик должен не столько от блатной романтики тащиться, сколь стараться ее объятий избежать, – отворачиваясь, бросила Алевтина.

Дежурная скатерка раскинула под кроной рябины расцвеченные абстрактными разводами клеенчатые просторы, и Алевтина, наклонившись, стала выкладывать одноразовую пластиковую посуду.

«Смотрите-ка, персидская княжна, – Серега вцепился сверлящим алчным взглядом в ритмично подрагивающие, выпукло сидящие джинсовые карманы Алевтининых шорт. – Всегда они так, до первой звезды... Ужо я тебя сегодня искупаю. Как говаривал Стенька Разин: «Ночью на реке всяко-разное бывает».

С одной стороны, ему было колюче неприятно, что его музыкальные пристрастия не нашли должного понимания, однако каким-то необъяснимым образом отповедь Алевтины все же посеяла невнятную сумятицу в его до сих пор идеально сбалансированной душе. Он, вообще-то, никогда глубоко не анализировал подоплеку репертуара русского шансона, стараясь вникнуть в суть переживаний сентиментального «сидельца», следствием образа жизни которого определился солидный срок, просто цеплял ритмичный музыкальный ряд да трогала череда лирических метафор, столь многокрасочно рисующих чувства как бы несчастного, однозначно по «ложному» навету «закрытого» бандита, растиражированная надрывно-проникновенным творчеством известного певца. Теперь в тягучем баритоне отечественного шансонье ему слышалась заведомая фальшь, как будто отпустила в аккорде гитарная струна, и вроде как все еще звучит, но уже дребезжащим диссонансом.

Серега сунулся в машину и нажал кнопку. Оглушающая тишина упала на поляну, и только через несколько мгновений из леса донеслись треск и молодецкое уханье: «разогретые»

Семен и Шурик увлеченно валили сухостой, масштабно готовясь к веселым игрищам у вечернего костра. Серега пробежался, играя кнопками панели, по содержимому флешки в поисках подходящей композиции. Прозрачные искристые звуки музыкальной темы из старого фильма «Ромео и Джульетта» поплыли над поляной. Самого фильма он не видел, имя композитора Нино Рота ему тоже ничего бы не сказало, однако нежные вибрации, порожденные электронным трепетанием диафрагм акустических колонок, были как раз впору, записанные именно для таких случаев, являясь лирическим аккомпанементом к развивающейся интрижке.

«Получи, деревня, трактор...» – как-то не совсем удачно определив момент, сладко-мстительно подумал он и, мимоходом отправив ногой в полет перезревший одуванчик, скорым шагом двинулся к опушке, где на пеньке у глубокой ямы, в сосновой узорчатой тени расположился импровизированный фуршет. Не то чтобы он расстроился, для этого не было основательных причин, но проявившуюся шершавинку необходимо было срочно смазать, дабы без препятствий по гладкому знакомому пути скользить и далее к грядущим удовольствиям. Полупочатая бутылка потела земляными потеками. Серега набурил еще не успевшую степлиться водяру на две трети стакана, дзинькнул, чокаясь, мысленно живописуя собутыльника, граненой емкостью по влажному стеклу и выщипнул жирное «перо» из веера нарезки ветчины.

Едкая жидкость беспрепятственно упала в тренированную глотку. Он потряс головой, как бы распределяя полученный эффект по всему объему черепной коробки. Легкая туманная пелена, повисшая в сознании после первого приема, с энтузиазмом прошедшего под тостами «за приезд» и «за сапера», стала несколько плотнее, однако мир все еще был ярким, перспективен и доступен для адекватного приятия.

Мангал уже не метался, как полчаса назад, прозрачным пламенем, казавшимся на слепящем солнце ненастоящим, словно бутафорский костер, сооруженный из вентилятора и бледной марлевой нарезки, а мощно тлел широкой массой янтарных с легкой синью жарких угольев.

Светка на раскладном столике под разноцветным пляжным зонтиком крошила для салата овощи. Влажный нож сноровисто мелькал над разделочной доской, пуская лезвием корот-

кие слепящие блики. Непослушный рыжий локон падал ей на правый глаз, и она периодически поддувала на него через оттопыренную пухлую губу, над которой среди золотистого пушка блестели мелкие бисеринки пота.

Зелёнка повизгивала рядом, вздрагивая нервным хвостиком, перетапываясь нетерпеливо лапами, явно рассчитывая на подачку. Она, с несвойственным собакам порочным вегетарианским вкусом, питала непреодолимую страсть к свежим помидорам.

Пора было заняться непосредственно шашлыком, тем более что голод, оживленный крепким аперитивом, несмотря на «экспресс-закуску», уже начал ворочаться, требовательно бурча что-то невнятное из подведенного живота. Серега всегда считал, что приготовление мяса есть дело ответственное и исключительно мужское: ну откуда бабе-дуре знать, как правильно его разделать, вдоль волокон или поперек, оставив при этом оптимальное количество жира, какой закваской лучше умягчить – лимончиком ли, уксусом, либо кефиром, каких и сколько добавить специй и насколько в меру посолить.

Собственно говоря, всю предварительную работу по закваске Серега, по причине срочных текущих обстоятельств, проделал сразу с утра перед поездкой, и теперь нужно было лишь в определенной, одному ему ведомой последовательности с овощами насадить замаринованные куски непосредственно на шампуры. Да и сам процесс жарения, несмотря на кажущуюся простоту, тоже казался ему сродни искусству: что недожарить, что пересушить – один черт, считай, испорченный пикник, тут даже водка не поможет.

– Жрать хочу! – с ходу плаксиво заявил Семен, выдираясь из кустов орешника. Он уронил на землю комель соснового ствола, плотно оперенного пластами побуревшей сухой хвои, и принялся обирать с физиономии белесые нити паутины.

– Удивил Москву лаптями, – Серега насадил на шампур капающий рассолом кусок. – Накати слегка, – он кивнул в сторону офуршеченного пенька, одновременно запуская руку в зеленую кастрюлю, заполненную розовато-серой массой остро отдающего пряной закваской подготовленного мяса, которая стояла у него между ног. – Глядишь, и полегчает.

– Всегда готов, – немедленно согласился Сема, салютуя пионерским жестом. – Иду в отрыв, прикрой огнем, – при-

гнувшись, заговорщическим шепотом продолжил он и тут же заорал, надсаживаясь, в сторону леса: – Эй, родственник, ходи сюда, дело есть на двести капель!

Светка подняла голову, но ничего не сказала. Она, как истинно мудрая женщина, интуитивно понимала, что семейные вожжи необходимо периодически отпускать, дабы супружеская жизнь не казалась мужу чем-то вроде беспросветной вечной каторги, и вообще, если человеческая слабость присутствует как данность, то уж лучше ненавязчиво контролировать, чем категорически глушить, потому как пороки, известное дело, от прямого запрета только истинно крепчают, а водка имеет заведомо большую потребительскую текучесть, нежели вода, которая, как говорится, всегда дырочку найдет.

– Ну, слава богу, отпустило, – Семен сыто рыгнул, прикрываясь осаленной ладонью. – Давно такого не едал.

Крепкий аромат «дозревающего» на мангале шашлыка, получасом ранее плотным облаком висевший над поляной, уже успел рассеяться, а импровизированный «стол», будучи за то же время активно пользован, неизбежно потерял свой первозданный вид, превратившись из праздничной «скатерки-самобранки» в подобие разграбленного поля битвы неудержимого чревоугодия. Распахнутое чрево джипа уже не источало волны лирических мелодий, видимо, содержание флешки себя исчерпало, и лишь стрекот термоустойчивых кузнечиков поднимался из пожухлого травостоя.

Солнце слепящим пульсирующим диском висело все так же высоко. Оно лишь полого прокатилось по бледно-голубой пустоте выцветшего небосвода, взащей изгнав из-под рябины спасительную тень. Казалось, от него, как от утихающей оркестровой тарелки, идет едва уловимый звенящий грохот.

Зелёнка, еще в начале «застолья» по-быстрому напоровшаяся жирных огрызков шашлыка, изрядно сдобренных печеными помидорами, раскинувшись под кустом, сыто взрыкивала, подсучивая медленными лапами. Ей снились груды розовых недожаренных бифштексов, и ее невесомым воздушным шариком плавно несло мимо, а они лениво потягивали вслед, разевая маленькие зубастые пасти, по причине ее, Зелёнкиной сытости, напрочь утратив свою нежную гастрономическую прелесть.

– Жуть какая. – Светка провела по лбу тыльной стороной ладони. С ладони потекло, и она вытерла ее салфеткой. Широкий зонтик, под которым она сидела в силу своего исключительного положения, на раскладном стульчике, хотя и прикрывал от прямых лучей солнца, все же не спасал от обволакивающего пекла, словно все они пребывали в помещении перегретой сауны.

Зелёнка, потревоженная наползающей линией светотени, очнувшись от своих кошмарных грез, перекатилась на брюхо. Глубокая лоханка стояла с другой стороны куста, и собака, покачиваясь на неверных со сна лапах, дотаскиваясь до нее, принялась шумно лакать, мелькая красной тряпкой языка, разбрызгивая вокруг искристые каскады воды. Осушив посудину, она еще мгновение стояла, поводя мутными глазами, затем, словно разом обессилев, рухнула на землю, откинув неестественно все четыре лапы назад.

– Потешная псина, – умилился Серега, искоса рассматривая обездвиженную тушку Зелёнки.

Его голова удобно устроилась на коленях Алевтины, что уже, само собой, говорило об очевидном прогрессе, а возбуждающий аромат, состоящий из французского парфюма и сдобренный незначительным оттенком женского пота, действовал подобно афродизиаку, накатило, словно механизм раритетного патефона, раскручивая маховик его страсти.

– Макнуть бы надо, – добавил он без всякого перехода. Сыто-пьяное туманное состояние, усугубленное жарой, требовало покоя, однако дурной накал, возгоняемый крепким градусом, одновременно тянул на подвиги. К тому же хотелось лицезреть Алевтину, сидевшую сейчас в блузке и соломенной панаме, – исключительно во весь рост, облаченной единственно в условные лоскутки купальника, в идеале, естественно, вовсе без него, и конечно же, непосредственно в водном интерьере, что, как он предполагал, придало бы ее женскому обаянию еще больше пикантно-эстетической привлекательности.

– Обязательно, – поддержал инициативу друга изрядно «окривевший» Семен. – Еще по одной «за тех, кто в море», и погребли.

– Может, хватит? – осторожно сказала Алевтина, уловив Светкино протестующее движение.

– К-конечно х-хватит, – немедленно согласился Семен, пьяно заикаясь. – Водка – это зло, а со злом, положим, надо бороться. Щас победим и отпразднуем. Шурин, наливай!

Светкин брат не заставил себя упрашивать. Он, за неимением объекта сексуального приложения, должен был бы чувствовать себя эмоционально одиноким, если бы не одно значительное «но». В свои тридцать два года он уже успел дважды жениться, соответственно, дважды развестись, причем последний раз совсем недавно, и теперь, не обремененный ни детьми, ни обязательствами перед супружней половиной, наслаждался вновь обретенной свободой, снисходительно оценивая суетливые перипетии замужества сестры и перспективы Серегиных потуг. Женский вопрос, на сегодняшний момент, его не волновал вовсе.

Однако чем-то же надо было заняться, и он, не сдерживаемый никакими ограничениями, уже, частя внеочередными подходами, успел порядком накачаться и теперь смотрел на перегретый мир голубым остекленевшим взором, пребывая в псевдосчастливом состоянии, хотя и не утратив основных рефлексов, успешно функционируя в режиме «автопилота».

Теплая жидкость разбежалась по стаканам, и порожняя бутылка откатилась в сторону, опасно брякнув среди своих стеклянных близнецов.

– Четвертый пошел, – хихикнул Серега, провожая ее взглядом и приподнимаясь. Покидать уютные бедра Алевтины не хотелось, однако было налито, что тянуло за собой предопределенную последовательность действий.

– Да ну вас! – расстроено всхлипнула Светка.

Видимо кредит алкогольного доверия родственникам подошел к концу, и она, не желая присутствовать при их очевидной деградации, вскочив со стульчика, быстро отошла, почти отбежала, к обрыву. Алевтина поднялась следом. Женская солидарность требовала проявить участие. Алевтина, конечно, как девушка вполне продвинутая, всегда была не прочь расцветить настроение путем употребления бокала вина, и даже, за неимением оно, соответствующей дозы более крепкого напитка, однако сейчас общение с мужской половиной компании, по всем признакам, начало принимать весьма одиозный оборот, находясь на грани перехода в категорию «ты меня уважаешь?..» и, возможно «...чего ломаешься, дура, от тебя же

не убудет?», что становилось уж вовсе не интересным и даже, в какой-то степени, чрезвычайно опасным.

– Да, ерунда, не расстраивайся! – сказала она, обнимая Светку за плечи. – По-моему, у них уж все закончилось, а там, глядишь, проспят и образумятся.

– Наивная! – горько отозвалась та. – Уж я-то знаю своих козлов, наверняка еще заначка где-то есть.

Скорбно вздохнув, она подошла к самому краю обрыва. Осыпающиеся земляные порошки прокопанной в обрыве лестницы почти отвесно убегали вниз, к пляжу, откуда выпирала, словно от песочной засыпки кофейной жаровни, упругая линза раскаленного воздуха.

– Пстой, я помогу! – Алевтина протянула руку.

Она уже стояла на коленях, удерживая спускающуюся вниз неуклюжую в своей беременности Светку, когда случайный косой взгляд заставил ее громко ойкнуть, рефлекторно дернуться, чуть было не выпустив Светкину руку, и тут же потащить ее, ничего не понимающую, обратно вверх, на безопасный край обрыва.

Сверкающая кварцевыми искрами полоса песка, перекрывая с правой стороны двумя стоящими бок о бок слоноподобными валунами, стелилась влево метров на сто, где, заузившись до предела, соединялась с пологой дугой сползающего к воде обрыва. Немногим ранее она была чиста и пуста, словно выметена, лишь кое-где перечеркнута редкими штрихами выбеленных солнцем и водой узловатых сучьев и стволов. Сейчас же девственность пространства была нарушена корявой движущейся кляксой. Через мгновение абстрактное пятно распалось, оборотившись тремя размашисто бегущими фигурами, вызывающими тем большую оторопь своими узнаваемыми чертами, поскольку сейчас они были видимы не на картинке или на экране, а в непосредственной близости.

– Какие хорошенькие! – умилилась Светка.

Они с Алевтиной уже пришли в себя и, сидя на корточках над обрывом, со сдобренным легкой опаской жадным сочным интересом городских жителей, встречающихся с дикой природой лишь при необременительных походах в зоопарк, глазели из-за куста на лосиху с детенышами, которые, забредя по брюхо в озеро, с очевидной жадностью глотали теплую воду.

– Много ли мужику для счастья надо? – томно спросил Семен. – Водки скусной выжрать, бабу сдобную пошшупать,

ну и, разумеется, – он выдержал внушительную паузу, – гада помещика поджечь.

Они только что «приговорили» разлитое по стаканам; аварийный резерв в виде «пузыря», предусмотрительно заложённого в запаску, подтверждая обоснованные опасения Светки, конечно же, имелся, однако усугублять пока что, как, собственно, и есть, больше не хотелось; ословелая прострация по типу «пароксизма довольства» еще не навалилась, и беспокойная хмельная энергия начала потихоньку раздувать волдырь нездорового потенциала, стремясь вырваться наружу, настойчиво требуя хоть какой-нибудь точки приложения.

– А чё это там наши красавицы притихли!? – озадачился Серега, щурясь в сторону обрыва. – Вот я их сейчас...

Он покачался, изображая «неваляшку» и одним движением ловко упал вперед, перекатившись с корточек на четвереньки. Расписанные легкомысленными силуэтами обнаженных девиц короткие штаны в стиле «бермуда панталонес» плотно обтянули оттопыренную задницу, делая его похожим на озадаченного охотничьей «идеей-фикс» мультипликационного волка, в который раз безуспешно скрадывающего неистребимого зайчишку.

Беспечно топоча обезболенными «общей анестезией» голыми коленками по колким сучкам и шишкам, к тому же ведомый неодолимыми позывами «основного инстинкта», он уже незаметно подкрался к девушкам, собираясь шутливо подтолкнуть их к обрыву, когда Алевтина, словно почувствовав его присутствие, коротко оглянулась, нейтрализуя хулиганскую задумку.

– Тихо! – прошептала она, запуская пальцы ему в волосы, как будто стремясь приструнить шептунную собачонку. – Не видишь, у нас гости?

Серега некоторое время из-под ее руки, насупившись, пялился на пляж побелевшими глазами, заторможенно проворачивая слипшуюся макаронную массу запутанных мыслишек. Наконец, складочка на его переносице сгладилась, разбежавшись над вздернутыми бровями строчками удивленных морщин.

– Мсяо?! – негромко, словно пораженный собственным открытием, пробормотал он, нарочито исковерканным словом, придавая ему особое исключительное значение, и сразу же, моментально освоившись с вспыхнувшей идеей, уверенно,

приглушенным голосом, чтобы часом не спугнуть, восторженно заорал:

– Пацаны, мясо!!! Само пришло!

Недоумевающие Светка и Алевтина не сопротивлялись, когда Серега, цепко и больно прихватив их за руки, подобно оголодавшему пауку, тащил обратно в глубь поляны.

– Ну, как, осознали?! – скорее утверждая, нежели спрашивая, изрек он, когда, ошеломленные нежданно возникшей суетой, сотоварищи были по-быстрому посвящены в текущие обстоятельства. – А скотину, – опустив крышку багажника, Серега повелительно ткнул пальцем в сторону дремлющей Зелёнки, которая теперь перевернулась на спину и не торопясь куда-то трусила, перебирая лапами в сытой истоме, – в машину забросьте, чтобы не гавкала!

– Лоси, говорят, крепко копытом бьют, – немедленно озадачился осторожный Семен. – Медведя валят, не говоря уже о волке. Причем вперед садят, сволочи, будто каратисты.

Он нелепо дрыгнул ногой, однако удара не получилось. Тошная конечность, словно пустой пожарный рукав, вяло вылетела из-под него вперед и безвольно упала обратно.

– Так то лоси, а это так, корова, да еще и безрогая, – успокоил его Серега.

– Вы что, с ума все съехали?! – сказала Светка. До нее только сейчас дошла суть затеваемой операции, и она стояла, крепко обхватив ладонями дерзко торчащий живот, будто стараясь оградить его от какой-то неведомой опасности.

– Цыц, кошелки! И не квакать! – подал голос ее брат. Ему уже все было «по барабану»: сквозь мутную кисею опьянения он толком не разобрался, о чем идет речь, но выстраданная среди страстей двух неудачных браков личная свобода заставляла пресекать на корню всякое женское противоречие, тем более высказанное в пику мужским здоровым начинаниям.

Алевтина качала головой, извечным женским жестом прикрыв рот ладошкой. Ее вызывающая независимость как-то разом поблекла, и она оборотилась в обыкновенную испуганную девчонку.

– Мальчики, не надо! – наконец просительно пробормотала она.

– Молчи, баба, не встревай, когда мужи охоту ладят! – несколько напыщенно заявил Серега. В пылу ажиотажа он

быстро утратил ощущение границы, отделяющей допустимый пафос от откровенного хамства, и, подобно безумному носорогу, пер к осуществлению затеи, не понимая, что никакого героического позитива в его отношения с Алевтиной она не принесет.

– Может, действительно не надо? – неуверенно, словно стесняясь собственной слабости, опять засомневался Семен, но, встретив удивленно-презрительную Серегину гримасу, стушевался и, с облегчением переложив нравственную ответственность на друга, сначала медленно, но затем, ускоряясь, на ходу накачивая себя охотничьим азартом, бросился в лес по верху обрыва. Шурик прихватил Зелёнку за шерстяной за-гивок, швырнул ее, слегка обалдевшую от столь бесцеремонного обращения, не успевшую даже огрызнуться, в машину, захлопнул двери и, выдернув на ходу из пня туристический топорик, слегка петляя неверными ногами, потрусил следом.

Лось, конечно, не верблюд, способный после длительного воздержания вылебать сто литров воды за один присест, однако и он, как любая живая тварь, долгое время не имея возможности напиться, будет при случае набирать влагу про запас до предела.

Поводя заметно раздувшимися боками, отяжелевшая лосиха медленно выбралась на берег. Заскорузлая грязь, до сих пор черной чешуей покрывающая ее ноги и брюхо, теперь размокла, оплыла, и прозрачные капли воды, скатываясь с потёмневшей чистой шерсти, падали на песок, мгновенно с легким шипеньем испаряясь. Ее немного беспокоила незнакомая местность, однако смутная тревога не шла ни в какое сравнение с решением насущной проблемы водопоя. Лосята на мелководье, пуская круги, били задорными копытцами, с наивным любопытством присматриваясь к бескрайней перспективе водной глади, слегка дрожащей слюдяными блестками в гребенке мелкой ряби. Им еще ни разу не доводилось видеть опрокинутую ширь голубого неба.

– Ну, и что дальше? – озадачился, несмотря на отрезвляющий забег по лесному бездорожью, все еще «мутноватый» Шурик, при этом подбрасывая и пытаясь поймать за топориче провернувшийся в воздухе топор. Однако хмельная незадача

давала себя знать, и топор все время мимо пальцев беззвучно падал на мягкую пружинящую землю.

Вокруг высокими колоннами, поддерживая лесной свод, возносились сосны, сквозь череду стволов которых со стороны озера в десятке метров просвечивала узкая белая полоска.

– А хрен его знает! – отозвался Семен, шаря глазами среди подростков-сосенок, что прозрачными разновысокими фонтанчиками били из рыжего, кое-где испачканного изумрудными пятнами стелющихся папоротников, дерна. – По ходу дела разберемся. Дай-ка свой томагавк, бесстрашный Чингачгук.

Он выволок из-под куста длинную валежину и, отобрав у родственника топорик, сноровисто обрубил торчащие сучья, превратив ее в полутораметровую увесистую дубину.

– Ну, где-то так, – Семен половчее перехватил ее за тонкий шелушащийся конец. Дубина липла клейкой смолой. Он потерял ладони одна о другую, однако смола не отошла, но липнуть перестала, покрыв ладони темными шершавыми потеками.

Объединенные одной жизненно важной, как им сейчас казалось, идеей, они, настороженно пригнувшись, словно бывалые охотники, скрадывающие дичь, двинулись туда, где резко обозначенная опушка выходила непосредственно на окончание пляжа.

«Ки-ки-ки!» – раздался пронзительный высокий крик, и черный силуэт черкнул по песку, смешавшись на мгновение с тенью лосенка, который, шарахнувшись в сторону, испуганно помчался прочь от матери, высоко вскидывая задние ноги. Черный коршун сделал круг, еще раз прошелся по стремительной глассе вдоль кромки озера, затем, сбив набранную скорость громко захлопавшими крыльями, поднялся вертикально над вершинами деревьев, чтобы упасть куда-то в гущу леса. Ему не было никакого дела ни до пугливого телка, несущегося по пляжу, ни до людей, осторожно идущих по песку...

Что-то изменилось в окружающем пространстве. Уловив краем глаза далекое движение, лосиха повернула голову. На коршуна она не обратила внимания, воспринимая хищную птицу как типичный атрибут окружающей природы, но две приближающиеся фигуры выглядели незнакомо-угрожающе, и ощущение того, что она всем семейством вдруг оказалась

в природной западне, привело ее в смятение, тем более что существа внезапно побежали, издавая громкие вопли.

Будь лосиха без детенышей, постарше и опытней, она, зажатая между людьми и валунами, однозначно попыталась бы прорваться, рассчитывая исключительно на свою силу и быстроту, но сейчас, отяжелевшая от выпитой воды, уstraшенная невиданными существами, она, прыгнув ищаще из стороны в сторону и, наконец, избрав единственно открытый путь, бросилась в воду.

Плывать ей еще ни разу не доводилось, однако, следуя инстинкту самосохранения, лосиха стремительно ринулась на глубину и, когда раздвоенные копыта перестали чувствовать дно, естественным образом быстро поплыла, перебирая длинными ногами, стараясь оторваться от взметнувшихся на берегу угрожающих криков. Второй лосенок, ведомый тем же инстинктивным умением, силясь не отстать от матери, плыл позади, почти уткнувшись мордочкой в ее круп.

В своем зверином недомыслии лосиха сейчас, конечно, не могла осознать, что один из ее детенышей, никогда ранее не видевших большой воды, утратив с ней непосредственную связь, уже не в состоянии последовать материнскому примеру, и теперь, потеряв ориентацию, в растерянности мечется по раскаленному песку,

– Уйдет ведь, уйдет, сволочь! – в запале страдальчески блажил Серега. – Отсекай его от воды!

Он бежал, поднимая брызги, по мелководью, размахивая саперной лопаткой, имея главной целью прижать намеченную дичь к непреодолимому обрыву.

Между ним и набегающими родственниками оставалось метров двадцать, когда возбужденная Зелёнка, царапая когтями обшивку двери, просочилась сквозь широкую щель полуоткрытого окна машины. Стремительным клубком лохматой белой шерсти она, проскочив между ног застывшей над обрывом Светки, кубарем скатилась по отвесным ступенькам на песок. Раскатистые вопли знакомых голосов манили ее, словно запах валерианы мартовского кота. Охотничий инстинкт, в своем непосредственном проявлении трансформированный беззаботной сытой жизнью в игровую форму, тащил ее туда, где, как ей виделось в ее щенячьем сознании, все участники,

само собой, получают искреннее удовольствие от веселого игрища.

Ворвавшись в пределы хоровода, звеня восторженным твяканьем, она завертелась вокруг лосенка, принимая его дерганные скачки за желание вместе порезвиться.

Обессиленный лосенок стоял под нависающей земляной стеной, составив ножки высоким трогательным «иксиком», прижав к загривку, будто заяц, длинные уши, загнанно покачиваясь, не вполне осознавая, что происходит вокруг. Ведь всего лишь какие-то минуты назад все было хорошо: вода, наконец, утолила жажду долгожданной прохладой, и поднимался рядом непробиваемой защитой уютный бок матери, к которому можно было доверчиво прислониться и спокойно отдохнуть, укрывшись от палящих лучей, вдыхая сытный, сладковатый запах молока.

Он неуклюже попятился от наседающей, заливающейся, как ему казалось, угрожающим, лаем собачонки, когда тяжелая дубина, городошной битой прошелестев в раскаленном воздухе, будто вышибая простейшую фигуру, подсекла его, ломая тростинки тонких ног. Удар пришелся точно в узловатые колени, сокрушив их легко, как поставленные друг на друга столбики городошных «рюх».

– В яблочко!!! – заорал Семен, хлопая себя ладонями по бедрам. Его физиономия лучилась чистым счастьем, точно выпала в рулетку на последней ставке заявленная цифра. Он горделиво огляделся, вознеся над головой в победном салюте сцепленные руки.

Они стояли, тяжело дыша, вокруг поверженного тельца, которое, страдальчески изгибаясь, слабо барахталось, в тщетных попытках подняться. Раскаленный песок жег бок, но эта боль была ничто по сравнению с болью в изломленных ногах и тем, черной пеленой наползающим со всех сторон абсолютным смертным ужасом, наедине с которым лосенок вдруг оказался, не прожив на свете и шестидесяти коротких светлых дней. Он вытянул шею и тонко, словно ребенок, протяжно закричал...

Зелёнка еще пару раз по инерции гавкнула, затем, не зная, что делать дальше, озадаченная внезапным окончанием игры, замолкла, вопросительно глядя на него.

Перепуганная лосиха, стремительно выгребаящая от берега, было дернулась, резко меняя направление, наехав тяжелым боком на плывущего рядом второго детеныша, но затем выровнялась, и вскоре два темных пятна, большое и поменьше, затерялись в мерцающей полосе солнечной дорожки.

– Интересно, это кто? – праздно любопытствуя, нарушил тягостное молчание Светкин брат. Он переложил топорик из руки в руку и вытер потную ладонь о футболку. – Я где-то слышал, что молодые почти всегда рожают телок, а старые – бычков.

– Да заткнись, ты! – отозвался Серега раздраженно. – Телки, бычки! Тоже мне, специалист по КРС.

«Операция» успешно осуществилась, однако задуманный итог теперь воспринимался несколько иначе, нежели предполагалось полчаса назад. Трое взрослых парней топтались в замешательстве, словно начинающие познавать мир малолетние детишки, случайно нашедшие в поле гнездо жаворонка и теперь не ведающие, что же делать с этими, такими симпатичными, совершенными по форме, очаровательными продолговатыми камешками, неожиданно расплзшимися под их любопытными пальчиками противной липкой скорлупой.

– Ты что сделал, идиот?! – накручивая себя, с тихим бешенством, наконец, просипел Серега. Являясь непосредственным инициатором действия, он теперь оказался в понятном затруднении и желал бы, само собой, откреститься от ответственности за произошедшее.

– А, что?! – Семен затравленно оглянулся по сторонам. Светка и Алевтина все так же стояли на краю обрыва, не решаясь, а, скорее всего, просто боясь, спуститься вниз. – Сам сказал – мясо.

– Ну, так свежуй! – Серега броском воткнул в песок лопатку. – Нож там, – он мотнул головой в сторону подъема, – топор у шурина. Вперед!

– Н-не! Я не умею! – испуганно попятился Семен и, зацепившись пяткой за торчащий из песка булыжник, судорожно замахал руками, удерживая равновесие. – Я, пожалуй, пойду.

Он повернулся и, засунув руки глубоко в карманы, с каждым шагом все быстрее, побрел к лестнице, словно стараясь увеличивающимся расстоянием оградить себя от того, что, изредка

подергиваясь, хриплым дыханием, нарушая тяжелую знойную тишину, настойчиво толкало его в незащитную спину.

– Кина не будет, электричество кончилось. А, значитца, пора до хаты, – скептически причмокнув, констатировал Шурик, который все еще пребывал в счастливой туманной эйфории, воспринимая события как стереоскопическое действо, в котором все вроде бы объемно, реально и чрезвычайно красочно, однако зритель прекрасно понимает, что все эти художественные страсти – не более чем иллюзия, которая исчезнет, лишь только в зале вспыхнет свет.

– Да на хрен он сдался, – самому себе, как бы оправдываясь, пробормотал Серега. Он выдернул из песка лопатку и решительно двинулся вслед за Шуриком. В сторону лосенка он больше не глядел.

Зелёнка, вертя лохматой головенкой, суетливо перетапывалась на месте. Ей очень не хотелось уходить, но гоняться было больше не за кем, а бездеятельные лапы жгло совершенно нестерпимо. Она последний раз взглянула на лосенка, слабо тявкнула и помчалась вслед за людьми, стараясь делать как можно более длинные прыжки.

Черный коршун, мощно работая крыльями, поднялся из недр леса, и на воздушном потоке, горячим столбом выпирающим от пляжа, поплыл, распуская восходящую спираль. Сквозь легкое дрожание знойного марева ему были четко видны и суесящиеся на поляне вокруг машины люди, и выбирающиеся на противоположный берег озера две разновеликие фигуры, и темный бугорок на белом фоне пляжа. Он чуть повернул рулевые перья, переходя на нисходящую траекторию...

Серега молча поднял крышку багажника, вытащил из диска запаски бутылку и, свернув сухо скрипнувшую пробку, из горла быстро выглотал половину содержимого. Кураж иссяк, а наступившее угрюмое похмелье, сопровождаемое гадким ощущением совершения откровенной мерзости, нужно было срочно залить, дабы не обжигаться о незначительные искры сожаления, поднимающиеся из едва тлеющего костерка ущербной совести.

Одно было ясно как божий день: пикничок явно не удался, и Алевтине нынче уж точно не оценить его мужские качества, как, впрочем, и ему ее женские достоинства.

Он пинком перевернул коробку сборного мангала, которая в облаке пепла разлетелась посеребрившими от жара металлическими пластинами, выдрал из земли «веселый» зонтик и швырнул его в багажник...

Обратно ехали молча, откровенно стыдясь друг друга, уткнувшись каждый в свое окно.

– Да ладно, оклемается, – пробормотал Семен, ни к кому специально не обращаясь. Он сидел теперь рядом с Сергейей, который, нависнув над рулем, в пьяном угаре, утопив до пола педаль газа, гнал машину, не обращая внимания на жестко бьющие в днище корявые желтые камни.

Ему никто не ответил. Только Зелёнка, трясущаяся под ногами среди беспорядочно набросанного барахла, длинно, с придыханием повизгивала, заискивающе заглядывая поочередно всем в глаза, просила человеческого внимания.

Лосенок, беспомощно сучащими ногами, накопав вокруг себя мелкие сыпучие барханчики, словно незначительная мшистая кочка, лежал на песке. Мелкая судорожная дрожь изредка едва заметно пробегала по его светло-рыжему бочку. Солнце, катящееся к вечеру, опустилось за кромку леса, и тень легла на пустой пляж, несколько снижая пыл этой естественной жаровни. Бархатное веко лосенка трепетало длинными ресницами, что, впрочем, совсем не пугало вездесущих наглых мух. Они, инстинктивно чувствуя накатывающее небытие, резкими ищущими движениями сновали по короткой шерсти, закапывались в ноздри, уши, безбоязненно клевали хоботками прозрачную линзочку слезы, дрожащую в уголке влажного глаза.

Крепко сбитые, похожие на стремительные пули, сероватосиние, словно выкованные из неистребимого булата слепни, выписав над мелководьем в знойном мареве изящный разворот, уверенно и точно, подобно штурмовым вертолетам, выходящим на захваченную радаром цель, невесомо падали на маленькую тушку, чтобы, разворошив детский незначительный подшерсток, мгновенно прокусив тонкую кожу, без помех и вдоволь насосаться пока еще теплой крови.

Мух и слепней не волновали вопросы бытия – им было абсолютно все равно, что жрать...

Читатели детективов, и в особенности подписчики «ДСМ», – весьма искушенная в особенностях жанра аудитория. Мы знаем это совершенно точно и стараемся соответствовать вкусам своих читателей, – хотя, без ложной скромности, можем сказать, что слабых детективов никогда не публиковали. В новом 2014 году читателей ждут встречи с полюбившимися им авторами – Валерием Нечипоренко, Людмилой Малёваной, Андреем Ракшой, Татьяной Ефремовой, Александром Трапезниковым, а также произведениями классиков жанра.

В своей современной палитре детектив порой выбирает краски, рассчитанные на одноразовое чтение. «ДСМ» стремится дать своим читателям возможность провести время с пользой, вкусить драйв от головоломных интриг, не побоявшись этого слова, поразмышлять о неоднозначности нашей жизни. Это вовсе не значит, что в наших текстах заложены некие интеллектуальные хребты немислимой сложности. Напротив – юмор, узнаваемые реалии в сюжетах в упаковке стремительно развивающегося действия – вот что отличает авторов «ДСМ», при том, что каждый из них имеет индивидуальные особенности стиля, которые мы бережно сохраняем.

Ваши пожелания редакция и авторы увидят на сайте подвигжурнал.рф в разделе «Детективы СМ»

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ

Произведение петербургского писателя Валерия Нечипоренко «Говорящие улики» может быть отнесено к жанровой разновидности «роман в новеллах». К тому же оно построено на сюжетном приеме мистификации, найденной или переданной кем-то рукописи. Хрестоматийный пример – полные таинственных событий «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» Александра Сергеевича Пушкина. В нашем случае место рукописи заняли компьютерные файлы, которые передал автору вынужденный внезапно уехать – по-видимому, спасаясь бегством – частный детектив и «народный эксперт» Пережегин. Он называет себя «народным экспертом», по аналогии с народными целителями, а может, с народными артистами, потому как есть в его методах что-то и от целительства, и от актерства. Фактически Пережегин – паразексперт. В том смысле, который несет в себе понятие «паранормальные явления»: вроде бы они происходят, и заслуживающие доверия очевидцы есть, и техника фиксирует, а объяснить, что это было, никак невозможно. У Пережегина дар: он чувствует вещи. Их ауру опасности или простое присутствие самого предмета – даже сквозь прочную дверцу камеры хранения. Вещи для него – как кольцо всевластья, которое все время стремилось вернуться к своему хозяину, а случайных владельцев порабощало и предавало.

Но каждая вещь скрывает тайну. Вот у несчастной библиотечарши украли картину, и не бесценное произведение искусства, а городской пейзажик работающего для туристов уличного художника. Но за этой картиной – ее копия, за ней – шедевры, скрытые под заурядными изображениями для того, чтобы перевезти их за границу. С целью продажи, разумеется. А за этим тройным нарисованным очагом, в темной, огромной питерской коммуналке... прячется старушка с электрошокером. Тайны и их разоблачения увеличиваются в размерах, громоздятся друг на друга: тут и подробности из жизни художника-мариниста Айвазовского, и новелла об авантюристке Екатерине Радзивилл, любовнице начальника охраны и собутыльника императора Александра III генерала Черевина, позже ставшей любовницей сэра Сэсила Родса, основателя африканской Родезии и бриллиантовой компа-

нии «Де Бирс». И так далее: невероятно ценный кот, похитив которого, можно требовать выкуп; машина Эйлера – один из первых в истории приборов для физических экспериментов; замызганный, но многое означающий платок на штaketнике, вырванный из рамки, растерзанный рисунок... За каждой вещью, даже за котом – тайна, которую раскрывает народный эксперт. Перед его паранормальной интуицией не устоит и самый хитроумный план. И вот уже глаза современной авантюристки туманятся, и шепчет она обреченно: «Прощай, мечта!..»

Все это живо, занимательно, порой захватывает дух. Но в тексте Валерия Нечипоренко присутствует и тонкий слой, лежащий не совсем на поверхности. В произведениях об экстрасенсах и вольных, и невольных психикинетиках, еще со времен молодого Стивена Кинга, традиционно обострен конфликт между одиночкой, обладающим незаурядными способностями, и обществом. Обычно общество, ужаснувшись, отторгает от себя опасное «чудовище», и тому ничего не остается, как противостоять ему, ибо жить-то хочется. Вот и Пережегин со своими способностями, хоть и занимается только потерянными колечками и мобильниками, хоть и именуется свой офис скромно: «Бюро находок», все-таки перешел кому-то дорожку. Он, проводивший свои расследования словно вдали от людей – в темных коридорах коммуналки, на старых, еще советских дачах, в интерьерах ресторана, стилизованного под замок с привидениями, в закоулках питерских дворов-колодцев, вынужден исчезнуть, оставив свои икс-файлы знакомому писателю, каким, по законам мистификации, является автор. «Народного эксперта» не догонишь, не найдешь, не выпросишь – а значит есть еще тайны, которые ждут своей разгадки.

У ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Место действия рассказа Андрея Ракши настолько красиво, что трудно поверить, будто такие места еще сохранились близ наших городов. Опушка соснового бора, крутой обрыв,

чистый песок пляжа лесного озера – этот пейзаж и самого черствого человека должен немедленно привести в умиротворенное настроение, заставить задуматься о красоте, которая, как известно, великая сила.

Но даже в стремлении к красоте, в попытке восстановиться в окружении природы человек агрессивно внедряется в окружающий мир. Это противоестественное стремление стало настолько подавляющим, что не оставляет времени задуматься. Большую часть рассказа «Отменное мясо» занимает экспозиция. Читатель узнает, как давно один из героев, Серега, мечтал приобрести «достойную тачку», и о том, каких усилий другому, Шурику, стоило быстро отыскать на рынке приличное мясо для шашлыка... Большинство людей сегодня уверено: зазеваешься – ничего не достигнешь. Жажда потребления, присвоения – уже, кажется, у нас в крови. Конечно, в мужчинах – героях рассказа проснулся древний охотничий инстинкт, и, заметив лосиху с детенышами, они моментально его реализовали. Естественно, свою роль тут сыграли и крепкие напитки. Но бессмысленно забив лосенка, принеся эту жертву, компания словно прозревает. Серега боится «обжечься о незначительные искры сожаления».

Он, конечно, не Петя Трофимов из чеховского «Вишневого сада». Серега куда более прагматичный человек, настолько, что красота его уже почти и не берет, оставаясь утилитарным, призванным служить ему, Сереге, пространством. Но именно на этом языке предпочитает высказываться автор, Андрей Ракша. Острота сюжета его рассказа не в самом кровопролитии, а в том, что люди понимают: им не выйти за рамки своей социальной роли. Все слова уже сказаны, прошлого не вернуть, настоящего не поймать, будущего не угадать. От этого-то так скверно на душе у Сереги.

Сергей ШУЛАКОВ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В НОВОМ ГОДУ,

зайдя на сайт www.подвигжурнал.рф, вы сможете:

- ПОДПИСАТЬСЯ на наши журналы с любого номера, не выходя из дома

Страница «ПОДПИСКА».

Пользуйтесь АКТИВНЫМИ ССЫЛКАМИ!

- Выбрать ПОДПИСНОЕ АГЕНТСТВО, а значит, удобный для Вас способ доставки журнала (бандеролью – АРЗИ, до почтового ящика - МАП)

Смотрите БАННЕРЫ ВНИЗУ на главной!

- Перелистать подшивку журналов «Подвиг», «Кентавр», Детективы «СМ»

По просьбам читателей, писатели

сами выбирают лучшие отрывки из опубликованных произведений и ставят их на сайт!

- прочитать офф-лайн интервью с нашими лучшими авторами -Василием Головачёвым, Валерием Гусевым, Евгением Анташкевичем и др.
- узнать побольше о жизни издательства «Подвиг».

Не забудьте воспользоваться формой ОБРАТНОЙ СВЯЗИ на странице «О КОМПАНИИ» и

- оставить свои комментарии
- задать вопросы
- написать нам письмо, да и просто рассказать о себе!

Заходите в гости, ждем!

О ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Журнал "КЕНТАВР". Исторический бестселлер

позволяет проследить всю истинную историю России. В ней за тяжелыми временами всегда следовали эпохи мира и благополучия. Знание истории своей страны - незыблемая опора в настоящем.

Того, кто знает историю, невозможно обмануть политикам.

**Знание истории -
не только ценно, но и увлекательно.**

В классических и современных исторических романах, повестях и рассказах сборников "КЕНТАВР" вы найдете:

- Блестящие, остроумные рассказы классиков русской литературы на историческую тему.
- Браки, родственные связи русских царей и вельмож XIX века.
- Куртуазный XVIII век: похождения знаменитых российских авантюристов и приключения иностранцев в непонятной для них России.
- Русское Средневековье: правда о былинных князьях.

Государственные деятели отбросят маски, неизвестные герои расскажут о своих великих делах, будут разоблачены закулисные махинаторы, станут явными тайны, за которые люди отдавали жизнь. Перед читателем, открывая свои секреты, пройдет вереница фигур прошлого, оставшихся с нами навсегда. Марфа Посадница в романе классика русского исторического романа Даниила Мордовцева "Господин Великий Новгород", граф Аракчеев в произведении популярного беллетриста конца XIX века Николая Гейнце "Аракчеев", адмирал Завойко в романе современного автора Алексея Василенко "Камчатское одоление", и другие. К беллетристике "Кентавра" многие читатели обращаются снова и снова. Все читатели "Кентавра" найдут в сборнике исторические произведения, отвечающие их вкусу.

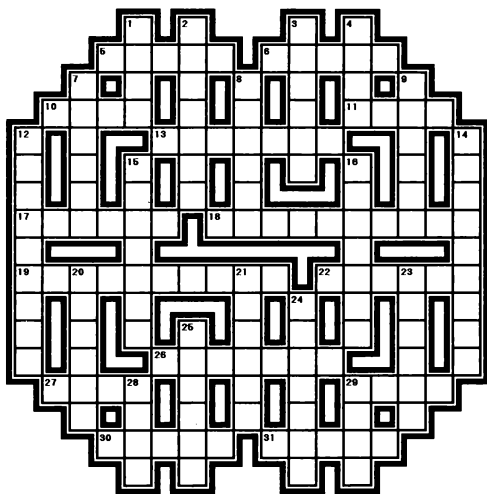
**Знанию своей истории не страшна инфляция.
Знание своей истории нельзя потерять.
Знанием своей истории можно поделиться
с родными, знакомыми, учениками.**

**"КЕНТАВР" выходит 6 раз в год.
В каждой книжке "КЕНТАВРА" -
два увлекательных произведения
с уникальными иллюстрациями.**

ПОДПИСНЫЕ
ИНДЕКСЫ НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ.

Наш сайт: www.подвижжурнал.рф

КРИМИНАЛЬНЫЙ КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Детективный рассказ «... Пендрагонов» Гилберта Честертона. 6. Культовый фильм «..., деньги, два ствола» от Гая Ричи. 10. Какого бандюгана Жеглов с Шараповым изловили? 11. «Буйный ...». 13. Кому хорошо, когда кому-то сделал плохо. 17. Агент наружного наблюдения на профессиональном сленге. 18. Звезда криминального боевика «Оружие». 19. «Оперативная ...» подозреваемого. 22. Оружие Демпси из новеллы «Дебют Мэгги» О. Генри. 26. Звание участкового Дорошина из романа «Городской тариф» от Александры Марининой. 27. Какой комиссар в сериале лает? 29. Какому Джеймсу и целого мира мало? 30. Ментовская роль Евгения Дятлова. 31. Дела интригана.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Собачий любимец Дарьи Донцовой. 2. Обман при продаже пива. 3. Какое заведение обманывает герой Сильвестра Сталлоне из фильма «Катала»? 4. Жалобный ... 7. Классический навет. 8. Фанат потасовок. 9. Какая часть нашей одежды больше всего интересует «щипача»? 12. Крутой ресторан из романа «Черная гора» Рекса Стаута. 14. «Мелкий ...». 15. Какой сериал прославил Максима Аверина? 16. «Зрительница» при обыске. 20. Сильно отрицательный персонаж. 21. Диаметр, в убийственном смысле. 23. Готический ужастик «Сонная ...» от Тима Бёртона. 24. Старший лейтенант, ставший героем сериала «Участок». 25. Источник дохода Робин Гуда. 28. «За ... краденного» барыгу могут и посадить. 29. «Долг верну, когда ограблю ...».

Работа Олега ВАСИЛЬЕВА



**Учредитель: ЗАО
«Издательская компания «Подвиг»**

Редакция:

Главный редактор **ШЕВЕЛЕВ Алексей Дмитриевич**
Ответственный секретарь **БАЛЯБИНА Татьяна Петровна**
8-495-787-35-64

Художник **АКУЛИНИНА Ольга Игоревна**

Деловая переписка, отдел подписки –
заведующая редакцией **РОМАНОВА Зоя Викторовна**
Тел./факс: **8-495-787-35-63 podvig1950@mail.ru**

Заведующая отделом распространения

ИЛЬИНСКАЯ Елена Павловна

Тел./факс: **8-495-787-3568**

HelenaPavlovna@yandex.ru

Компьютерная верстка – **САЗОНОВ Алексей Николаевич**

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № 015687

Формат 84x108 1/32 Гарнитура «Прагматика» Печать офсетная

Печ. л. 18. Подписано в печать 25.12.2013.

Тираж 4 000 экз. Заказ 4828. Цена свободная.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адреса в Интернете –

www.подвигжурнал.рф www.cm-plus.ru

Адрес редакции: 127 015 Москва, Новодмитровская ул., д. 5а



Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Конец. 6. Карты. 10. Фокс. 11. Нрав. 13. Злыдень. 17. Топтун. 18. Лавроненко. 19. Разработка. 22. Стилет. 26. Капитан. 27. Рекс. 29. Бонд. 30. Дымов. 31. Козни.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Монс. 2. Недолив. 3. Казино. 4. Стол. 7. Покупки. 8. Задирка. 9. Карман. 12. «Рустерман». 14. Пакостник. 15. «Глухарь». 16. Понятая. 20. Злодей. 21. Калибр. 23. Лощина. 24. Крацов. 25. Разбой. 28. Сбыт. 29. Банк.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

Светлана СПЕРАНСКАЯ
"ПАНСИОНАТ
"АРКАДИЯ"



Светлана СПЕРАНСКАЯ
"ПАНСИОНАТ "АРКАДИЯ"

Ночью из проходящего поезда на пляж пансионата стремительно вылетает сначала кейс, затем неизвестный... Происшествие не осталось незамеченным, а кейс пропал. Его местонахождение чрезвычайно интересует местных бандитов, а полицию - почему это их интересует?

Анатолий ГАЛКИН
"КОРОНА ЕЛИЗАВЕТЫ"

...альная корона императрицы ... кому ...

Анатолий ГАЛКИН
"КОРОНА ЕЛИЗАВЕТЫ"



Михайлов
ОХРИДСКИЙ
"ЯСТРЕБ"
ЯРОВ
КУРСКАЯ
АНОМАЛИЯ

парень. ...
о ценностях.

Святослав ЯРОВ
"КУРСКАЯ АНОМАЛИЯ"

Отправляясь с целью проведения научного эксперимента в район знаменитого танкового сражения 1943 года под Прохоровкой, друзья - ученый-нейрофизиолог и журналист - и предположить не могли, чем этот эксперимент обернется.

Алексей ВАСИЛЕНКО
"КАМЧАТСКОЕ ОДОЛЕНИЕ"

Основные события Крымской войны разворачивались в Севастополе. Но англичане и французы попытались захватить и далекую, ссыльную Камчатку. Будучи отрезанными от Родины, защитники полуострова чувствовали с ней незримую, но прочную связь. Горстка наших соотечественников одолела новейшие морские силы врага.

Даниил МОРДОВЦЕВ
"ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД"

...вейней Руси, Господин ...
...являлся крикливым ...
...водили "золотые ...
...овгородцы. Одной из ...
...и княжеской власти. ...
...падением уникальной ...
...рела Россия? Об этом ...
...ического ...
...цев.



Алексей Василenco
КАМЧАТСКОЕ ОДОЛЕНИЕ
Даниил Мордовцев
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

